ЧЕЛОВЕК
.....
СООБЩЕСТВО
.....
УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный журнал

№ 2 · 2013

ЧЕЛОВЕК СООБЩЕСТВО УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный
журнал

2-2013

Согласно Ф3 от 29.12.2010 №436-ФЗ журнал относится к категории информационной продукции для детей, достигших возраста двенадцати лет. Издаётся с марта 1999 г. Периодичность — 4 номера в год. Свидетельство о регистрации №Р2829 от 16 марта 1999 г. выдано Северо-Кавказским региональным управлением регистрации и контроля за соблюдением законодательства о средствах массовой информации и печати Комитета Российской Федерации по печати. Журнал распространяется по подписке. Цена свободная. Подписной индекс по каталогу «Роспечать» 46483.

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 19 февраля 2010 года №6/6 журнал «Человек. Сообщество. Управление», издающийся на факультете управления и психологии КубГУ, включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Учредитель:

Кубанский государственный университет

Адрес редакции:

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, к. 404-н. Тел.: (861) 219-95-63

Адрес издателя:

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149
Кубанский государственный университет

Статьи для публикации принимаются по эл. адресу: chsu1999@yandex.ru
Сайт журнала: <http://chsu.kubsu.ru>

Дизайн обложки: С. Г. Ажгихин, М. Н. Марченко. Оригинал-макет: Д. А. Хрипков. Отпечатано в типографии Издательско-полиграфического центра КубГУ. Адрес: Краснодар, ул. Ставропольская, 149

Подписано в печать 29.06.2013
Уч.-изд. л. 9,23. Усл. печ. л. 9,41
Тираж 1000 экз. Заказ №

Главный редактор:

Е. В. Морозова, д-р филос. наук, профессор

Редакционный совет:

Алексеева Т. А., д-р филос. н., проф. (МГИМО (У)); **Арутюнян Л. А.**, д-р филос. н., проф. (Ереванский ГУ); **Бабешко В. А.**, д-р физ.-мат. н., проф., академик РАН (Кубанский ГУ); **Бедерханова В. П.**, д-р пед. н., проф. (Кубанский ГУ); **Бодалев А. А.**, д-р психол. н., проф., академик РАО; **Деллер С.**, PhD, проф. (университет Висконсин-Мэдисон, США); **Жаде З. А.**, д-р полит. н., проф. (Адыгейский ГУ); **Зинченко Ю. П.**, д-р психол. н., проф. (МГУ им. М. В. Ломоносова); **Знаков В. В.**, д-р психол. н., проф. (Институт психологии РАН); **Иванов А. Г.**, д-р ист. н., проф. (Кубанский ГУ); **Кузьмина Н. В.**, д-р психол. н., проф. (РАО); **Латфуллин Г. Р.**, д-р экон. н., проф. (Гос. ун-т управления); **Марьин М. И.**, д-р психол. н., проф. (МВД РФ); **Никовская Л. И.**, д-р социол. н., проф. (Институт социологии РАН); **Романова А. П.**, д-р филос. н., проф. (Астраханский ГУ); **Рябкина З. И.**, д-р психол. н., проф. (Кубанский ГУ); **Сморгунов Л. В.**, д-р филос. н., проф. (СПбГУ); **Фадеева Л. А.**, д-р ист. н., проф. (Пермский НИУ); **Шабров О. Ф.**, д-р полит. н., проф. (РАНХиГС); **Шпак В. Ю.**, д-р филос. н., проф. (Южный федеральный ун-т)

Редакционная коллегия:

Авдеева Т. Т., д-р экон. н., проф. (зам. гл. редактора); **Белоконь Т. М.**, канд. филол. наук, доц.; **Дёмин А. Н.**, д-р психол. н., проф. (зам. гл. редактора); **Ермоленко В. В.**, канд. тех. н., доц.; **Ждановский А. М.**, канд. ист. н., проф.; **Кимберг А. Н.**, канд. психол. н., доц.; **Кольба А. И.**, канд. полит. н., доц. (зам. гл. редактора); **Курбатова Г. С.**, отв. секретарь; **Лаврова Т. Г.**, канд. экон. н., доц.; **Лузаков А. А.**, д-р психол. н., доц.; проф.; **Мясникова Т. А.**, канд. экон. н., доц.; **Оберемко О. А.**, канд. социол. н., доц.; **Ожигова Л. Н.**, д-р психол. н., проф.; **Остапенко А. А.**, д-р пед. н., проф.; **Савва Е. В.**, канд. филос. н., доц.; **Филиппов Ю. В.**, канд. экон. н., проф.; **Фоменко Г. Ю.**, д-р психол. н., проф.; **Юрченко В. М.**, д-р филос. н., проф. (зам. гл. редактора)

2-2013

Содержание

ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ

Якушенков С. Н., Якушенкова О. С. Изобилие ресурсов как одна из черт
фронтальных территорий 4

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОМПАРАТИВИСТИКА

Мироненко П. В. Закономерности и расхождение становления форм
государственного правления на постсоветском политическом пространстве 16

ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ

Усманов Р. Х. Этнополитическая безопасность приграничных территорий Юга
России и перспективы фронтальной миграции 29

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

Воловик Е. П., Плотичкина Н. В. Игровые практики в повседневной жизни
кубанской молодежи 41

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Голоушкин А. С. Индикаторы для мониторинга и оценки развития сектора
малого предпринимательства: проблемы выбора 49

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Ломовская О.Е. Развитие военно-гражданских отношений в контексте
национальной безопасности: теоретические аспекты 58

Власов С. С. От институционального оздоровления рыночной системы
современной России к цивилизованной деловой культуре 68

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Рябикина З. И., Богомолова Е. И. Возможные изменения субъектной позиции
личности в связи с нарастающей виртуализацией её бытия 76

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА

Бордовский В. А. Взаимосвязь смысложизненных ориентаций и перфекционизма
в структуре личностных особенностей субъекта помогающих профессий 91

РЕЦЕНЗИИ

Морозова Е. В. Миссия невыполнима? Продолжение дискуссии о роли
интеллектуальной 101

Кольба А. И. Циклы и особенности российской модернизации 104

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ 107

ПОРЯДОК ПРИЁМА И РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ 110

ИЗОБИЛИЕ РЕСУРСОВ КАК ОДНА ИЗ ЧЕРТ ФРОНТИРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

С. Н. Якушенков, О. С. Якушенкова¹

В данной статье рассматривается фронтир с точки зрения изобилия ресурсов. По мнению авторов, именно это свойство фронта делает его притягательным для различных этнических групп, стремящихся освоить эту территорию. Изобилие ресурсов характеризовало и российские фронтирные территории — сибирский и нижневолжский. Народная молва превращает фронтирные территории в своеобразную утопию, напоминающую Эльдorado или Беловодье. С подобным феноменом мы встречаемся как в различных американских фронтирах, так и в российских. Вместе с тем, в отличие от американского фронта, эксплуатация ресурсов российских фронтирных территорий, к сожалению, не всегда ведет к процветанию данного региона.

Ключевые слова: фронтир, ресурсы, Эльдorado, Юг России, утопия.

Yakushenkov S. N., Yakushenkova O. S. Abundance resources as one of the peculiarities of frontier territories

This article examines the frontier as the area with resource abundance. According to the authors, this feature of the frontier makes it attractive for a variety of ethnic groups coming to the area. An abundance of resources were the main feature of Russian frontiers, such as the Siberian and the Lower Volga frontiers. Popular rumors turned them into a kind of utopia, like Eldorado and Belovodie. Such phenomena are met in different American and Russian frontier territories. However, in contrast to the American case, the exploitation the Russian frontier resources, unfortunately, does not always lead to the prosperity of the region.

Key words: frontier, resources, Eldorado, South Russia, utopia.

Упоминания о фронтире чаще всего ассоциируются с образами лихих ковбоев, индейцев в боевых нарядах, сражающихся с американскими кавалеристами, переселенцев, грязных старателей, героических шерифов, наводящих порядок часто с помощью их главного аргумента — револьвера, одна из популярнейших моделей которого была так и названа «Миротворец» (Peacemaker).

Но вся эта вестерновская символика имеет чаще всего отношение к беллетристике или современным голливудским фильмам, формирующим этот образ. Конечно, Голливуд не первым начал создавать подобные образы, однако

¹ Якушенков Сергей Николаевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории зарубежных стран Астраханского государственного университета. Эл. почта: shuilong@mail.ru

Якушенкова Оксана Сергеевна – аспирант кафедры культурологии Астраханского государственного университета. Эл. почта: jestershadow@mail.ru

для современного массового представления о фронтире американские фильмы (а также итальянские, немецкие, югославские и пр.) сделали немало.

Ф. Тёрнер, когда создавал свою фронтирную теорию, видел во фронтире совершенно иные признаки. Для него фронтир был краем невероятных возможностей, неистовых людей, которые своим усердием и подвигами, порой с риском для жизни, создавали будущее процветание Америке. Здесь, по мнению Тёрнера, ковались основные черты национального характера: инициативность, авантюризм, смелость, независимость, приверженность демократическим принципам и т.д. Вот как Тёрнер сам характеризует значимость фронта: «Дикий Запад, историческая северо-западная территория сейчас является центральным регионом Соединенных Штатов, а еще век назад это была сплошная дикость (wilderness), прерываемая лишь немногочисленными французскими поселениями и деревушками американских поселенцев вдоль реки Огайо и ее притоков... сегодня этот район является краеугольным камнем американского содружества. С 1860 года большая часть населения Соединенных Штатов проживает в его пределах, а центр национальной промышленности располагается всего лишь в 8 милях от дома президента Мак-Кинли в Огайо. Из семи президентов, избранных в США с 1860 г., 6 были выходцами с Дикого Запада, и лишь седьмой из них был родом из района к западу от Нью-Йорка» [21, с. 433-443]. И действительно, многие современные институты США берут свое начало именно на территории так называемого Дикого Запада (Wild West), или фронта. Именно здесь, несмотря на превалирование мужчин в гендерном составе западных штатов, женщины добиваются равных с мужчинами прав в избирательной системе, и не только получают право, но и избираются в высшие органы власти. Здесь создаются новые социальные отношения и в конечном итоге возникает новая нация — сплав самых различных культур, кровей и т.д. Местные фермеры получали здесь огромные возможности для реализации своих амбиций, что дало В.И. Ленину повод говорить об особом характере аграрных отношений на Диком Западе [7, с. 226].

И хотя для Ф. Тернера наличие новых земель было главным движущим мотивом переселенцев, однако фронтир это не только новые земли, которые манят переселенцев, стремящихся превратить их в фермерские хозяйства. Фермерская экспансия на американском фронтире — относительно позднее явление, возникающее после того, как другие типы эксплуатации местных ресурсов частично исчерпаны, а сам фронтир, по сути, входит в новую фазу.

Очень часто фронтир начинается там, где возможна добыча дополнительных ресурсов. Продвижение испанцев на территорию индейцев в Центральной и Южной Америке было продиктовано стремлением к получению главного символа богатства — золота. Сибирский фронтир, как, впрочем, и американский, начинался из потребности получить другой эквивалент богатства — так называемое мягкое золото, или, как его называли на Руси, — мягкая рухлядь.

Речь идет о пушнине. О важности ее добычи для развития экономики написаны многочисленные труды [9, с. 243-261; 5; 2; 18;15; 22], поэтому здесь мы не будем на этом подробно останавливаться. Добыча пушнины, или трапперский бизнес, на фронтире была рискованна, однако приносила огромные прибыли и могла легко обогатить человека. Все это позволило американскому ученому У. Готцманну назвать некоторых трапперов «джексоновским человеком» [16, с. 402-415], причем под термином «джексоновский» понимались отнюдь не политические пристрастия, а некоторые общие признаки, схожие с теми, которыми Ричард Хофстадтер наделял среднего американца как потенциально-го капиталиста или будущего капиталиста («expectant capitalist»): «Типичный американец был потенциальным капиталистом, трудолюбивым, амбициозным парнем, для которого его дело было чем-то вроде религии» [17, с. 73]. И в определении Хофстадтера, и в характеристиках «джексоновского человека», данных Готцманном, политические пристрастия уходят на задний план. Определение «джексоновский», как нам кажется, понадобилось Готцманну, чтобы подчеркнуть, что судьба любого среднего американца могла сложиться так, как и судьба Эндрю Джексона, — из простого бедняка он мог стать президентом страны. Дикий Запад с его несметными ресурсами давал ему эту возможность. Каждый траппер, занимавшийся добычей пушнины, мог, как и знаменитый Роберт Кэмпбелл (1804–1879), из беднейшего ирландского парня, приехавшего в Америку с пустыми руками, превратиться в миллионера [19].

Пушной промысел в Сибири продолжал играть важную роль даже в середине XIX в., однако очень многие российские ученые начинают весьма критически относиться к методам добычи пушного зверя. Как писал известный сибирский историк А. П. Щапов, «сохранение первобытного, непосредственно-натурального элемента в народной экономике, в основе тысячи народных поселений, в том виде, в каком они существуют, есть грубое, анахроничное продолжение первобытного, звероловческого состояния людей, есть остаток и наследие от всеобщей бедности древней России, находившей лишь богатство в соболиной казне и характеризовавшейся своими бобровничьими, сокольничьими и т.п. деревнями, и наконец, есть свидетельство низкой культуры там, где еще сохраняется этот терологический элемент народной промышленности» [12, с. 32-33]. С ним солидаризируется и другой сибирский исследователь XIX в. Н. М. Ядринцев. Последнего по праву можно назвать сибирским Тёрнером, так как он одним из первых подробно описал пути колонизации Сибири, выделив разные ее волны: звероловческую, горнозаводческую, старательскую и скотоводческо-земледельческую [13].

Примечательно, что торговля пушниной и кожами осуществлялась и на другом российском фронтире — Астрахани. Сам факт того, что слово «Астрахань» во всех европейских языках помимо собственно географического наименования стало обозначать еще и «каракуль», а также изделия из него, говорит сам

за себя. На Нижней Волге велась самая разнообразная торговля со странами Востока, причем не только транзитная торговля, но и торговля кожаными и шерстяными изделиями собственного производства. Конечно, нет ничего удивительного, что именно меховые и кожаные изделия были теми товарами, которые пользовались высоким спросом в определенные периоды истории. И хотя до сих пор меховые изделия входят в категорию предметов роскоши вряд ли они могут доминировать среди экспортируемых товаров каких-либо стран, да и современные меховые изделия – скорее продукт промышленных технологий звероводческих ферм, чем результат охотничьего промысла. Вместе с тем на земном шаре остается еще множество мест, где промысел животных (меха, кож и т.д.) играет важную роль в региональной экономике. Как правило, это территории с неразвитой экономикой, что еще раз подтверждает правоту выводов К. М. Бэра, А. П. Щапова и Н. М. Ядринцева о примитивном характере региональных экономик, ориентированных на отстрел редких животных. Хотя, как нам кажется, Ядринцев переоценивал роль земледелия в колонизации новых земель.

Особую статью доходов как в Сибири, так и на южнорусском фронтире составляли ловчие птицы, продажа которых, особенно иностранцам, регламентировалась особыми законами. Соколов, ястребов, беркутов и другую ловчую птицу запрещалось продавать на вывоз в Персию, Среднюю Азию и другие страны вплоть до XIX в. Хотя эти птицы в Астрахани стоили не очень дорого, это была особая статья доходов казны, которая тщательно контролировалась, возможно, именно отсюда и вошло в ловчий арсенал выражение «мытиться» («линять») для соколов и других хищных птиц, так как первоначально слово «мытиться» означало платить таможенную пошлину (ср. таможня — мытный двор). Подобная птица, как правило, входила в число царских подарков во время посольств в страны Востока, и чтобы не снижать ценность дара, подносимого иностранному правителю от русского царя, продажа ловчих птиц за рубеж была строго ограничена. Однако их ловля и продажа продолжали играть заметную роль в хозяйственной жизни российских фронтиров, ежегодно при Алексее Михайловиче в отдаленные уголки отправлялись ловчие для поимки соколов и кречетов для царской охоты. В его царствование на потешных дворах содержалось несколько тысяч ловчих птиц. Естественно, что хорошо натасканные на дичь птицы высоко ценились в подарках, направляемых к восточным правителям. Цена такой птицы доходила порой до 1000 р. [6, с. 149].

Особым ресурсом фронтирных территорий можно считать и рыбные запасы, особенно редких и ценных пород. Ценность рыбных ресурсов для фронтирных территорий хорошо продемонстрировал уже упомянутый Н. Ядринцев, приведя в качестве аргумента слова [13, с. 701-702] одного из основателей Плимутской колонии Джона Смита, которого можно считать отцом новой американской нации. Но чтобы понять контекст, в котором и встречается дан-

ное напутствие, нужно ознакомиться с первоисточником. В нем Дж. Смит анализирует специфику испанской колонизации Америки. В заключение он добавляет, что в отличие от Колумба не может пообещать никаких золотоносных копей, однако есть то, на что следует обратить особое внимание: «Мои почетные и достойные люди страны, пусть не отвращает вас вся ничтожность слова рыба, ибо это позволит вам иметь столько же золота, как и рудники Гвианы и Потоси, но с меньшей опасностью и трудом, а большей уверенностью и легкостью» [20, с. 93]. В качестве аргументов Смит предлагает брать пример не с испанцев с их колониями, богатыми месторождениями золота, а с голландцев, обогатившихся за счет лова рыбы.

Нижняя Волга в плане рыбных запасов и возможности выжить, прокормить себя воспринималась как страна изобилия. Вот как описывает отношение бродячего люда к возможностям, раскрывающимся перед простым народом на южном фронтире русский поэт И. С. Аксаков в своей поэме «Бродяга». В начале поэмы бродяги-крестьяне, убежав от своих помещиков и отчаявшись найти лучшей доли, уговаривают друг друга идти в Астрахань:

*Послушай и отправляйся смело,
Хоть в Астрахань! Ступай по Волге вниз,
Да к бурлакам; там люд удалый сбродный;
Другой такой губернии народной
И не найдешь... Татарин и Киргиз,
Калмык, Бухар, Трухмены, да Армяне... [1, с. 420-421]*

Эта этническая полифония, да и определение «народная губерния» как нельзя лучше говорят за себя, подтверждая нашу мысль, что перед нами типичная фронтальная территория. Важно и то, что определение «народная губерния» не было выдуманно И. С. Аксаковым, о чем он писал в примечаниях к своей поэме. Он услышал его от одного саратовского крестьянина [1, с. 420].

Здесь же мы находим и другое меткое выражение про астраханские богатства:

*Про Астрахань пословицу слышал,
Что осетра мужик в печи поймал? [1, с. 419]*
Есть и другие приметы волной жизни в дельте:
*А там гуляй, как водяная мышь,
То в море ты, то на берег в камыш!
Ну, половил, понажился немного...
Не по душе, не взлюбишь сторону:
Валяй себе, гуляй до Таганрога! [1, с. 425]*

Богатства Волги под Астраханью манят бродяг, представляются им некоторой фантастической землей с бесконечными запасами. Старик, уже побывавший в Астрахани, так описывает ее богатства:

*Вот там-то, брат, там золотое дно:
Белугами полнѣхонько полно!
Осетр, тюлень, севрюга... словно в сборе!..
Уж прибыльно! В весенний ранний лов
Кишма кишат они у берегов,
Сплошной стеной стоят под учугами!..
Ей богу, так! Пошлиб, узнали сами!
Да что ловцы! Весной, поверишь ты,
Руками девки ловят за хвосты, —
Так, в лодочке шая одновесельной!... [1, с. 418-419]*

Здесь мы видим, хотя и в поэтическом переложении Аксакова, мы видим типичный образчик представлений о сказочной стране, расположенной где-то далеко и манящей своими несметными богатствами. Данный вопрос напрямую не имеет отношения к анализируемой проблеме, однако символика несметных богатств весьма характерна для фронтальных территорий.

Именно на символической некоей утопической страны, где путешественник может встретить несметные сокровища, и строились представления фронтальных людей, стремящихся найти эти земли. Эти утопии о сказочных райских землях постоянно возникали во все времена в разных уголках земного шара, и не важно, как их называли — Эльдorado, Пайтити, Сибола, Беловодье, все их роднит одно — их создатели были людьми романтичными, надеющимися в новых землях обрести несметные богатства и душевный покой. Советский историк С. А. Созина так пишет об Эльдorado: «В нем, как в зеркале, отразилась бурная эпоха противоборства Старого и Нового Света. Родившись в схватке двух миров, оно в равной мере принадлежало Европе и Америке. Дитя конкисты, Эльдorado впитало в себя ненасытные мечты завоевателей о золотой наживе и причудливые представления древних индейцев» [10, с. 8]. Подобные высказывания справедливы и в отношении других мифических местностей — Пайтити и Сибола. Описание их следовало одной схеме: удаленность и трудность достижения из-за сложностей природы или кровожадности зверей и племен, населяющих близлежащие местности, несметные сокровища или запасы жизненных ресурсов, особые нравы обитателей этих мест и т.д. Конечно, только очень смелые и отчаянные люди могут отважиться на покорение таких земель. Описывая одного из таких авантюристов, губернатора Венесуэлы, кто первый отправился на поиски Эльдorado, американский антрополог Адольф Бандельер так характеризует Амброзия Дальфингера: «Дальфингер был хра-

брый солдат, который не позволял никаким превратностям тропической природы, ни сопротивлению, оказанному ему местными народами, заставить его повернуть назад. Однако он был грубым, бессердечным солдатом, подобным которому европейские армии того времени снабжают нас множеством примеров. Золото и рабы были его единственной целью, в погоне за которыми он до такой степени ограбил населенную местность, а затем уничтожил ее население, что даже испанские историки оценивали его деяния с нескрываемым отвращением» [14, с. 16].

Нет ничего удивительного в том, что сюжеты о поиске сокровищ затерянных городов, храмов из золота, богатейших копей было и остается излюбленной темой литературных произведений и художественных фильмов с фронтирной тематикой.

Но было бы ошибочно полагать, что все эти утопические описания сказочных земель — удел лишь эпохи завоевания Америки. Достаточно обратиться к русской литературе XIX в. чтобы найти многочисленные описания сказочной страны, получившей название Беловодье, куда направлялись смельчаки из российской глубинки в поисках лучшей доли. Очень живописный рассказ одного подобного путешественника, который якобы посетил Беловодье, мы находим в романе «В лесах» русского писателя-этнографа П. И. Мельникова (Андрея Печерского). Здесь и опасности пути, и несметные сокровища, и духовный подвиг людей, живущих в этой стране, и многое другое, в описании которого легко угадывается фронтирная утопия земли с «молочными реками и кисельными берегами»: «Чего мы там не натерпелись, каких бед-напастей не испытали; сторона незнакомая, чужая и совсем как есть пустая — нигде человечья лица не увидишь, одни звери бродят по той пустыне. Двое наших путников теми зверями при нашем виденье заедены были. Воды в той степи мало, иной раз дня два идешь, хотя б калужинку какую встретить; а как увидишь издали светлую водицу, бежишь к ней бегом, забывая усталость. Так, однажды, увидав издали речку, побежали мы к ней водицы напиться; бежим, а из камышей как прыгнет на нас зверь дикий, сам полосатый и ровно кошка, а величиной с медведя; двух странников растерзал во едино мгновенье ока...». Но старания путников вознаграждены, и они попадают в сказочную страну: «И уж скажу ж я вам, что только там за рыбная ловля! Много рек видал я на своем веку: живал при Дунае и на тихом Дону, а матушку Волгу сверху до низу знаю, на вольном Яике на багреньях бывал, все сибирские реки мне вдосталь известны, а нигде такого рыбного улова я не видал, как на том Беловодье!.. Кажется, как к нашим местам бы да такие воды, каждый бы нищий тысячником в один год сделался. Такое во всем приволье, что нигде по другим местам такого не видно. Всякие земные плоды там в обилье родятся: и виноград и пшено сорочинское; одно только плохо: матушки ржицы нет и в заводе...» [8, с. 94].

Но эти «земли изобилия» были не только вымыслом. Вне всякого сомнения, отличительной чертой фронтальных территорий была и остаётся избыточность ресурсов, воспринимаемых всяким попадающим сюда как несказанный рай. Но фронталь лишь представляет ресурсы, он открывает их наиболее удачливому, смелому, готовому поставить на карту свою жизнь, трудиться без устали, жить без всяких условий, предоставляемых цивилизацией. Здесь удачливый богач соседствует с последним бедняком, мечтающим также стать миллионером. Истории российских фронтальных полны примерами таких удачных фронтальных, приобретших огромные богатства за счет добычи и продажи фронтальных ресурсов. Поэтому описание многих фронтальных городков даже во второй половине XIX в. изобилует живописными картинками быта, скорее напоминающими американский Дикий Запад, чем жизнь российской провинции. Вот как описывает историк-краевед XIX в. А. Штылько нравы одного из новых астраханских районов, возникшего на волжском берегу, на месте вновь образовавшейся речной косы: «На Косе бок-о-бок живут возмутительнейший разврат и примерная добродетель; ужасы нищеты, позора, несчастья — и прелести богатства, счастья, славы; голод и обжорство; лохмотья и бархат, шелк, кружева; на Косе рядом со страданиями льется шампанское, проигрываются тысячи в бессмысленные игры» [11, с. 22].

Ученые накопили массу сравнительного материала, отражающего параллели в восприятии некоторых фронтальных территорий России и США, поэтому не будем останавливаться подробно на этом вопросе [4, с. 75-77].

Однако все перечисленные ресурсы не исчерпывают специфики фронтального потенциала. Динамика эксплуатации фронтальных ресурсов происходила и происходит повсеместно. Можно с уверенностью сказать, что данный процесс был и будет иметь место перманентно, меняются лишь сами ресурсы на подобных территориях, причем характер их эксплуатации претерпевает несколько стадий в зависимости от различных типов фронтальных периодов (ранний фронталь, фронталь или постфронталь).

И в Сибири, и в США первые волны фронта были трапперскими и торговыми, за которыми шли шахтерский (старательский), скотоводческий и фермерский (земледелие). Как справедливо заметил Н. М. Ядринцев, «всякая колонизация есть результат известных натурально-исторических и экономических потребностей мирового расселения» [13, с. 190]. Правда, вместо определения «потребности мирового расселения» мы бы поставили термин «потребности мировой экономики». Именно эти потребности, порой даже входящие в противоречие с потребностями национальной экономики, стимулируют эксплуатацию фронтальных ресурсов на определенном этапе. В то же время особенность освоения Сибири, отличающая ее от освоения других фронтальных территорий, состоит в том, что очень часто многие формы эксплуатации местных ресурсов практически сосуществовали, правда это можно объяснить раз-

мерами данной территории и разными актантами данного процесса. Первые переселения землепашцев следует отнести к концу XVI в., однако вряд ли земледелие можно было считать в тот период доминирующим занятием среди переселенцев. Во многих фронтальных областях России ранние формы колонизации не только были промысловыми и торговыми, но и очень часто подкреплялись военной колонизацией (строительство фортов, крепостей, острогов и т.д.). В то же время военная колонизация Дикого Запада в США — относительно позднее явление, пришедшее на смену трапперскому и торговому освоению местных ресурсов для обеспечения безопасности скотоводам, старателям и земледельцам.

Примечательно, что при наличии обилия ресурсов фронт сам нуждается в импорте ресурсов из метрополии. В этом плане фронтмэн — это еще и человек, занимающийся перемещением и перераспределением самых различных ресурсов. Конечно, на более поздних этапах фронт постепенно становится самодостаточным, способным обеспечивать себя всем необходимым, но как только это происходит, он практически перестает быть фронтом, превращаясь в постфронтное общество. В то же время это не означает, что такая трансформация необратима. В истории фронтальных территорий известно множество примеров подобных изменений, имеющих как эволюционный, так и деэволюционный вектор развития. Сибирь — тому ярчайший пример, когда из территории, приносящей стране огромные прибыли, она вдруг превращалась в серьезную обузу — черную дыру, требующую со стороны центра большого внимания и финансовой поддержки, причем процесс этот начался отнюдь не в советский период. Еще в 1840-х гг. начали раздаваться голоса, критически относящиеся к экономическому потенциалу Сибири. Генерал Н. Б. Герсегонов, известный писатель и литератор, высказал следующее мнение, которое вряд ли можно считать эксклюзивным: «В некотором смысле можно сказать, что Сибирь, питаясь соками России, сама мало от того тучнеет, а отнимает силы у своей кормилицы. Капиталы, ум, деятельность, расточаемые в Сибири нашими промышленниками, — все это, будучи употреблено в России, принесло бы гораздо более пользы» [3, с. 30]. Вряд ли эти пессимистические выводы Н. Герсегонова, известного своим консерватизмом, можно считать совсем беспочвенными и, как мы уже сказали, являющимися исключением среди российской интеллигенции. Именно схожими аргументами руководствовалось российское правительство при продаже колонии Росс и Аляски.

В заключение Н. Герсегонов констатирует: «С какой стороны ни смотреть на Сибирь... все заставляет думать, что ей надолго еще оставаться пустынной» [3, с. 34].

С тех пор прошло уже более полутора веков, но многие проблемы фронтальных территорий так и остались нерешенными. При всем обилии местных ре-

сурсов очень часто многие фронтальные территории в России так и остаются дотационными.

Все это неоспоримо свидетельствует о том, что фронтальные процессы на этих территориях не закончились и мы присутствуем при очередном этапе фронтальной истории. Но теперь вместо какой-нибудь мягкой рухляди, бивней мамонтов или драгоценных камней основным ресурсом, связывающим фронтальные территории с метрополией, становятся нефть и газ.

Специфика эксплуатации ресурсов на фронтальных территориях порождает одну очень важную проблему — чаще всего речь идет об экстенсивном их использовании и невосполнимости. Природная специфика подобных ресурсов такова, что практически невозможна их рекреация. Напротив, их эксплуатация, как правило, осуществляемая экстенсивными методами, не только ведет к их истощению, но и наносит непоправимый вред окружающей среде, да и самому человеку. Из земли обетованной фронтальная территория, сулящая в прошлом немалую выгоду, может легко превратиться в малообжитую пустыню, всеми заброшенную и непригодную ни для жизни человека, ни для животных, птиц или рыб. Такова была участь так называемых бэдлэндс в США, пострадавших от неумелого сельскохозяйственного их использования, потерянные запасы пушного зверя в Сибири, уничтоженные рыбные запасы Волги и Каспийского моря, умершее Аральское море и многое-многое другое. Упоение неистощимостью ресурсов новых территорий, месторождений, недр, шахт, бассейнов и т.д. может в любой момент сыграть очень злую шутку с человеком, возмнившим себя царем природы. Поэтому перед учеными самых разных областей знания стоит сложная задача осознания регионального развития, прогнозирования и быстрого реагирования на все вызовы, которые возникают как на региональном, так и на национальном уровне. Перефразируя известные слова французского писателя А. де Сент-Экзюпери, скажем, что мы в ответе за ту страну, которую получили.

Библиографический список

1. Аксаков И. С. Бродяги // Московский сборник. М.: б. и., 1852. Т. 1.
2. Бахрушин С. В. Ясак в Сибири в XVII веке. Новосибирск: Сибкрайиздат, 1927.
3. Герсеванов Н. Б. Замечания о торговых отношениях Сибири и России // Отечественные Записки. 1841. Т. 14.
4. Замятина Н. Ю. Зона освоения (фронт) и ее образ в американской и русской культурах // Общественные науки и современность. 1998. № 5.
5. Иохельсон В. И. Очерк зверопромышленности и торговли мехами в Колымском округе // Труды Якутской экспедиции. СПб., 1898. Отд. III, т. X, ч. 3.
6. Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни и нравов Великоорусского народа в XVI и XVII столетиях. СПб.: типография Карла Вульфа, 1860.

7. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. М.: Издательство политической литературы, 1967. Т. 27.
8. *Мельников-Печерский П.И.* В лесах. М.: Pubmix, 2012.
9. *Небольсин Г.П.* Статистическое обозрение внешней торговли России. СПб.: б. и., 1850.
10. *Созина С.А.* На горизонте — Эльдorado! М.: Мысль, 1972.
11. *Штылько А.* Иллюстрированная Астрахань. Саратов: б. и., 1896.
12. *Щанов А.* Историко-географическое распределение населения, часть IV // Русское слово. Литературно-политический журнал. 1865. Т. 7, сентябрь.
13. *Ядринцев Н.М.* Сибирь как колония. СПб.: И. М. Сибиряков, 1882 (1892).
14. *Bandelier A. F.* The Gilded Man (El Dorado) and Other Pictures of the Spanish Occupancy of America. New York: D. Appleton and company, 1893.
15. *Chittenden H. M.* The American Fur Trade of the Far West. New York: Francis P. Harper, 1902.
16. *Goetzmann W.H.* The Mountain Man as Jacksonian Man//American Quarterly. 1963. Vol. 15, No. 3.
17. *Hofstadter R., Lasch Ch.* The American Political Tradition and the Man who Made It. New York: Vintage Books, 1989.
18. *Laut A. C.* The Fur Trade of America. New York: Macmillan, 1921.
19. *Nester W.R.* From Mountain Man to Millionaire: The «Bold and Dashing Life» of Robert Campbell. Columbia: University of Missouri Press, 2011.
20. *Smith J.* The General Historie of Virginia, New England & the Summer Isles. Together with the True Travels, Adventures and Observations, and a Sea Grammer by Captaine John Smith. Glasgow: J. MacLehose, 1907. Vol. 2.
21. *Turner F.J.* Dominant forces in West life // The Atlantic monthly. 1897. №79 (474).
22. *Wishart D.J.* The Fur Trade of the American West, 1807-1840: a geographical synthesis. Lincoln: University of Nebraska Press, 1992.

References

1. *Aksakov I.S.* Brodjagi // Moskovskij sbornik. М.: б. и., 1852. Т. 1.
2. *Bahrushin S.V.* Jasak v Sibiri v XVII veke. Novosibirsk: Sibkrajizdat, 1927.
3. *Gersevanov N.B.* Zamechanija o torgovyh otnoshenijah Sibiri i Rossii //Otechestvennye Zapiski. 1841. Т. 14.
4. *Zamjatina N.Ju.* Zona osvoenija (frontir) i ee obraz v amerikanskoj i russkoj kul'turah // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 1998. # 5.
5. *Iohel'son V. I.* Oчерk zveropromyshlennosti i torgovli mehami v Kolym'skom okruge // Trudy Jakutskoj jekspedicii. SPb., 1898. Otd. III, t. X, ch. 3.
6. *Kostomarov N.I.* Oчерk domashnej zhizni i nравov Velikorusskogo naroda v XVI i XVII stoletijah. SPb.: tipografija Karla Vul'fa, 1860.
7. *Lenin V.I.* Polnoe sobranie sochinenij. М.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1967. Т. 27.
8. *Mel'nikov-Pecherskij P.I.* V lesah. М.: Pubmix, 2012.
9. *Nebol'sin G.P.* Statisticheskoe obozrenie vneshnej torgovli Rossii. SPb.: б. и., 1850.

10. *Sozina S.A.* Na gorizonte – Jel'dorado! M.: Mysl', 1972.
11. *Shtyl'ko A.* Illjustrirovannaja Astrahan'. Saratov: b. i., 1896.
12. *Shhapov A.* Istoriko-geograficheskoe raspredelenie naselenija, chast' IV // Russkoe slovo. Literaturno-politicheskij zhurnal. 1865. T. 7, sentjabr'.
13. *Jadrincev N.M.* Sibir' kak kolonija. SPb.: I.M. Sibirjakov, 1882 (1892).
14. *Bandelier A.F.* The Gilded Man (El Dorado) and Other Pictures of the Spanish Occupancy of America. New York: D. Appleton and company, 1893.
15. *Chittenden H.M.* The American Fur Trade of the Far West. New York: Francis P. Harper, 1902.
16. *Goetzmann W.H.* The Mountain Man as Jacksonian Man//American Quarterly. 1963. Vol. 15, No. 3.
17. *Hofstadter R., Lasch Ch.* The American Political Tradition and the Man who Made It. New York: Vintage Books, 1989.
18. *Laut A.C.* The Fur Trade of America. New York: Macmillan, 1921.
19. *Nester W.R.* From Mountain Man to Millionaire: The “Bold and Dashing Life” of Robert Campbell. Columbia: University of Missouri Press, 2011.
20. *Smith J.* The General Historie of Virginia, New England & the Summer Isles. Together with the True Travels, Adventures and Observations, and a Sea Grammer by Captaine John Smith. Glasgow: J. MacLehose, 1907. Vol. 2.
21. *Turner F.J.* Dominant forces in West life // The Atlantic monthly. 1897. №79 (474).
22. *Wishart D.J.* The Fur Trade of the American West, 1807-1840: a geographical synthesis. Lincoln: University of Nebraska Press, 1992.

ЗАКОНОМЕРНОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ ФОРМ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВЛЕНИЯ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

.....

П. В. Мироненко¹

В данной статье анализируются закономерности становления форм государственного правления в рамках трансформации постсоветской политической реальности; определяются универсальные механизмы формирования эффективного государственного правления. Автор выделяет основные черты модернизации системы государственной власти и управления ряда государств. Описываются черты институционального устройства, позволяющие поддерживать баланс полномочий в системе разделения властей.

Ключевые слова: политическая трансформация, демократизация, президентский институт, парламент, реформация, «гибридный» режим, рационализация власти.

Myronenko P. V. The formation regularities forms of government in the post-soviet space policy

This article deals with appropriateness of state authority establishment in the frames of post-soviet political reality; defines universal mechanisms of effective state authority formation. The author highlights the main features of the modernization of state power system and control a few of states. We have described the features of the institutional devices to maintain the balance of power in the separation powers system.

Key words: political transformation, democratization, presidential institute, parliament, reformation, «hybrid» regime, rationalization of authority.

Начало 1990-х гг. ознаменовалось перераспределением политических конфигураций геополитической реальности. Реформация международного политико-территориального устройства детерминирована деструкцией ключевого актора глобального политического пространства — СССР. Крах целостности советской системы аккумулировал не только деформацию политической структуры, но и падение авторитета коммунистической доктрины. Как результат, на международной политической карте возникли новые независимые акторы с преобладающей демократической парадигмой развития, которые столкнулись с рядом вызовов, в том числе трансформацией формы государственного правления и определением функциональной идеологической ма-

¹ Мироненко Петр Владимирович – кандидат политических наук, заместитель главного ученого секретаря Украинской академии политических наук. Эл. почта: myrpv@ukr.net

трицы для фундаментализации политики страны в рамках международного политического процесса.

Актуальность данной тематики обусловлена в амбивалентностью трансформации политической системы постсоветских стран на современном этапе становления и социально-политической конфронтацией, которая заключается в определении концепции консолидации политического режима и формы государственного правления. Результат данных процессов имеет доминантное значение для стабилизации восточноевропейского политического пространства, распределения прерогатив между глобальными политическими акторами и балансирования тенденций международной социально-политической реальности.

Вопрос модификации формы государственного правления в контексте политических трансформаций остается ценной тематикой для научного исследования. Главными теоретиками процесса политической модернизации принято считать С. Хантингтона, Ф. Шмиттера, Г. Алмонда, С. Вербу, Л. Пая, Р. Даля, М. Леви, Д. Рюшемейера, Р. Дарендорфа и других авторов, труды которых стали фундаментом для формирования теоретических рамок данного политического явления.

Главная цель работы — определить закономерности становления формы государственного правления в рамках постсоветских политических трансформаций. Реализация данной цели требует решения следующих задач:

- охарактеризовать сущность дефиниций «форма государственного правления» и «политическая трансформация»;
- провести компаративный анализ модификации формы государственного правления в постсоветских странах;
- проанализировать проблемы и риски демократизации в постсоветских странах;
- спроектировать систему универсальных принципов фундаментализации наиболее эффективной модели государственного правления на основе достижений и вариативных закономерностей стран постсоветского региона.

Форма государственного правления — доминантный инструмент организации социально-политических отношений. Основу исследований данного концепта заложили мыслители Древней Греции: это и философский подход Платона к пониманию форм правления и их транзитивных способностей [17], и учение Аристотеля о правильных и неправильных формах государственной власти [6]. В процессе дальнейшего генезиса научной политической мысли теоретическая база форм государственного правления наполнилась вариативными концепциями и креативными интерпретациями. Особый вклад в этом плане принадлежит французскому теоретику Ш. Луи Монтескье, который установил релевантность географического детерминанта для политического

процесса и определял форму правления на основе совместимости с географическим положением страны. Таким образом, в политическую науку были имплементированы новые концепты: «географический детерминизм» и «природа формы правления» [11, с. 252]. В рамках данного исследования форма государственного правления расценивается как организация политической власти на основе распределения функционального инструментария и политических прерогатив государственных институтов с целью формирования вектора государственной политики и способа организации социально-политических отношений внутри страны.

Транзитивный потенциал форм государственного правления, отмеченный еще древнегреческими теоретиками политического процесса, в дальнейшем нашел отражение в современных концепциях политической модернизации. Синхронный анализ когнитивного контента понятий «политическая модернизация», «политическая трансформация» и «демократизация» указывает на их теоретическую гомогенность и частичную синонимичность. По определению американского политолога У. Растоу, «демократизация — это движение в направлении свободы слова, улучшения правовой администрации и конструирования представительской парламентской институции, основанной на выборе прогрессивного электората и способной контролировать бюджетные средства» [15, с. 182]. Другой представитель западной политической школы С. Хантингтон, характеризуя процессы трансформации политического устройства стран мира, сформировал концепцию о «волнах демократизации», в рамках которой тоталитарные режимы под действием определенных факторов модернизировались в контексте демократизации социально-политической конфигурации политической системы [9]. Современная наука часто обозначает сущность трансформации формы правления в контексте кондиций, которые детерминировали данный процесс. Например, Г. Алмонд, С. Верба, С. Липсет, Р. Инглхарт, А. Пай и У. Растоу акцентировали внимание на корреляции социально-экономических и культурно-ценностных факторов, а Ф. Шмиттер, Г. О»Доннелл, Х. Линц, А. Степан, А. Пшеворский при исследовании политических трансформаций отдавали предпочтение конкретным процедурам и политическим решениям самих агентов демократизации. Представитель российской политической школы А. Мельвиль систематизировал данные дифференциации в рамках структурного и процедурного подходов к изучению причин демократизации [4, с. 26].

Несмотря на прогрессивные интенции трансформации политических конфигураций в рамках модернизации политической системы страны, теория политики не исключает возможность регрессивных изменений и нивелирования демократического потенциала данного процесса. Результатом дисфункции политической трансформации является усложнение имплементации демократических принципов с последующей деформацией механизмов консолидации

демократической политической системы: модели авторитарной демократии Р. Саквы [16, с. 37], делегативной демократии Г. О'Доннела [10, с. 130]. Девиация процессов демократической модернизации стран с тоталитарной организацией политической власти детерминирована вариативными рисками и кризисами: легитимизацией политических институтов, участием гражданского общества в политическом процессе, деструкцией демократической корреляции элементов власти и общественных структур, распределением материальных и культурных благ, социально-политической самоидентификацией общества [14].

Сфокусировав внимание на проблеме амбивалентности результатов политической трансформации, С. Хантингтон систематизировал исторический опыт и определил ключевые критерии эффективности модернизации политической системы: рационализация политической власти, дифференциация политических функций и модификация специализированных структур для их осуществления, увеличение уровня участия общества в политическом процессе [8].

Таким образом, вектор политической трансформации и успех консолидации эффективных демократических механизмов зависит от действенности государственного правления в контексте организации норм социально-политического процесса. Исходя из отмеченной тенденции, в рамках данного исследования предпринята попытка определения и систематизации релевантных принципов моделирования функциональной формы государственного правления на основе критериев демократизации С. Хантингтона, географическом детерминизме и компаративизме уже приобретенного транзитивного опыта стран бывшего Советского Союза.

Коллапс СССР дестабилизировал биполярность международного политического устройства и аккумулировал процесс дезинтеграции империи. Пятнадцать новообразовавшихся стран должны были принять вызов формирования нового государственного устройства, в компетенции которого было бы регулирование кризиса социально-политической обстановки, реформирование деструктивной экономической системы и конструкция модернизированной доктрины внутренней и внешней политики. Реализация любой конструктивной инициативы политической администрации страны могла быть осуществлена в контексте двух диаметрально противоположных парадигм: демократизации в традициях моделей западных ценностей и потенциального восстановления тоталитарных закономерностей политического процесса. Путь демократизации требовал ликвидации остатков разрушенных советских политических конфигураций и реформирования устройства политической системы в соответствии с демократическими канонами: разделением политической власти, формированием политического плюрализма, проведением открытых выборов, обеспечением свободы слова и реального участия общества в деятельности государственного аппарата. Данная тенденция создала первую проблему модернизации формы государственного правления — ни-

велирование крайнего этатизма, характерного для социально-политического устройства постсоветских стран в течение длительного периода времени. Другая важная особенность выбора концепции формации формы государственного правления — политический менталитет постсоветского общества. Долгие годы коммунистической идеологии и тоталитарного режима закрепили тенденцию преваляирования государственных ценностей над общественными интенциями, кодифицировали нормы социального поведения и принцип крайнего иерархизма с доминированием партийной элиты в социально-политических отношениях социума. С точки зрения нейтральной позиции, которая не сравнивает эффективность советской и западной политических систем, уровень политического сознания населения и социальная обстановка стран бывшего Советского Союза — веская причина проблематичной адаптации демократических канонов в обществе советского типа политической культуры. Например, как аргумент в оспаривании надобности ассимиляции западных политических ценностей в рамках конструирования политической системы представитель российской политической школы А. Дугин использовал идею концептуального противоречия западной идеологической матрицы традиционному обществу стран бывшего СССР [2]. Несмотря на однозначность суждения, рациональное зерно взглядов политолога прослеживается в «сознательной неподготовленности» населения к чуждым на когнитивном уровне политической рефлексии демократическим механизмам организации социально-политической реальности. Длительный период функционирования советского политического устройства детерминировал деградацию социального участия народных масс в политическом процессе. Данная тенденция вместе с этнической дифференциацией и культурной неоднородностью постсоветского общества создали кумулятивный эффект усложнения имплементации демократических принципов в рамках строительства модернизированной формы правления и вариативной динамики транзитивного процесса в разных странах региона.

Другой отличительной чертой трансформационных процессов постсоветского пространства и в то же время дефектом демократического реформирования стало проведение модернизации политического аппарата представителями «демонтированной» советской политической системы. Как результат, реформирование правительственной администрации проходило в рамках политической амбивалентности: с одной стороны, хаотичного развития политического плюрализма, с другой — имплицитных интенций ключевых политических акторов касательно сохранения монополии на политическую власть. Дисфункция элитарной циркуляции интенсифицировала становление важной особенности постсоветского правительственного пространства — мощного института президентства. Преваляирование президентской власти на начальных стадиях политического реформирования и в процессе дальнейшей эволюции трансформаций государственного устройства стран постсоветского про-

странства привело к установлению в большинстве из них президентской формы правления, сочетающейся с сильной исполнительной властью [5]. Таким образом, в рамках постсоветской модели президентской республики глава государства наделяется многофункциональными политическими полномочиями, обладая монополией на исполнительную власть и регулируя закономерности протекания политического процесса внутри страны. Примером концентрации политической власти в руках президентского института является организация политической системы в Российской Федерации, Белоруссии, странах Центральной Азии. Диаметрально противоположны демократизации социально-политических конфигураций могут быть вариативные проявления процесса координации функционального инструментария вокруг президентской должности: чрезмерная централизация политической власти (Белоруссия), «наследственность» процедуры формирования президентского института (Азербайджан), максимизация роли отдельной личности в политическом пространстве страны (Казахстан и другие страны Центральной Азии). Данные тенденции президентской формы правления при негативном стечении обстоятельств чреватой возможной маргинализацией демократического устройства страны: реверсированием трансформационных изменений к неоавторитаризму, формированию культа личности, становлению диктаторских режимов.

Действенной панацеей для предупреждения авторитарных наклонностей президентского режима является дифференциация политической власти с регулирующей деятельностью принципа сдерживания и противовесов. Наглядный пример демократического функционирования института президентства — политическая система США, в рамках которой президент выступает главой исполнительной власти, подконтрольным общественности [3, с. 148].

Превалирование президентской формы организации власти в большинстве стран постсоветского пространства не остановило функционирование законодательного института — парламента. Деформация советских политических конфигураций аккумулировала плюрализм политического процесса и трансформировала данную инстанцию из однопартийной организации в представительский законодательный орган. Наличие парламента формирует тонкую грань отличия президентской формы правления от смешанной (с превосходством исполнительного или законодательного института) в контексте постсоветской модернизации. Сложность в регламентациях корреляции государственных политических институтов могут провоцировать дисбаланс и недопонимания внутри политической среды. Примером таких правительственных конфронтаций может служить генезис украинского политического режима. С момента провозглашения независимости украинская форма государственного правления в большей мере соответствовала парламентско-президентской республике, но с принятием Конституции 1996 г. существенные политические прерогативы были отведены президенту и маятник смешанного типа поли-

тической системы отклонился в направлении президентско-парламентского типа. Превалирование президента усиливалось неограниченным правом вето на законодательные инициативы парламента, которое в идеале призвано сделать невозможным принятие каких-либо популистских законов накануне парламентских выборов или некорректных законодательных предложений, лоббированных экономическими кланами. В украинских политических реалиях такой механизм взаимного контроля стал объектом преткновения государственных инстанций, (большинство законодательных инициатив парламента были заблокированы президентом) и замедления государственного функционирования [3, с. 151]. Дальнейшие перипетии украинского политического процесса отмечены принятием политической реформы 2004 г., в рамках которых политический аппарат снова начал действовать с лидирующей позицией парламента. Диспропорциональность политической дифференциации спровоцировала конфликты в сфере законодательной власти между президентом и премьер-министром, а также отсутствие согласованности и политической целостности в действиях исполнительной ветви правительства и парламента. Финальным аккордом дестабилизирующих трансформаций формы правления стала отмена в 2010 г. политреформы Конституционным Судом Украины в связи с нарушением процедуры принятия: Украина возвратилась к президентско-парламентской форме правления.

Сопоставляя государственные модели постсоветского пространства, следует выделить отличие стран Балтии, политическая система которых построена вокруг парламента, а не президентского института. Латвия, Эстония и Литва в ходе модернизации политической системы адаптировали опыт парламентаризма стран Западной Европы и закрепили ключевую роль в государственном политическом процессе за парламентом. Если в большинстве стран постсоветского мира влияние президента подкреплена выборностью данного института народом и фактической независимостью от парламента, то, например, в Латвии президент избирается Сеймом, что ограничивает его деятельность и минимизирует полномочия. В такой модели политического устройства обладателем исполнительной власти является глава правительства — премьер-министр.

Очередная особенность государственного конструирования в рамках постсоветской политической реальности — укрепление президентского доминирования в некоторых странах с помощью парламентской солидарности. Гомогенность политической идентификации парламентского большинства с президентскими политическими инициативами способствует координации однополярной политической реальности. Данная тенденция проявляется в ситуации, когда парламентская коалиция сформирована вокруг политической партии действующего президента. Примером данной политической идентичности выступают государственные модели Украины и Российской Федерации.

Дисбаланс идеологической однородности государственных институтов может привести к усложнению функционирования государственного аппарата, а также к трудностям в принятии коллективных решений и достижении консенсуса. С одной стороны, последовательность в синхронной деятельности исполнительной и законодательной власти способствует гармонизации социально-политической ситуации, с другой стороны, чрезмерная устойчивость позиции правительства ограничивает неконформистскую активность и конструктивность оппозиционных сил.

Анализируя эволюцию становления политического устройства стран бывшего СССР, следует выделить существенное внешнее давление на постсоветские трансформации со стороны мировых центров влияния [7, с. 13-33]. В целях реализации своих интересов лидеры мирового политического процесса осуществляют давление в экономической, геополитической, информационной сферах для обретения выгоды при участии в формировании государственных институций и кадрового состава политики страны. В таких условиях можно говорить о реализации сценария внешнего конструирования в транзитивных инициативах постсоветского пространства [5]. Вариативный инструментарий, среди которого политико-экономическая изоляция, мобилизация неконформистской общественности, позволяет международным инстанциям влиять на политику отдельных стран. Яркий пример внешнего участия — «цветные» революции в Киргизии, Грузии, Украине, которые закончились реформированием политической администрации, законодательной базы и политического климата стран. Политическая конфронтация международной общественности с Белоруссией, информационное давление на Российскую Федерацию, Украину и страны Центральной Азии с целью ограничения концентрации политической власти в руках президентского института — пример изоляционной политики западных акторов.

Исходя из особенностей трансформации политической системы постсоветского пространства, можно прийти к выводу, что переход от тотального государственного патернализма в рамках СССР к модернизированному политическому устройству с демократической парадигмой функционирования принял затяжной характер. Внедрение новых демократических ценностей на не окончательно демонтированную советскую идеологическую матрицу детерминировала девиацию демократических принципов в ходе их консолидации в политических конфигурациях постсоветских стран. Концентрация процедурных полномочий реформирования в руках бывшей советской элиты, сложности перехода к рыночной экономике, культурная и этническая дифференциация населения, дисбаланс политического климата, низкий уровень рефлексии механизмов демократизации социально-политической системы создали кумулятивный эффект усложнения становления демократических форм государственного правления. Ассимиляция демократии сопровождалась вари-

тивными кризисами: проблема распределения политической власти интенсифицировала конфронтации акторов внутри политической системы, дисбаланс государственного правления стал причиной нестабильности транзитивных процессов и делегитимизации правящих институтов, низкий уровень участия общества в политических формациях создал почву для реверсивной авторитаризации конструктивных политических тенденций. Отсутствие полноценной интеграции социума в политический процесс деформировало сущность главного механизма формирования форм государственного правления — института выборов. Таким образом, часто успех предвыборной кампании и политической конкуренции элит обуславливается не сознательным выбором электората, а потенциалом административной мобилизации масс правящими группами. Как результат, длительный процесс консолидации демократии в рамках постсоветской социально-политической реальности осуществляется с частичной деформацией концептуальных принципов и процедур. Симбиоз тоталитарного прошлого и демократических преобразований на основе собственных странам бывшего СССР особенностям и кризисам позволяет говорить о становлении нового, состоящего из вариативных принципов авторитарных и демократических идеологических парадигм «гибридного» политического режима.

Американский исследователь М. Макфолл систематизировал типологию возникающих в рамках транзитивных процессов режимов с разным уровнем закрепления демократических ценностей. Основой классификации служит определение источника импульса демократических преобразований. Если на старте преимущество одерживали радикальные реформаторы, которые получали общественную поддержку, полноценная демократия консолидировалась быстрее. Если силы были на стороне представителей бывшего режима, которые мимикрировали политическое прошлое, устанавливался более мягкий авторитарный режим. Если победитель определялся после длительного балансирования, формировались разновидности «гибридного» режима [13].

Эволюция форм государственного правления происходила в контексте двух конструктивных тенденций: образования сильного президентского института с характерной концентрацией политической власти (Российская Федерация, Белоруссия, Азербайджан, страны Центральной Азии) и развития парламентской инстанции с присущим политическим плюрализмом (страны Балтии). В Украине, например, становление корреляции форм государственного правления осуществлялось с переменным успехом. Неоднородность доминирования одного из институтов правления присуща и эволюции политического устройства Грузии: контроль политического процесса президентом вылился в конфронтацию с законодательной властью после победы на парламентских выборах оппозиционных сил.

Современный дуализм трансформаций постсоветской политической реальности заключается в существовании разносторонних в контексте идеологической парадигмы политических тенденций: комплексной демократизации социально-политического устройства стран на основе государственной независимости, релевантности суверенитета и экономической самодостаточности; частичной демократической реформации политического устройства с потенциальной реконструкцией элементов советской политической традиции. Предпосылки второй тенденции прослеживаются в «гибридизации» модели государственного правления на основе сохранения авторитарности некоторых аспектов политического процесса в рамках консолидации демократии, а также попыток координации политической и экономической деятельности постсоветских стран с помощью межрегиональных организаций (Таможенный союз).

В любом случае компаративный анализ эволюции государственного строения стран региона позволяет создать сценарий универсальных механизмов политического реформирования на основе критериев эффективности функционирования политической системы и принципа географического детерминизма с учетом социально-культурных особенностей и геополитических закономерностей. Важный шаг конструктивной модернизации — рационализация политической власти в традициях отмеченных учений С. Хантингтона. Реализации данной интенции можно достичь благодаря полноценной институализации принципа разделения политических прерогатив в руках действующих правительственных инстанций. Главным элементом прогрессивной модели государственного строения будет выступать парламент, мощный в своем законодательном потенциале, который объединяет политические силы с четкой идеологической идентификацией, способные артикулировать общественные интересы. Функционировать данный избирательный законодательный орган должен путем рационального достижения консенсуса в рамках сохранения политического плюрализма, формирования организованного большинства и конструктивной оппозиции. Важной прерогативой данной инстанции является эффективная корреляция с институтом исполнительной власти — президентом. Взаимодействие направлено на нивелирование возможности тотальной концентрации власти в руках президента, а также на гармонизацию и балансирование политического процесса. Избранный народом президент, в свою очередь, должен быть компетентным и авторитетным представителем страны на международной арене и символом единства нации внутри страны. Такой результат может быть достигнут благодаря персональным лидерскими качествам в лучших традициях харизматичного типа легитимности. В таких условиях возможна консолидация общественности, неоднородной в контексте этнических и культурных детерминант. Важная особенность демократической процедуры кооперации правительственных институтов — равноправный регламент участия в формировании кабинета министров. Если кадровый состав кабинета определяется президентом, то четко должен функционировать такой

механизм парламентского контроля над работой министров, как интерpellация — запрос отчета относительно деятельности отдельного министра. Такая форма государственного правления будет своеобразным симбиозом европейской модели конструктивного парламентаризма (Польша, Венгрия, страны Западной Европы) и сильного, функционального президентского института (США). Последовательность отлаженной систематизации инструментального потенциала и политических прерогатив государственных инстанций должна быть подкреплена четкой нормативной регламентацией. Ключевая роль в данном процессе принадлежит третьей ветви государственной структуры — судебной власти. Полноценный контроль и юридическое толкование политических процедур возможно только при независимости и отсутствии коррумпированности судебной системы.

Баланс политических институтов и открытость политического процесса обеспечиваются дифференциацией политической и экономической власти. В то же время данная тенденция — важный инструмент формирования гражданского общества [1, с. 28]. Социум с высоким уровнем демократической культуры и политической рефлексии, который принимает должное участие в политическом процессе страны, путем сознательного выбора в рамках демократического голосования, а также презентации собственных требований и инициатив через политические партии или общественные организации — ключевой элемент формирования и поддержки жизнедеятельности любой формы государственного правления. Высокое политическое сознание общества вместе со свободой политических коммуникаций также входит в принятую за эталон в работе классификацию С. Хантингтона. Эффективное взаимодействие высших элементов политического правления, прогрессирующий институт гражданского общества позволяют реализовать последнюю релевантную позицию универсальной модели государства — местное самоуправление. Политическая сегментация территориального пространства на основе демократической иерархии и вертикальных структурных корреляций — фундамент продуктивного функционирования политического аппарата. Данные реформации социально-политического устройства говорят о перспективе эффективного, рационального демократического государства с высоким уровнем политической культуры общественности и функциональным институтом местного самоуправления, которое действует на основе принципа политического управления, а не политической власти.

Библиографический список

1. *Гаджиев К. С.* Концепция гражданского общества: идейные истоки и основные вехи формирования // *Вопросы философии.* 1991. № 7.
2. *Дугин А. Г.* *Философия политики.* М.: Арктогея, 2004.

3. *Зеленько Г.* Політична «матриця» громадянського суспільства (досвід країн Вишеградської групи та України). Київ: Знання України, 2007.
4. *Мельвил А. Ю.* Демократические транзиты: теоретико-методологические и прикладные аспекты. М.: МОНФ, 1999.
5. Специфика развития процесса демократизации на постсоветском пространстве. URL: <http://www.kisi.kz/img/docs/114.pdf>
6. *Bates C. A.* Aristotle's «Best Regime»: Kingship, Democracy, and the Rule of Law. Baton Rouge: LSU Press, 2003.
7. *Dawisha K.* The International Dimension of Post-communist Transitions in Russia and the New States of Eurasia. Armonk; New York; London: M. E. Sharpe, 1997.
8. *Huntington S.* Political Order in Changing Societies. New Haven: Yale University Press, 2006.
9. *Huntington S.* The Third Wave: Democratization in the Late 20th Century. Norman: The University of Oklahoma Press, 2012.
10. *Linz J., Valenzuela A.* The Failure of Presidential Democracy. Berkeley: JHU Press, 1994. Vol. 1.
11. *Llanque M.* Politische Ideengeschichte: ein Gewebe politischer Diskurse. München, Wien: Oldenbourg Verlag, 2008.
12. *McFaul M., Markov S.* Troubled Birth of Russian Democracy: Parties, Personalities and Programs. Stanford: Hoover Press, 1993.
13. *McFaul M.* The fourth wave of democracy and dictatorship: noncompetitive transition in the post-communist world // World Politics. 2002. Vol. 54, № 2.
14. *O'Donnell G., Schmitter P., Whitehead L.* Transitions from Authoritarian Rule: Comparative Perspectives. Baltimore: JHU Press, 1986.
15. *Rostow W. W.* Politics and the Stages of Growth. Cambridge: Cambridge University Press, 1971.
16. *Sakwa R.* The Crisis of Russian Democracy: The Dual State, Factionalism and the Medvedev Succession. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.
17. *Voegelin E.* Order and History (Volume 3): Plato and Aristotle. Columbia: The University of Missouri Press, 2000.

References

1. *Gadzhiev K. S.* Konceptija grazhdanskogo obshhestva: idejnye istoki i osnovnye vehi formirovanija // Voprosy filosofii. 1991. # 7.
2. *Dugin A. G.* Filosofija politiki. М.: Arktogeja, 2004.
3. *Zelen'ko H.* Politychna «matryca» hromadyans'koho suspil'stva (dosvid krayin Vyshehrads'koyi hrupy ta Ukrayiny). Kyev: Znannya Ukrayiny, 2007.
4. *Mel'vil' A. Ju.* Demokraticheskie tranzity: teoretiko-metodologicheskie i prikladnye aspekty. М.: МОНФ, 1999.
5. Specifika razvitija processa demokratizacii na postsovetskom prostranstve. URL: <http://www.kisi.kz/img/docs/114.pdf>
6. *Bates C. A.* Aristotle's «Best Regime»: Kingship, Democracy, and the Rule of Law. Baton Rouge: LSU Press, 2003.

7. *Dawisha K.* The International Dimension of Post-communist Transitions in Russia and the New States of Eurasia. Armonk; New York; London: M.E. Sharpe, 1997.
8. *Huntington S.* Political Order in Changing Societies. New Haven: Yale University Press, 2006.
9. *Huntington S.* The Third Wave: Democratization in the Late 20th Century. Norman: The University of Oklahoma Press, 2012.
10. *Linz J., Valenzuela A.* The Failure of Presidential Democracy. Berkeley: JHU Press, 1994. Vol. 1.
11. *Llanque M.* Politische Ideengeschichte: ein Gewebe politischer Diskurse. München, Wien: Oldenbourg Verlag, 2008.
12. *McFaul M., Markov S.* The Troubled Birth of Russian Democracy: Parties, Personalities and Programs. Stanford: Hoover Press, 1993.
13. *McFaul M.* The fourth wave of democracy and dictatorship: noncompetitive transition in the post-communist world // World Politics. 2002. Vol. 54, № 2.
14. *O'Donnell G., Schmitter P., Whitehead L.* Transitions from Authoritarian Rule: Comparative Perspectives. Baltimore: JHU Press, 1986.
15. *Rostow W. W.* Politics and the Stages of Growth. Cambridge: Cambridge University Press, 1971.
16. *Sakwa R.* The Crisis of Russian Democracy: The Dual State, Factionalism and the Medvedev Succession. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.
17. *Voegelin E.* Order and History (Volume 3): Plato and Aristotle. Columbia: The University of Missouri Press, 2000.

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ ЮГА РОССИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ФРОНТИРНОЙ МИГРАЦИИ

.....

Р. Х. Усманов¹

Статья рассматривает проблемы этнополитической безопасности Юга России на приграничных и фронтальных территориях Каспийского региона через призму миграционных процессов. Уделяется внимание общим глобализационным тенденциям в аспекте угроз и рисков этноконфессиональных и этнополитических конфликтов на примере социально-экономического сотрудничества России и Казахстана. Проведен анализ последних законодательных документов миграционной политики государств.

Ключевые слова: этнополитическая безопасность, этноконфессиональные процессы, Каспийский регион, фронт, конфликты, глобализация, миграция, демография, приграничное сотрудничество.

Usmanov R. H. Ethnopolitical security in the border areas of the South Russia and prospects of frontier migration

Article considers problems of ethnopolitical safety of the South Russia in border and frontier territories of the Caspian region through a prism of migratory processes. The attention to the general globalization tendencies in aspect of threats and risks of ethno-confessional and ethnopolitical conflicts on the example of social and economic cooperation of Russia and Kazakhstan is paid. The analysis of the last legislative documents of migratory policy of the states is carried out.

Key words: ethnopolitical safety, ethno-confessional processes, Caspian region, frontier, conflicts, globalization, migration, demography, border cooperation.

Политические процессы в мире и события современного этапа, особенно в Западной Европе и на Ближнем Востоке подтверждают озабоченность руководителей государств и политиков, что мировой экономический кризис, разногласия и предпосылки развала Европейского союза, последствия «арабской весны» требует принятия ответственных и взвешенных решений. Мировые глобализационные процессы начала XXI века серьезно повлияли на геополитическую картину территорий и государств, изменили политическую палитру, политические коалиции, а также определили новый расклад политических сил в различных регионах мира. Сегодня мы уже совершенно по-иному рассматриваем ситуацию, которая сложилась в странах Западной Европы, Китае,

¹ Усманов Рафик Хамматович – доктор политических наук, профессор кафедры политологии Астраханского государственного университета. Эл. почта: usmanr@mail.ru

Индии Египте, Ливии, Сирии и др. Те страны, которые не учитывали глобализационные факторы, были более подвергнуты изменениям вплоть до революционных воздействий. Разумеется, в основе этих негативных изменений и существенных факторов, влияющих на данные процессы, являются ухудшение социально-экономической и политической составляющей положения основной части населения этих стран. В результате таких негативных процессов возникают противоречия и конфликты между правящими элитами и его оппозиции в лице основной массы населения, которые дошли сегодня, например в некоторых государствах до гражданских войн. «Мы видим, что происходит в мире, какие здесь копятсь серьезнейшие риски. Реальность сегодняшнего дня — рост межэтнической и межконфессиональной напряженности» [12]. Сегодня все более необходимо взаимодействие и координация мировых сообществ при принятии политических решений, особенно в области международных отношений и сотрудничества.

В настоящее время динамика международных и внешнеэкономических связей российских регионов с зарубежными странами значительно возросла, расширилась география международных контактов регионов, существенно вырос объем сотрудничества, меняется его содержание, что особенно характерно и для приграничного сотрудничества. Его перспективы в аспекте социально-культурных отношений, обеспечения этнополитической безопасности появляющихся различных конфликтов на фронтальных территориях, разработки благополучного правового поля для них сегодня носят актуальный характер. Поэтому в научном сообществе имеется многочисленные исследования по данным направлениям. Это связано и с тем, что в федеральном законодательстве уточняются такие понятия, как «приграничное сотрудничество», «участники приграничного сотрудничества», «территория приграничного сотрудничества», «приграничный субъект Российской Федерации». Кроме того, не в полной мере разграничены полномочия федеральных и региональных органов государственной власти, и органов местного самоуправления в сфере приграничного сотрудничества. Особой актуальностью отличается задача определения полномочий органов местного самоуправления, которые в соответствии с европейскими нормами и правилами являются основным звеном приграничного сотрудничества [3].

Подтверждением того, что в системе международных и внешнеэкономических связей российских регионов определенное развитие получило приграничное сотрудничество, является принятие Правительством РФ в 2001 г. Концепции приграничного сотрудничества в Российской Федерации и присоединение России в 2003 г. к Европейской рамочной конвенции о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей. Но вместе с тем изучение состояния приграничного сотрудничества показало необходимость усиления внимания со стороны государства к этой сфере деятельности при-

граничных субъектов Российской Федерации, т. к. большинство из них являются депрессивными. Именно эта проблема требует совершенствования государственной политики в отношении приграничных регионов и должно быть направлено на скорейшее выравнивание их социально-политического потенциала и повышение уровня жизни населения на этих фронтальных территориях. Современная политика России в отношении приграничных субъектов Федерации должна опираться на принципы разумного государственного протекционизма, создания социальных гарантий, в том числе для этнических общностей, компактно проживающих на соответствующих территориях, дифференцированного подхода к приграничным территориям с учетом природно-климатических условий и уровня социально-экономического развития.

Вполне понятно, что на каждом этапе своего развития государство в целях своей национальной безопасности должно определять свои приоритеты и интересы, как в области внешней, так и внутренней политики. Для многонациональной России в данный период одним из актуальных приоритетов являются: территориальная целостность страны, сохранение гражданского мира и политическая стабильность не только в своем государстве, но и в целом и за ее пределами по всему фронтиру и приграничным территориям с другими государствами. Как нам представляется, особой зоной или регионом в этом смысле, куда необходимо акцентировать свое внимание является Юг России и Прикаспийский регион.

Сегодня первый из этих регионов вызывает наибольшее этнополитическое напряжение и угрожает целостности государства, а примыкающий сектор Каспийского региона и Северный Кавказ является наиболее дестабилизирующими территориями. Данной проблеме посвящены многочисленные исследования [2,8,14]. С другой стороны, одной из территорий, куда обращены взоры национальных интересов ведущих мировых держав, является сам Прикаспийский регион. В постсоветский период Россия, в связи с развалом СССР и изменениями ее границ и своего геополитического положения активно стала сотрудничать с приграничными территориями соседних государств Каспийского региона. Появились серьезные перспективы для приграничного сотрудничества с Казахстаном, Азербайджаном, Ираном и Туркменистаном. Но вместе с тем появились определенные вызовы и угрозы этнополитической стабильности внутри самого российского государства, особенно на его фронтальных территориях (Астраханская область, Дагестан, Кабардино-Балкария). Особую озабоченность сегодня вызывают миграционные потоки, которые проходят через южные территории России.

Научные исследования позволили определить основные тенденции в развитии современной миграционной ситуации. Все более возрастающую роль сейчас играют приграничные миграции, которые стали основной формой миграционных процессов. Во всех регионах России фронтальные миграции зна-

чительно превышают все иные формы. Для примера можно рассмотреть казахстанско — российское приграничье. В результате социологических исследований Ж. Зайончковской и М. Сдыкова выявлено то, что частота перемещений в приграничных регионах Казахстана и России возросла по сравнению с предшествующим советским периодом. Причины и характер свидетельствуют о сохранении налаженных связей и контактов между населением сопредельных территорий, но уровень их реализации с той или иной стороны имеет неодинаковую мотивацию и направленность. С одной стороны, с различной степенью вариативности можно сделать вывод, что со стороны Казахстана поток мигрантов преследует трудовые, коммерческие и только потом родственные задачи, тогда как со стороны России на первое место вышли причины родственного характера. С другой стороны — круг причин, вызвавших временные перемещения, значительно расширился, свидетельствуя о разнообразии характера новых контактов и связей [13, с.17].

Особое значение имеют проблемы экономического порядка. Опросы населения позволили установить, что при относительно равной оценке экономического положения в Казахстане и России, все же перспективы будущего роста в России выглядят как более предпочтительными. Однако данная оценка носит региональный характер. Мигранты из России в Западно-Казахстанскую область отмечают более широкие экономические возможности данного региона.

Участниками приграничных миграций являются в основном люди трудоспособного возраста, обладающие в целом достаточно высоким образовательным уровнем. На масштабы миграционных процессов оказывает влияние целый ряд факторов социально-экономического, этнодемографического и культурного характера, имеющих различную степень развития в тех или иных зонах казахстанско-российского приграничья.

В результате анализа состояния приграничных миграционных перемещений между Казахстаном и Россией авторы исследования делают следующие выводы:

— По обе стороны границы расположены совершенно разные по социально-экономическому и демографическому потенциалу пограничные зоны. Однако именно миграция из Казахстана в Россию позволила российской стороне амортизировать неблагоприятное воздействие общего ухудшения демографической ситуации.

— Регулирование пограничного режима с момента обозначения границы на протяжении всего последнего десятилетия заметно влияло на масштабы миграции, увеличивая или снижая ее активность.

— Фронтальные миграции во многом зависят от таких условий, как наличие дорог, удаленность населенных пунктов, развитость торговых, медицинских и других услуг, и т.д.

— Население приграничных областей имеют давние и устоявшиеся отношения, которые сейчас переживают распад и становятся менее частыми. Однако большинством опрошенных отмечена более высокая степень регулярности поездок в соседние области.

— Фронтальные миграции чаще всего совершаются с целью посещения родственников, решения конкретных проблем, поездки культурного или туристского характера практически отсутствуют. Трудовая миграция продолжает оставаться одной из основных форм приграничных перемещений. Коммерческая миграция значительно уменьшилась, что связано с завершением формирования этого рынка услуг [13, с.17].

Со стороны Казахстана на процесс миграционной политики в приграничных территориях и в частности переселению на историческую родину населения из фронтальных территорий повлиял принятый в 1992 г. закон «Об иммиграции». Согласно этому закону, казахам, возвращавшимся на территорию республики в связи с преследованиями, притеснениями, ограничениями прав и свобод, а также желанием вернуться на историческую родину, предоставлялся статус беженцев, и тем, кто покинул Казахстан в ходе массовых репрессий, преследований, военнопленным и их потомкам [11]. Затем в декабре 1997 г. был принят закон «О миграции населения», по которому репатриантом (оралманом), считалось «лицо коренной национальности, изгнанное за пределы исторической родины... в силу актов массовых политических репрессий, незаконной реквизиции, насильственной коллективизации, иных антигуманных действий, добровольно переселяющееся в Республику Казахстан с целью постоянного проживания, а также его потомки» [4].

Миграционная ситуация в России и Казахстане в 2002-2012 гг. изменилась. Россия стала одним из крупнейших реципиентов. Изменился и сам характер миграции: вынужденную миграцию сменила экономическая. В условиях роста миграционной мобильности населения, катастрофических показателей смертности и рождаемости, стремительной убыли населения Россия становится страной мигрантов [6].

На примере приграничных миграций в рамках Каспийского региона можно выявить характер и масштабы этого процесса. В первую очередь большое влияние будет оказывать степень обустройства границы. Проведение делимитации и достаточных пунктов пропуска позволит упорядочить этот процесс и создать нормальные условия для населения приграничных областей. Введение квот и ограничений повлияет на жизненно важные интересы значительной группы населения. Ужесточение границы и пропускного режима (введение виз) приведет к росту невозвратной миграции из Казахстана и других приграничных регионов.

В целом же Прикаспийский регион является важным стратегическим звеном между Севером и Югом как источник снабжения нефтью и газом рынков

Европы [7]. Последствиями таких международных глобальных процессов в не-малой степени являются конфликтные события в Ираке, периодически обостряющиеся отношения Исламской Республики Иран с США, военный конфликт Грузии с Россией и т.д. Обусловлено это главным образом и в первую очередь природными углеводородными ресурсами, которыми обладают прикаспийские государства, а также географическим положением региона, где пересекаются транспортные, торговые пути и само море с уникальными биоресурсами. Кроме этого, на данный геополитический фон накладывает свой отпечаток и те миграционные процессы, которые происходят в этом регионе, накапливая соответственно тот конфликтотенный потенциал, который в значительной степени может изменять геополитическую ситуацию в прикаспийских регионах в пользу некоторых заинтересованных государств [1].

В период 2000-х в России и ее властных структурах, а также в обществе все больше стала осознаваться глубина демографического кризиса и его значение с позиций развития страны, ее безопасности и сохранения территории. По мере того, как экономике требовалось все больше иностранной рабочей силы, проблемы миграции обострялись. Она превратилась в одну из главных социальных проблем, лакмусовую бумажку состояния общества. Жаркие дискуссии о миграции, и ее необходимости, ее роли в жизни страны, не прекращались в течение всего прошедшего десятилетия и не утихают до сих пор.

Известно, что миграционные потоки в РФ обычно рассматриваются как внутренние, так и внешние. Последние состоят из иммиграции и эмиграции, причем иммиграция в России явно преобладает — сказывается приток переселенцев в основном из стран ближнего зарубежья. Региональная же особенность внешней миграции состоит в том, что наиболее привлекательными территориями являются Москва и Московская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область, Белгородская область и ряд других территорий. Но нас более привлекает проблема южных регионов. Дело в том, что регионами-реципиентами иммигрантов из государств Закавказья и Средней Азии являются Южный (Астраханская область, Краснодарский край, Ростовская область), Северо-Кавказский (Ставропольский край) федеральные округа.

Если рассматривать в целом по Российской Федерации, то на начало 2013 г. в стране по разным оценкам проживает до 10 млн незаконных мигрантов в основном из республик Средней Азии и Закавказья (и около 2 млн законных), из года в год число мигрантов растет на 64%. «С одной стороны дешевые рабочие руки удешевляют производство (особенно, в сфере строительства, сфере услуг). С другой — межнациональный климат в России ухудшается и очевидным образом ухудшает инвестиционную привлекательность страны» [5].

В одном из своих выступлений глава Федеральной миграционной службы России К. Ромодановский объявил, что в стране находится всего лишь 3,5 млн. нелегальных иммигрантов. Однако если пользоваться не официальными, а

экспертными оценками, то, согласно им, число нелегалов в России от 12 до 15 млн. человек. В одной Москве в «подпольном» режиме живёт около 7-8 миллионов, а всего максимальная цифра некоторых аналитиков всех мигрантов в России достигает до 25 млн. человек, при официально зарегистрированных 11 миллионах. Краеугольным камнем российской миграционной политики должно быть создание системы иммиграционного контроля с соответствующей миграционной политикой, законодательной базой и бюджетными средствами. В настоящее время имеется многочисленная, разная по направлениям и ведомственной базе (от МВД РФ до различных федеральных структур) законодательные документы, инструкции, постановления [15].

Деятельность государственных структур, а также сама миграционная политика в период 2000-х были направлены, прежде всего, на поиск законодательно-правовых инструментов регулирования трудовой миграции, которая развивалась преимущественно в неформальных формах.

Одним из основных документов по миграционной политике того времени являлась Концепция регулирования миграционных процессов в Российской Федерации, утвержденная 1 марта 2003 года Правительством РФ. Она характеризует миграционную ситуацию того времени, определяет цели, принципы, задачи, направления и механизмы регулирования миграционных процессов. Несмотря на то, что структура документа логична, при его рассмотрении можно было выявить некоторые вопросы о противоречии заявленных целей предлагаемым конкретным действиям по их реализации. Таким образом, данная концепция не давала четких ответов на то, какова будет стратегическая линия миграционной политики страны на более-менее отдаленную перспективу. При желании практически многие важные ее положения можно трактовать двояко [9].

В июне 2012 г. была утверждена Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г. В этом документе официально утверждается, что привлечение иностранных работников является необходимостью дальнейшего поступательного развития российской экономики. Тем самым поставлена точка в спорах о том, нужны или не нужны мигранты. Концепция в целом ориентирована на решение задачи привлечения в страну мигрантов для восполнения естественных потерь населения, рабочей силы и развития инновационного потенциала.

Помимо внутренних проблем и межрегиональной миграции в рассматриваемом в этом десятилетии большое внимание уделялась поиску эффективных способов организации конструктивного взаимодействия с государствами СНГ, что в свою очередь важно для приграничных территорий Юга России. 2000-е гг. прошли под знаком повышенной активности по выработке коллективных усилий стран СНГ в сфере управления миграцией. Россия как принимающая страна являлась главным актором этих усилий. По заявлению Статс-секретаря — первого заместителя руководителя Федеральной миграционной

службы России Е. Егоровой, эффективно стали работать специальные отраслевые органы, созданные в рамках различных международных организаций [10].

Стала постоянной практика принятия и реализации программы сотрудничества государств-участников СНГ в противодействии незаконной миграции, которая существует с 2006 г. Последняя такая программа утверждена решением Совета глав государств-участников СНГ 3 сентября 2011 г. на период 2012-2014 годов. Изначально Программа была разработана Совместной комиссией государств-участников Соглашения о сотрудничестве государств-участников СНГ в борьбе с незаконной миграцией от 6 марта 1998 г. Программа предусматривает мероприятия в области совершенствования международно-правовой базы сотрудничества, организационно-практические мероприятия, мероприятия по информационному, научному, кадровому, материально-техническому и финансовому обеспечению.

Направления развития международного сотрудничества в сфере противодействия незаконной миграции определены в Концепции миграционной политики, куда относятся следующие аспекты:

- выработка единых подходов по вопросу реадмиссии граждан третьих государств, включая расходные обязательства сторон, в рамках международных организаций;
- заключение международных соглашений с компетентными органами иностранных государств о сотрудничестве в борьбе с незаконной миграцией;
- заключение международных соглашений о приеме, возврате и транзитном проезде лиц, нелегально находящихся на территории Российской Федерации и территориях иностранных государств (о реадмиссии) [10].

В той же Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г. содержится специальный раздел, посвященный основным направлениям противодействия незаконной миграции:

- совершенствование правовой базы противодействия незаконной миграции;
- совершенствование мер ответственности за нарушение миграционного законодательства Российской Федерации;
- создание и совершенствование системы иммиграционного контроля путем закрепления данного понятия в системе нормативных правовых актов Российской Федерации, определения компетентных органов и перечня соответствующих полномочий;
- совершенствование системы государственного контроля въезда и пребывания иностранных граждан на территории Российской Федерации;
- противодействие организации каналов незаконной миграции, в том числе за счет повышения защищенности паспортно-визовых и иных документов, позволяющих идентифицировать личность;

— создание инфраструктуры для осуществления процедуры реадмиссии и обеспечение органами государственной власти субъектов Российской Федерации функционирования специальных учреждений для содержания иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению или депортации;

— совершенствование межведомственного взаимодействия, в том числе обмена информацией на внутригосударственном уровне, а также с компетентными органами иностранных государств по вопросам противодействия незаконной миграции;

— разработка и принятие программ противодействия незаконной миграции, проведение совместных межгосударственных оперативно-профилактических мероприятий;

— усиление информационной и разъяснительной работы с гражданами, работодателями в целях предупреждения нарушений миграционного законодательства Российской Федерации [10].

Проблемы противодействия незаконной миграции невозможно рассматривать в отрыве от других аспектов регулирования миграционных процессов. Поэтому государственная миграционная политика Российской Федерации требует не частичного регулирования, а серьезные кардинальных изменений. По нашему мнению, только сейчас после событий происшедших в таких регионах как Саратовская область (г. Пугачев), Ставропольский край, Астраханская область, Краснодарский край, Москва в Государственной думе начали серьезную работу над новым Миграционным кодексом [15].

Необходимость более кардинального подхода к данной проблематике объясняется тем, что создавшееся положение самым непосредственным образом влияет на экономическую и социально-политическую ситуацию нашего общества и вызывает угрозу национальной безопасности страны. Дело в том, что по прогнозам руководителя лаборатории анализа и прогнозирования миграции Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, эксперта РСМД Ж. Зайончковской за период 2011-2030 гг. трудовозрастной контингент в современных границах трудоспособности согласно среднему варианту последнего прогноза Росстата сократится на 11 млн. чел. при том, что еще около 4 млн. естественных потерь предполагается возместить за счет миграции. Необходимая иммиграция в период до 2030 г. достигает около 12 млн. чел. [8].

В этих условиях существует необходимость выработки гибкой системы и инструментов управления миграцией, которые можно было бы быстро корректировать. Основной миграционный контингент становится все более дестабилизирующим фактором в смысле правовой, социально-культурной составляющей. Быстрое увеличение среднеазиатской компоненты уже привело к росту ксенофобских настроений у россиян, хотя они в социальном отношении еще довольно

близки к нам, по сравнению с аналогичной ситуации в странах Евросоюза. Но все же продолжающийся наплыв иммигрантов, резко отличающихся от населения России в этнокультурном отношении, грозит обществу серьезным расколом и дестабилизацией. Поэтому большое значение должно придаваться регулированию миграционных потоков по территориям, содействию адаптации и интеграции мигрантов, формированию конструктивного взаимодействия между мигрантами и принимающим сообществом. Вместе с тем надо признать, что процесс интеграции может быть не всегда успешным, при такой большой доле нерегулированных мигрантов, как наблюдается сейчас.

Одним из значительных и действенных путей по урегулированию миграционных потоков является введение основной массы мигрантов в правовое поле, что может являться и должно быть неотъемлемым условием их успешной интеграции, уменьшения коррупции в сфере миграции и снижения миграционных рисков, и этнополитических конфликтов.

В настоящее время в России драматизм положения состоит в том, что при господствующей на постсоветском пространстве модели социально-экономического развития иной формы трудовой миграции, кроме как нелегальной, малоквалифицированной, пока что быть не может. Общий деструктивный фон и атмосфера социальной несправедливости мотивируют нарастающую напряженность и конфликтогенность взаимодействий мигрантов и работодателей. Конфликты между ними проявляются в различных формах (индивидуальных, коллективных, открытых, закрытых). Обобщая вышеизложенное, один из ведущих российских конфликтологов академик А. В. Дмитриев утверждает, что изменить сложившуюся ситуацию, минимизировать риски конфликтных взаимодействий работодателей и мигрантов под силу, естественно, только государству. Но качественное решение этой задачи невозможно без инициативы институтов гражданского общества, без углубленного исследования назревших проблем и формирования соответствующего общественного мнения [16].

Таким образом, общественное мнение должно придти к осмыслению того, что неуправляемые этнополитические конфликты, появляющиеся в результате существующей миграции, особенно на приграничных территориях, могут быть причиной одного из самых серьезных видов политической агрессии. Проявление агрессии уже сегодня наблюдаются на фронтальных территориях с тенденцией раздувания национализма, национальной ненависти, религиозных противоречий и т.д. Поэтому власть и гражданское общество в России и в странах Каспийского региона должны своевременно реагировать на всевозможные случаи возникновения элементов этноконфессионального и этнополитического конфликта как одного из серьезных факторов дестабилизирующих общество. Именно с целью недопущения этих деструктивных явлений необходима дальнейшая демократизация и модернизация политических процессов и самой политической системы, но при условии развития гражданского

общества и укреплении основ правового государства при тесном взаимодействии с научным сообществом на основе уже имеющихся широкомасштабных политологических исследований по данной проблематике.

Список использованной литературы

1. *Дмитриев А. В., Карабущенко П. А., Усманов Р. Х.* Геополитика Каспийского региона (Взгляд из России). Астрахань: Астраханский государственный университет, 2004.
2. *Дмитриев А. В., Слепцов Н. С.* Конфликты миграции. — М.: Альфа-М, 2004.
3. Доклад Совета Федерации ФС РФ «О состоянии законодательства в Российской Федерации». Часть 2. Законодательное обеспечение основных направлений внутренней и внешней политики в 2005 году. URL: <http://www.council.gov.ru/lawmaking/report/2005/14/index.html>
4. Закон Республики Казахстан «О миграции населения» от 13 декабря 1997 года. URL: <http://antropotok.archipelag.ru/text/a081.htm>
5. К 2020 году Россия потеряет 5,5 млн рабочих рук. URL: <http://news.mail.ru/economics/11124728/?frommail=1>
6. *Курманова С. Р.* Этнические миграции между Казахстаном и России в XX-в начале XXI в. URL: [http:// WWW.ENU.KZ](http://WWW.ENU.KZ)
7. *Магомедов А. К., Никеров Р. Н.* Большой Каспий. Энергетическая геополитика и транзитные войны на этапах посткоммунизма. Ульяновск: УЛГТУ, 2010.
8. Миграция в современной России. URL: // http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1714#top
9. *Мкртчян Н. В.* Современная миграционная политика Российской Федерации // Проблемы правового регулирования миграционных процессов на территории Российской Федерации/ Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 2003. № 9 (202).
10. Нелегальная миграция в России. URL: [http:// russiancouncil.ru/inner/?id_4=2003&from=aug13rus#top](http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2003&from=aug13rus#top)
11. *Нурмагамбетов А.* Правовое регулирование миграционных процессов в республике Казахстан URL: <http://www.carnegie.ru/ru/print/36299-print.htm>.
12. *Путин В. В.* Россия: национальный вопрос. URL: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html
13. *Сдыков М. Н.* Казахстан и Россия в системе приграничных миграций // Россия-Казахстан: Фронтьерские миграции: сб. научных трудов. Москва — Уральск: Центр изучения проблем вынужденной миграции в СНГ, 2002.
14. *Усманов Р. Х.* Проблемы и перспективы Каспийского региона в контексте глобализации и диалога цивилизаций // Россия в глобальном мире: Институты и стратегии политического взаимодействия. Материалы VI Всероссийского конгресса политологов. Москва, 22-24 ноября 2012 г. М.: Российская ассоциация политической науки, 2012.
15. Чужие в своей стране. URL: [http:// argumenti.ru/society/n399/272685](http://argumenti.ru/society/n399/272685)

16. Чужие. Россия остается преимущественным направлением только для мигрантов из Средней Азии. URL: http://www.ng.ru/ng_politics/2013-06-18/14_aliens.html

References

1. *Dmitriev A.V., Karabushhenko P.L., Usmanov R.H.*. Geopolitika Kaspijskogo regiona (Vzgljad iz Rossii). Astrahan': Astrahanskij gosudarstvennyj universitet, 2004.
2. *Dmitriev A.V., Slepcev N.S.* Konflikty migracii. – M.: Al'fa-M, 2004.
3. Doklad Soveta Federacii FS RF «O sostojanii zakonodatel'stva v Rossijskoj Federacii». Chast' 2. Zakonodatel'noe obespechenie osnovnyh napravlenij vnutrennej i vneshnej politiki v 2005 godu. URL: <http://www.council.gov.ru/lawmaking/report/2005/14/index.html>
4. Zakon Respubliki Kazahstan «O migracii naselenija» ot 13 dekabrja 1997 goda. URL: <http://antropotok.archipelag.ru/text/a081.htm>
5. K 2020 godu Rossija poterjaet 5,5 mln rabochih ruk. URL: <http://news.mail.ru/economics/11124728/?frommail=1>
6. *Kurmanova S.R.* Jetnicheskie migracii mezhdu Kazahstanom i Rossii v 20-v nachale 21 v. URL: [http:// WWW.ENU.KZ](http://WWW.ENU.KZ)
7. *Magomedov A.K., Nikerov R.N.* Bol'shoj Kaspij. Jenergeticheskaja geopolitika i tranzitnye vojny na jetapah postkommunizma. Ul'janovsk: UIGTU, 2010.
8. Migracija v sovremennoj Rossii. URL: // http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1714#top
9. *Mkrtchjan N.V.* Sovremennaja migracionnaja politika Rossijskoj Federacii // Problemy pravovogo regulirovanija migracionnyh processov na territorii Rossijskoj Federacii / Analiticheskij vestnik Soveta Federacii FS RF. 2003. # 9 (202).
10. Nelegal'naja migracija v Rossii. URL: [http:// russiancouncil.ru/inner/?id_4=2003&from=aug13rus#top](http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2003&from=aug13rus#top)
11. *Nurmagambetov A.* Pravovoe regulirovanie migracionnyh processov v respublike Kazahstan URL: <http://www.carnegie.ru/ru/print/36299-print.htm>.
12. *Putin V.V.* Rossija: nacional'nyj vopros. URL: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html
13. *Sdykov M.N.* Kazahstan i Rossija v sisteme prigranichnyh migracij // Rossija-Kazahstan: Front'erskie migracii: sb. nauchnyh trudov. Moskva–Ural'sk: Centr izuchenija problem vyzhdennoj migracii v SNG, 2002.
14. *Usmanov R.H.* Problemy i perspektivy Kaspijskogo regiona v kontekste globalizacii i dialoga civilizacij // Rossija v global'nom mire: Instituty i strategii politicheskogo vzaimodejstvija. Materialy VI Vserossijskogo kongressa politologov. Moskva, 22-24 nojabrja 2012 g. M.: Rossijskaja asociacija politicheskoi nauki, 2012.
15. Chuzhie v svoej strane. URL: [http:// argumenti.ru/society/n399/272685](http://argumenti.ru/society/n399/272685)
16. Chuzhie. Rossija ostaetsja preimushhestvennym napravleniem tol'ko dlja migrantov iz Srednej Azii. URL: http://www.ng.ru/ng_politics/2013-06-18/14_aliens.html

ИГРОВЫЕ ПРАКТИКИ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ КУБАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Е. П. Воловик, Н. В. Плотичкина¹

В статье проанализированы характер распространения, значение, формы игровых практик в повседневной жизни кубанской молодежи. На основе результатов эмпирических исследований выявлено восприятие образа куклы в молодежной среде Краснодарского края; рассмотрены содержание и виды игровых практик молодежи Краснодарского края с точек зрения молодежи и экспертов.

Ключевые слова: молодежь, игра, игрушка, кукла, игровые практики.

Volovik E. P., Plotichkina N. V. The game practices in the everyday life of Kuban youth

The paper analyzes distribution pattern, the meaning, the form game practice in everyday life of the Kuban youth. Based on the results of empirical studies investigated the perception of the image of dolls among the youth of the Krasnodar region; examined the contents and types of gaming practices of youth Krasnodar region from the viewpoints of young people and experts.

Key words: youth, game, toy, doll, game practice.

Игра — универсальный феномен человеческой культуры, выполняющий функции становления, социализации, развития личности. В условиях усиления игризации различных сфер общества постмодерна, всеобщей компьютеризации и виртуализации игра стала еще более значимой для человечества, особенно для молодежи. Однако далеко не все виды современных игр носят положительный характер. Среди существующих в настоящее время игр немало и таких, которые вызывают зависимость, действуют разрушающе на психику молодого человека. Какое значение современная молодежь вкладывает в понятие игры? Какие игровые практики наиболее востребованы в современном обществе? Почему молодые люди так подвержены зависимости от игр? Какие именно виды игр несут негативный характер? Как простимулировать развитие позитивного потенциала игровых практик в обществе? Эти и другие вопросы составляют проблемное поле исследуемой темы.

¹ Воловик Екатерина Петровна – выпускница факультета управления и психологии Кубанского государственного университета. Эл. почта: kat-volovik@yandex.ru

Плотичкина Наталья Викторовна – кандидат политических наук, доцент кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: oochronos@mail.ru

Интерес современных исследователей к проблематике игры не угасает, поскольку появляются новые причины и основания для стремительного разворачивания игровых практик в пространстве повседневности. Тематику научных исследований игровых практик в повседневной жизни молодежи можно разделить на следующие виды по целям и задачам публикаций: подходы к анализу понятия «игра» в западной и отечественной научной традиции (Ф. Шиллер [14], К. Грос [5], Г. Гессе [3], Й. Хейзинга [13], Э. Финк [12], И. Гофман [4], Э. Берн [2], Д. Эльконин [15], Т. Апинян [1]); концептуализация «игрушки» в современной науке (Ю. Лотман [8], И. Морозов [10], А. Гусева [6]); современные исследования игровых практик российской молодежи (И. Морозов [9], Е. Ярская-Смирнова [16], О. Понукалина [11], Е. Куриленко [7]).

Отметим также, что игровые практики трактуются как игровая деятельность, которую осуществляют молодые люди для достижения определённой, заранее поставленной цели. Вслед за Й. Хейзингой, авторы полагают, что игровым практикам присущи: необязательность, наличие четко сформулированных правил, имитация реальности и т.д.

Эмпирическим материалом для статьи послужили результаты анкетных опросов, проведенных авторами в 2012-2013 гг., а также материалы экспертного группового полуструктурированного интервью (май — июнь 2013 г.). В качестве эмпирического объекта исследования выступила молодежь в возрасте от 16 до 23 лет, проживающая на территории г. Краснодара и г. Тимашевска. Это студенты Кубанского государственного университета, Кубанского государственного аграрного университета, а также школьники старших классов МБОУ СОШ №4 г. Тимашевска. Выборка случайная, с вероятностным отбором респондентов, соответствующих необходимому возрасту.

В ходе проведения анкетного опроса «Восприятие образа куклы в молодежной среде» (февраль — март 2012 г; N = 210 чел. в возрасте от 16 до 23 лет) были получены следующие результаты. Большинство респондентов любят кукол, несмотря на то, что они уже не дети. При этом 46% опрошенных девушек отнеслись к кукле не как к простой бездушной игрушке, а как к живому существу. В основном для респондентов куклы несли функцию напоминания о детстве (66%), эстетическую функцию (28%), функцию коллекционирования (4%) и талисмана (2%).

Респонденты продемонстрировали неоднозначное отношение к традиционным русским куклам. В восприятии половины опрошенной молодежи подобный тип куклы выступает в качестве пережитка русской культуры. И только 6% респондентов хотели бы, чтобы их дети играли только с русскими традиционными куклами. К современным куклам почему-то сложилось еще более безразличное отношение (68% не выразили никакого конкретного отношения); 12% посчитали, что эти куклы извращают человеческий облик, а по мнению

18%, данные куклы ничего отрицательного в себе не несут, даже, наоборот, развивают ребенка.

Эмпирическое исследование подтвердило стереотип о том, что мальчики не играют в куклы. Только 14% респондентов игру с куклами воспринимают как определенный познавательный-возрастной этап, через который полезно пройти как девочкам, так и мальчикам. С точки зрения большинства опрошенных респондентов (56%), кукла способна влиять на психику взрослого человека как положительно, так и отрицательно — в зависимости от типа и функции куклы.

В ходе проведения анкетного опроса «Игровые практики молодежи в современном российском обществе» (февраль — май 2013 г., N = 280 чел. в возрасте от 16 до 23 лет) выяснилось, что 70% респондентов положительно воспринимают игры; оставшаяся часть опрошенных продемонстрировала нейтральное отношение либо отсутствие интереса к игровым практикам. Наиболее популярными формами игрового досуга среди молодежи оказались компьютерные игры и игровые приставки (78%), интернет-игры (59%), игровые автоматы (37%) и просмотр телевизионных игр (32%). Менее популярны в молодежной среде спортивные игры (24%), коллективные игры в компании (Дозор, пейнтбол и т.д.) (21%), ролевые игры (6%), участие в играх КВН (4%), деловые игры и иные формы (2%). При этом вызывает опасение большое число респондентов (55%), ответивших, что они часто играют.

Современные виды игрушек у большинства молодежи вызывают разнообразные эмоции. Так, 29% опрошенной молодежи полагают, что такие игрушки способны развратить человека, и особенно ребенка.

В ходе опроса 11% респондентов признали собственную зависимость от игровых практик, 44% отметили подобную зависимость у своих знакомых. На вопрос «Как часто Вы принимаете участие в лотереях, карточных играх, играете в игровых автоматах или тотализаторах?» 12% ответили «постоянно», 44% — «иногда», 31% — «очень редко» и 13% — «никогда». Исходя из полученных данных, можно сделать вывод, что большая часть молодежи часто играет в автоматах или полагается на удачу в лотерее или тотализаторе.

Интересно распределение ответов респондентов относительно целей игровых практик: для 73% опрошенной молодежи игра реализует развлекательную и коммуникативную функцию; для 8% — выступает в качестве способа саморазвития, познания нового и неизведанного. Примечательно, что для 4% опрошенных респондентов игра — способ заработать, притом, что подобный вариант ответа не был сформулирован, а была лишь оставлена строка для своего варианта. Это подтверждает то, что довольно большое число молодежи пытается заработать легкие деньги в тотализаторах и игровых автоматах.

Исследование зафиксировало, что в целом 67% респондентов занимаются компьютерными играми, интернет-играми и играми на игровых приставках

только в условиях наличия свободного времени, 6% — подчеркнули, что не увлекаются подобными игровыми практиками, 5% молодежи играют практически целый день, а 7% тратят на подобные увлечения 5-7 часов в день.

Большинство опрошенных молодых людей (63%) склонны полагать, что современные виды игр способны влиять на психику взрослого человека как положительно, так и отрицательно. 20% считают, что игры никак не влияют на взрослого человека, поскольку у него уже устоявшаяся психика. 17% испытали затруднения при ответе на данный вопрос.

По мнению современной кубанской молодежи, современные виды игр в целом отрицательно влияют на нынешнее поколение детей, 19% полагают, что современные игры могут быть полезны при условии, если разъяснением добра и зла занимаются родители.

Для того чтобы разобраться в том, какова же реальная ситуация в сфере игровых практик молодежи, действительно ли современные игры и игрушки способны негативно влиять на психику молодых людей и детей, авторами исследования в мае 2013 г. было проведено полуформализованное интервьюирование группы экспертов на тему игризации молодежи. Всего было опрошено шесть экспертов, среди которых учителя и руководство МБОУ СОШ №4 г. Тимашевска.

Эксперты отметили популярность компьютерных игр в школьной среде, подчеркнув, что *«наиболее активный игровой возраст — 11-13 лет. В этом возрасте у детей наиболее широкий выбор игровых форм. Они пока еще и в детские игры с удовольствием играют, и в то же время уже познают более взрослые»*.

Относительно того, какое значение молодые люди вкладывают в игры и какова степень распространения игровых практик в молодежных сообществах, мнения экспертов разделились. Половина из них считают, что *«игры для современных молодых людей очень важны, игра занимает огромную часть жизни каждого человека»*. Вместе с тем многие эксперты обратили свое внимание на то, что *«некоторые молодые люди тратят слишком много времени на игры. В частности, это касается компьютерных игр. Кроме того, существует вероятность стирания границы между реальностью и виртуальностью»*. Другие эксперты справедливо отметили, что *«значение игры для человека зависит от самого человека, от его жизненных целей и приоритетов»*.

Спортивные игры, по утверждению экспертов, *«уже не так воспринимаются молодежью, как раньше. Современная молодежь делает все нехотя, детей приходится заставлять. На смену активным играм пришли пассивные, статичные»*.

Эксперты также разделили степень влияния игр по их формам. По их мнению, *«спортивные, коллективные, настольные игры не могут негативно вли-*

ять на человека. Они несут в себе непосредственно только добро и положительно влияют на развитие, здоровье и психику человека».

Некоторые эксперты упоминали в положительном ключе русские традиционные игрушки и игры. *«Раньше игры были совершенно иными, не было компьютеров и трансформеров, поэтому мы развлекались различными спортивными играми, играми в «дочки-матери», настольными играми. И вопросов о негативности влияния этих игр не возникало».*

На вопрос «Могли бы Вы что-либо порекомендовать учреждениям, работающим с молодежью, в целях стимулирования позитивного потенциала игровых практик?» было получено множество интересных ответов. Прежде всего, практически все эксперты были единодушны в том, что необходимо развитие игрового потенциала в учреждениях, работающих с молодежью. В ходе опроса у экспертов появилась идея создания игровой пришкольной площадки. *«Можно было бы создать игровую площадку при каждой школе по возрастным интересам. Там могут быть правильно подобранные компьютерные игры, настольные игры, могут проводиться спортивные игры, не требующие большого количества участников и времени. Также было бы полезно проводить с ребятами деловые игры для развития их делового потенциала и качеств, можно даже ролевые игры организовывать, воспроизводить историю. Вообще можно много чего интересного придумать для таких площадок, главное, чтобы на них работали квалифицированные специалисты, умеющие увлечь и заинтересовать детей и молодежь».* *«Создание такой площадки было бы прекрасным способом занять детей на переменах, время которых необходимо увеличить, чтобы у детей была возможность полноценно отдохнуть и набраться сил. Либо другой вариант — организовать час игры, который стоял бы посередине учебного дня школьника. Такой час позволил бы отдохнуть от уже проведенных уроков и набраться сил для предстоящих занятий».* *«Такие площадки нужны не только при школах. В вузах тоже необходимо организовывать такие комнаты или помещения, в которых студенты могли бы расслабиться. Особенно актуальны такие места отдыха были бы во время сессии, ведь это время, когда студенты максимально сосредоточены и у них не всегда находится время, чтобы дать организму отдохнуть».*

С точки зрения одного из экспертов, *«игровых форм сейчас настолько много, что дети и молодежь сами в состоянии выбрать, чем им лучше и интереснее заняться. Каким-то образом организовывать молодежные игры не представляется возможным, потому как у каждого свои интересы и любое предложение будет наткнуться на волну негодования».*

Эксперты также отметили, что игровые практики уже давно работают, молодежные центры в разных городах организуют спортивные соревнования, конкурсы и викторины, в которых молодежь всегда с большой радостью принимает участие. *«Лет семь назад городские власти взялись за организацию КВН*

в городе Тимашевске. Тогда выступали команды из всех городских школ. Игры проходили в городском Доме культуры. В зале не было ни одного свободного места, люди были готовы стоять по 3 часа, лишь бы увидеть игру. Абсолютное большинство зрителей составляла молодежь — учащиеся местных школ, пришедшие поддержать свои команды. Для детей игры КВН были таким событием, о котором разговаривали потом еще год. Эти практики нужно возрождать, ведь положительного влияния от них просто не передать».

Один из экспертов заметил, что и на школьном уровне проводятся различные игровые мероприятия. «Это и веселые старты, и игры, приуроченные к 8 марта и 23 февраля: — «А ну-ка, девушки» и «А ну-ка, парни» соответственно, и посвящения, и музыкальные игры, и многое другое. Дети всегда охотно участвуют и присутствуют на таких мероприятиях, в которых нужно болеть за свою команду. А учреждениям, которые не практикуют подобную активную внеклассную жизнь своих воспитанников, можно пожелать лишь перенимать опыт и увлекать детей и молодежь подобными играми».

В современном российском обществе существует многочисленное разнообразие досуговых игровых практик, имеющих различную функциональную нагрузку. Играя, молодые люди воспроизводят основные функции игры — развивающую и компенсаторную. Большинство игровых практик носит развивающий, положительный характер. Настольные, спортивные, деловые, ролевые, театральные игры влияют на молодежь только позитивно, но эти игровые формы менее популярны в настоящее время в молодежной среде. Общество все чаще обращает внимание на негативные последствия некоторых молодежных игр. В интерпретации опрошенной экспертной группы игровую программу для молодежи можно усовершенствовать посредством создания игровых площадок при учреждениях, работающих с молодежью. Игровые практики, моделируемые обществом через создание механизмов поддержки молодежи и ее социальных инициатив, могут играть значительную роль в направлении энергии молодежи в позитивное, социально одобряемое русло.

Библиографический список

1. Апинян Т.А. Игра в пространстве серьезного. Игра, миф, ритуал, сон, искусство и другие. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003.
2. Берн Э. Игры, в которые играют люди: психология человеческих взаимоотношений. М.: Эксмо, 2011.
3. Гессе Г. Игра в бисер. СПб.: Азбука, 2002.
4. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2000.
5. Грос К. Введение в эстетику. Киев; Харьков: Южно-рус. кн. изд-во Ф. А. Иогансона, 1899.

6. *Гусева А. Ю.* Эстетика игрушки как феномена массовой культуры: автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2001.
7. *Куриленко Е. Н.* Игровые практики в социальной реальности молодежи // Ученые записки: Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2009. №3.
8. *Лотман Ю. М.* Куклы в системе культуры // Сочинения: в 3 т. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн: Александра, 1992.
9. *Морозов И. А.* Игровые сообщества: гендерный аспект // Этнографическое обозрение. 2006. №4.
10. *Морозов И. А.* Феномен куклы в традиционной и современной культуре (Кросс-культурное исследование идеологии антропоморфизма). М.: Индрик, 2011.
11. *Понукалина О.* Игры общества потребления: конструирование повседневности // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2009. Т. 3, № 1.
12. *Финк Э.* Основные феномены человеческого бытия // Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988.
13. *Хейзинга Й.* Homo Ludens (Человек играющий). М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
14. Шиллер Ф. Письма об эстетическом воспитании человека // Собрание сочинений: в 8 т. М.; Л.: Гослитиздат, 1950. Т.6.
15. *Эльконин Д. Б.* Психология игры. М.: ВЛАДОС, 1999.
16. *Ярская-Смирнова Е., Карпова Г., Ворона М.* Веселые, непонимающие и бессердечные? // Неприкосновенный запас. 2008. № 6.

References

1. *Apinjan T.A.* Igra v prostranstve ser'eznogo. Igra, mif, ritual, son, iskusstvo i drugie. SPb.: Izd-vo SPbGU, 2003.
2. *Berne E.* Iгры, v kotorye igrajut ljudi: psihologija chelovecheskih vzaimootnoshenij. M.: Jeksmo, 2011.
3. *Hesse H.* Igra v biser. SPb.: Azbuka, 2002.
4. *Goffman E.* Predstavlenie sebja drugim v povsednevnoj zhizni. M.: Kanon-Press-C; Kuchkovo pole, 2000.
5. *Groos K.* Vvedenie v estetiku. Kiev; Har'kov: Juzhno-rus. kn. izd-vo F.A. Iogansona, 1899.
6. *Guseva A.Ju.* Jestetika igrushki kak fenomena massovoj kul'tury: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. SPb., 2001.
7. *Kurilenko E.N.* Igrovyje praktiki v social'noj real'nosti molodezhi // Uchenye zapiski: Jelektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. #3.
8. *Lotman Ju.M.* Kukly v sisteme kul'tury // Sochinenija: v 3 t. T. 1: Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury. Tallinn: Aleksandra, 1992.
9. *Morozov I.A.* Igrovyje soobshhestva: gendernyj aspekt // Jetnograficheskoe obozrenie. 2006. #4.
10. *Morozov I.A.* Fenomen kukly v tradicionnoj i sovremennoj kul'ture (Kross-kul'turnoe issledovanie ideologii antropomorfizma). M.: Indrik, 2011.
11. *Ponukalina O.* Iгры obshhestva potreblenija: konstruirovanie povsednevnosti // Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta. 2009. Т. 3, # 1.

12. *Fink E.* Osnovnye fenomeny chelovecheskogo bytija // Problema cheloveka v zapadnoj filosofii. M.: Progress, 1988.
13. *Huizinga J.* Homo Ludens (Chelovek igrajušhij). M.: JeKSMO-Press, 2001.
14. *Schiller F.* Pis'ma ob jesteticheskom vospitanii cheloveka // Sobranie sochinenij; v 8 t. M.; L.: Goslitizdat, 1950. T.6.
15. *El'konin D.B.* Psihologija igry. M.: VLADOS, 1999.
16. *Jarskaja-Smirnova E., Karpova G., Vorona M.* Veselye, neponimajushhie i besserdechnye? // Neprikosnovennyj zapas. 2008. # 6.

ИНДИКАТОРЫ ДЛЯ МОНИТОРИНГА И ОЦЕНКИ РАЗВИТИЯ СЕКТОРА МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА: ПРОБЛЕМЫ ВЫБОРА

.....

С. А. Голоушкин¹

В статье рассмотрены основные проблемы, связанные с разработкой индикаторов для мониторинга и оценки программ развития малого предпринимательства. Выделены базовые характеристики оптимальных индикаторов. Автор рассматривает индикаторы в увязке с целями и задачами, характерными для разных уровней программ и проектов. В работе нашли отражение как теоретические, так и практические аспекты указанной проблемы, приведены примеры логически выстроенной структуры индикаторов, применение которых возможно в рамках реализации программ и проектов развития предпринимательства.

Ключевые слова: малое предпринимательство, государственные программы, индикаторы, мониторинг, оценка.

Goloushkin S. A. The indicators for monitoring evaluation and development of small business: the problems of choice

In the article considered the basic problem related to the development of indicators for monitoring and evaluation of development of small business. Identified the basic characteristics of «good» indicators. The author considers the indicators in relation to the goals and objectives specific to the different levels of programs and projects. In this paper reflected both theoretical and practical aspects of this problem, examples logically built structure indicators, the use of which is possible in the framework of the implementation of programs and projects of development of small business.

Key words: small business, government programs, indicators, monitoring, evaluation.

Важной методологической характеристикой в изучении государственной политики является ее процессуальная составляющая. Как правило, процесс реализации государственной политики характеризуется в категориях политического цикла, который предполагает круговой характер реализации, т.е. завершающая стадия предыдущего цикла служит отправной точкой для начала нового (в рамках данной проблемы), но уже на ином уровне. При этом исследователи выделяют различное число стадий государственно-управленческого процесса, варьируя этот показатель от 4 до 18 [14-17]. Мы не ставим задачу

¹ Голоушкин Сергей Александрович – аспирант кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: goloushkin86@mail.ru

анализировать весь спектр исследовательских позиций по данной проблеме, отметим лишь самый минимальный, на наш взгляд, набор ключевых стадий:

- 1) инициирование политики (определение приоритетных общественных проблем на основе сформированной политической повестки дня;
- 2) разработка и принятие (легитимация) государственной политики;
- 3) реализация (выполнение) государственной политики;
- 4) мониторинг выполнения государственной политики;
- 5) оценка политики (программы).

Оценивание политики — относительно самостоятельный этап политического цикла. Оно направлено на изучение фактических результатов (а также качества самого процесса реализации, экономической эффективности) государственных политик или программ, которые завершены или находятся в стадии реализации, с целью их совершенствования.

Важнейшим сопутствующим звеном для оценки государственных программ выступает мониторинг. Это систематическая деятельность, направленная на отслеживание хода и результатов программы на основании планомерного измерения значений ряда показателей (индикаторов). Благодаря этому заинтересованные стороны регулярно получают информацию о прогрессе в достижении их целей и задач. В рамках мониторинга важно не просто отслеживать ход осуществления той или иной деятельности, а акцентировать внимание именно на анализе прогресса с точки зрения достигнутых результатов [11, с. 16].

Мониторинг и оценка — важные и неотъемлемые части процесса реализации запланированной программы или проекта, при этом взаимно дополняют друг друга. В рамках рекомендаций ООН даже разработан единый термин — Monitoring and Evaluation (M&E). При этом основные цели M&E:

- определить, достигаются ли намеченные результаты программы в соответствии с запланированными;
- какие корректирующие меры необходимы, чтобы обеспечить получение намеченных результатов;
- вносит ли реализация программы позитивный вклад в общественное развитие [9; 12].

Для мониторинга и оценки программы используют определенные показатели, или индикаторы, т.е. своеобразные признаки изменений на пути к развитию [14, с. 71]. Иными словами, индикатор должен измерять достижения, отражать изменения, вызванные программой. Эффективную систему индикаторов для мониторинга и оценки программы можно построить лишь в условиях тщательной проработки логики программы, при корректной формулировке ее целей и задач.

В зависимости от того, что измеряют индикаторы, различают индикаторы ресурсов (вкладов), процесса (выполнения действия), непосредственного результата (микроуровня), общего результата (макроуровня), влияния (воздействия, миссии).

Оптимальный индикатор должен быть точным и однозначным, иметь четкую методику измерения, конкретные инструменты измерения, определять периодичность замеров. Еще несколько важнейших характеристик индикатора: существенность (относится к значимым характеристикам программы), экономичность (предполагает разумные затраты), адекватность (замеряет именно то, что он призван замерять) и проверяемость (возможность независимой проверки) [15, p. 74].

При этом в роли индикаторов могут выступать как количественные, так и качественные показатели. Количественные показатели представляют статистические данные, измеряющие результаты с точки зрения количества, процентного отношения, уровня, соотношения. Качественные показатели отражают суждения, мнения, предположения и отношение людей к конкретной ситуации или вопросу. Они измеряют результаты с точки зрения соответствия (например, каким-либо стандартам, представлениям), качества (процесса предоставления услуги, самой услуги), степени (информированности), уровня (удовлетворенности) [14, с. 73].

Вместе с тем подобрать оптимальный индикатор — задача не тривиальная, творческая. Это в меньшей степени относится к уровню непосредственных результатов, поскольку показателем результативности здесь выступает, как правило, индикатор завершения процесса (*нормативно-правовой акт принят; бизнес-инкубатор создан*) или индикатор результата завершения процесса (*количество предпринимателей, воспользовавшихся мерами государственной поддержки*). Фактически индикаторы, отражающие непосредственные результаты деятельности программы (микроуровень) полностью зависят от запланированных в программе мероприятий, а их достижение подконтрольно исполнителю программы. С этим уровнем тесно связаны показатели использования ресурсов, отражающие технологию использования ресурса в процессе создания непосредственного результата деятельности исполнителя программы при заданных бюджетных ограничениях. Например, для непосредственного результата *«предоставление образовательных услуг предпринимателям»* показателем использования ресурсов может выступать *«количество учебных заведений, привлеченных для оказания образовательных услуг»* или *«количество преподавателей, имеющих соответствующую ученую степень, оказывающих образовательные услуги предпринимателям»* и т.д. Данные показатели служат базой для планирования расходов по программе [2, с. 128].

Для определения достижения общих результатов (макроуровень) программы процесс выбора индикаторов является в большей степени творческим.

Отметим, что на этом уровне оправдано широкое применение качественных показателей, получаемых с помощью различных социологических методик — анкетирования, фокус-групп, интервью, экспертных опросов, наблюдения и т.д. Речь идет, например, о таких критериях, как уровень удовлетворенности клиентов программными мероприятиями [5], доля респондентов (представителей бизнес-сообщества региона), давших положительную оценку деятельности региональных органов власти [3], уровень информированности потенциальных клиентов программы о ее мероприятиях, оценка предпринимателями качества существующей нормативно-правовой базы, потребность в дополнительных финансовых средствах, оценка предпринимателями уровня коррупции, издержек на преодоление административных барьеров и т.д. Использование качественных методов происходит с целью внешнего контроля эффективности программы, что может вызвать протест исполнителя программы в силу субъективности такой оценки. Но для некоторых целей опрос клиентов может единственным возможным источником информации для оценки [2, с. 136].

Следует подчеркнуть, что на макроуровне результатов программы количество используемых индикаторов должно быть достаточно большим (при этом важно не забывать о принципе экономичности измерений). Связано это с тем, что использование 1-2 индикаторов не всегда отражает сложность и глубину происходящих в секторе изменений. Например, для того чтобы оценить прогресс в достижении цели *«повышение уровня доступности заемных финансовых средств для предпринимателей»*, можно воспользоваться различными количественными индикаторами:

— *динамика объема финансовых ресурсов, полученных субъектами МП с использованием поручительств гарантийного фонда [11];*

— *общий объем кредитных средств, привлеченный субъектами малого предпринимательства в расчете на 1 МП и т.д.*

Можно также использовать качественный показатель *«оценка субъектами малого предпринимательства уровня доступности заемных средств в сравнении с базовым периодом»*.

На уровне миссии программы, как правило, предусмотрено формулирование лишь одной цели. При этом формулировки достаточно емки и призваны отражать в целом состояние сектора предпринимательства. В связи с емкостью цели количество индикаторов, позволяющих определить движение к ней, является самым большим.

Например, для стратегической цели *«увеличение доли малого предпринимательства в экономике»* могут быть использованы показатели *«доля продукции малого предпринимательства в общем объеме ВВП (ВРП)»*, *«доля занятых в секторе относительно количества занятых в целом по экономике»*, *«динамика оборота малых предприятий»* и т.д.

Вместе с тем к таким показателям, как, например, «*количество вновь созданных субъектов малого предпринимательства*», нужно относиться с определенной осторожностью. Он малосодержателен с точки зрения отражения качества динамики происходящих в предпринимательской сфере процессов и может достигаться за счет создания «пустых» юридических лиц и регистрации не ведущих активной хозяйственной деятельности индивидуальных предпринимателей. В то же время данный индикатор на сегодняшний день остается самым популярным в государственных программах различного уровня.

Важно отметить, что индикаторы могут выражаться в относительных и абсолютных показателях. Первые более практичны, поскольку могут быть использованы в межрегиональных и межмуниципальных сравнениях. Например, мы можем определять увеличение оборота субъектов малого предпринимательства либо в абсолютном значении, либо в расчете на одно предприятие. Второй показатель в большей степени отражает интенсивность изменений, происходящих в секторе. Аналогично рассчитываются показатели «*средний объем инвестиций, приходящийся на 1 МП*», «*средняя производительность труда в секторе (по отраслям)*», «*средний объем налоговых платежей, приходящийся на одного субъекта малого предпринимательства*» и т.д.

Приведенные показатели уровня влияния (миссии) программы имеют четкий количественный формат и легко вычисляются на основе данных официальной статистики.

Примером качественного показателя на данном уровне программы может служить «*доля граждан, желающих начать свое дело*», значение индикатора здесь во многом будет зависеть от уровня предпринимательской активности, отношения граждан к предпринимателям и предпринимательству, которые вычисляются, как правило, опросными методами.

Отметим, что показатель уровня предпринимательской активности населения не столь однозначен и порой используется как индикатор экономических проблем в стране. Рассчитываемый в рамках международных исследований индекс ТЕА (Total Entrepreneurial Activity) фиксирует долю населения в возрасте от 16 до 64 лет, принимающих участие в создании новых фирм в текущем году или управляющих собственным бизнесом, созданным за последние 3,5 года. Причем между уровнем благосостояния населения (ВВП на душу населения) и уровнем предпринимательской активности существует обратная зависимость. Это связано с тем, что в стране с относительно низким уровнем благосостояния существенная доля населения вынуждена заниматься предпринимательской деятельностью в отсутствие подходящего места работы. С улучшением экономических условий необходимость в этом постепенно отпадает, но одновременно появляются возможности для открытия собственного дела с целью реализации какой-то инновационной идеи, повышается роль предпринимательства в технологическом развитии [4].

Некоторые исследователи предлагают в качестве индикаторов состояния сферы малого предпринимательства использовать различного рода интегральные показатели, получить которые можно расчетным путем. Например, речь может идти о трехуровневой системе: индикаторы первого уровня — простые значения, фиксируемые статистическими наблюдениями (или в результате социологических исследований); показатели второго уровня имеют более сложный характер, их получают расчетным путем из данных статистики; на третьем уровне ведется расчет более сложных индексов, которые являются результатами агрегирования данных и рассчитываются с помощью разного рода формул из сопряженных показателей [8, с. 64].

Расчет таких показателей зачастую довольно громоздкий, что в целом не мешает использовать данную методику на практике. Приведем пример расчета интегрального индекса развития малого предпринимательства, который представляет собой среднегеометрическую индексов, характеризующих отдельные направления развития МП [6]:

$$I_{МП} = \sqrt[5]{I_{КР} \cdot I_{ЭИР} \cdot I_{ДК} \cdot I_{СЭ} \cdot I_{ЭИП}},$$

где $I_{КР}$ — интегральный индекс качества развития малого предпринимательства; $I_{ЭИР}$ — интегральный индекс эффективности использования ресурсов; $I_{ДК}$ — интегральный индекс делового климата для малого предпринимательства; $I_{СЭ}$ — интегральный индекс социальной эффективности малого предпринимательства; $I_{ЭИП}$ — интегральный индекс эффективности деятельности объектов инфраструктуры поддержки малого предпринимательства.

Каждый из данных индексов также представляет собой среднегеометрическую, но других, более мелких интегральных показателей (всего 24 индекса). Например, индекс качества развития малого предпринимательства — среднегеометрическая 8 индексов:

- индекса изменения количества МП на 100 тыс. населения;
- индекса изменения доли субъектов МП в общей численности предприятий;
- индекса изменения объема оборота МП на одного занятого на МП;
- индекса изменения среднего объема оборота МП в расчете на одно МП;
- индекса изменения объема инвестиций в основной капитал МП;
- индекса изменения доли инвестиций в НИОКР МП в общем объеме инвестиций;
- индекса изменения объема поступлений налогов по УСН;
- индекса изменения объема поступлений по ЕНВД [6, с. 23].

Несмотря на комплексность предлагаемой методики, на наш взгляд, ее применение довольно ограничено, а количество предполагаемых для использо-

вания показателей чрезмерно. Сложность возникает уже на стадии сбора необходимой информации, так как получение данных не ограничивается статистикой, а требует большого количества оценочных экспертных исследований. Однако отдельные аспекты указанной методики могут применяться в расчетах, что показывают проводимые эмпирические исследования [1; 13].

В заключение отметим, что от качества разработанных индикаторов зависит объективность оценки достижения целей государственных программ. Данному уровню программы при ее разработке должно быть уделено особое внимание, а специалисты, отвечающие за данное направление, должны обладать соответствующими навыками и компетенциями.

Библиографический список

1. *Азизова Е.А.* Оценка состояния и развития малого предпринимательства // Вестник АГТУ. Сер. Экономика. 2010. № 1.
2. *Берездивина Е.В.* Определение показателей результативности органов исполнительной власти // Коллоквиум «Оценивание программ и политик: методология и применение»: сборник материалов. М.: ГУ-ВШЭ, 2006. Вып. 1.
3. *Волкова М.А.* Оценка эффективности механизма государственного управления экономикой региона в сфере поддержки малого бизнеса // Вестник Сибирского гос. ун-та им. акад. М.Ф. Решетнева. 2009. № 2.
4. *Дремина Г.А.* Оценка эффективности региональных программ поддержки малого и среднего бизнеса // Вестник Омского университета. Сер. Экономика. 2009. № 4.
5. *Думнова Н.А.* Направления совершенствования программных инструментов поддержки малого и среднего бизнеса в регионах // Вестник ТГУ. 2009. Вып. 5.
6. Интегральные показатели развития малого предпринимательства: доклад по результатам проекта. М.: ООО «Вектра», 2007.
7. Коллоквиум «Оценивание программ и политик: методология и применение»: сб. материалов. М.: ГУ-ВШЭ, 2006. Вып. 1.
8. *Морозова Л.Э.* О проблеме политического планирования и оценивания государственных программ и проектов // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Сер. Гуманитарные науки. 2009. №1.
9. Нормы оценки в Системе ООН/UNEG, 2005 г. URL: <http://www.unevaluation.org/unegnoms>.
10. Оценка программ: методология и практика М.: Престо-РК, 2009.
11. *Пак Хе Сун, Терешкин Г.В.* Развитие малого предпринимательства как критерий оценки деятельности органов МСУ // Власть и управление на Востоке России. 2009. № 4.
12. Политика ПРООН по оценке: документ Исполнительного совета ПРООН DP/2005/28, май 2006 г. URL: <http://www.undp.org/eo/documents/Evaluation-Policy.pdf>.
13. *Романенко Е.В.* Малое предпринимательство в Омской области // Российское предпринимательство. 2008. № 11.

14. Руководство по планированию, мониторингу и оценке результатов развития. Программа развития Организации Объединенных Наций. URL: <http://web.undp.org/evaluation/Handbook/Russian/rme-handbook-Russian.pdf>
15. *Kusek J. Z., Rist R. C.* Ten steps to a results-based monitoring and evaluation system: a handbook for development practitioners. Washington, DC: World Bank, 2004.
16. *Jenkins W.* Policy Analysis: A Political and Organizational Perspective. London: Martin Robertson, 1978.
17. *Hogwood B., Gunn L.* Policy Analysis for the Real World. London: Oxford University Press, 1984.
18. *Anderson J.* Public Policymaking: An Introduction. Boston: Houghton Mifflin, 1994.
19. *Dunn W.* Public Policy Analysis: An Introduction. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1994.

References

1. *Azizova E.A.* Ocenka sostojanija i razvitija malogo predprinimatel'stva // Vestnik AGTU. Ser. Jekonomika. 2010. # 1.
2. *Berezdivina E.V.* Opredelenie pokazatelej rezul'tativnosti organov ispolnitel'noj vlasti // Kollokvium «Ocenivanie programm i politik: metodologija i primenenie»: sbornik materialov. M.: GU-VShJe, 2006. Vyp. 1.
3. *Volkova M.A.* Ocenka effektivnosti mehanizma gosudarstvennogo upravlenija jekonomikoj regiona v sfere podderzhki malogo biznesa // Vestnik Sibirskogo gos. un-ta im. akad. M.F. Reshetneva. 2009. # 2.
4. *Dremina G.A.* Ocenka effektivnosti regional'nyh programm podderzhki malogo i srednego biznesa // Vestnik Omskogo universiteta. Ser. Jekonomika. 2009. # 4.
5. *Dumnova N.A.* Napravlenija sovershenstvovanija programmnyh instrumentov podderzhki malogo i srednego biznesa v regionah // Vestnik TGU. 2009. Vyp. 5.
6. Integral'nye pokazateli razvitija malogo predprinimatel'stva: doklad po rezul'tatam proekta. M.: ООО «Vektra», 2007.
7. Kollokvium «Ocenivanie programm i politik: metodologija i primenenie»: sb. materialov. M.: GU-VShJe, 2006. Vyp. 1.
8. *Morozova L.Je.* O probleme politicheskogo planirovanija i ocenivanija gosudarstvennyh programm i proektov // Vestnik Jaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta im. P.G. Demidova. Ser. Gumanitarnye nauki. 2009. #1.
9. Normy ocenki v Sisteme OON/UNEG, 2005 g. URL: <http://www.unevaluation.org/uneqnoms>.
10. Ocenka programm: metodologija i praktika M.: Presto-RK, 2009.
11. *Pak He Sun, Tereshkin G.V.* Razvitie malogo predprinimatel'stva kak kriterij ocenki dejatel'nosti organov MSU // Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii. 2009. # 4.
12. Politika PROON po ocenke: dokument Ispolnitel'nogo soveta PROON DP/2005/28, maj 2006 g. URL: <http://www.undp.org/eo/documents/Evaluation-Policy.pdf>.
13. *Romanenko E.V.* Maloe predprinimatel'stvo v Omskoj oblasti // Rossijskoe predprinimatel'stvo. 2008. # 11.

14. Rukovodstvo po planirovaniju, monitoringu i ocenke rezul'tatov razvitija. Programma razvitija Organizacii Ob»edinennyh Nacij. URL: <http://web.undp.org/evaluation/Handbook/Russian/pme-handbook-Russian.pdf>
15. *Kusek J.Z., Rist R.C.* Ten steps to a results-based monitoring and evaluation system: a handbook for development practitioners. Washington, DC: World Bank, 2004.
16. *Jenkins W.* Policy Analysis: A Political and Organizational Perspective. London: Martin Robertson, 1978.
17. *Hogwood B., Gunn L.* Policy Analysis for the Real World. London: Oxford University Press, 1984.
18. *Anderson J.* Public Policymaking: An Introduction. Boston: Houghton Mifflin, 1994.
19. *Dunn W.* Public Policy Analysis: An Introduction. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1994.

РАЗВИТИЕ ВОЕННО-ГРАЖДАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

.....

О. Е. Ломовская¹

В статье рассматривается эволюция теоретических представлений о роли военно-гражданских отношений в обеспечении национальной безопасности современных государств. На основе сравнительного анализа зарубежных и отечественных концепций военно-гражданских отношений автор определяет функциональную сферу гражданского контроля в развитии военных отношений. Формулируется ряд задач, которые необходимо решать институтам гражданского общества.

Ключевые слова: военно-гражданские отношения, национальная безопасность, гражданский контроль, гражданское общество.

Lomovskaya O. E. The development of civil-military relations in the context of national security: The theoretical aspects

The paper describes the evolution of theoretical ideas about the role of civil-military relations in the national security of the modern states. Based on a comparative analysis of foreign and domestic concepts of civil-military relations the author defines the functional scope of civilian control in the development of military relations. We have formulated many tasks to be addressed to civil society institutions.

Key words: civil-military relations, national security, civil control, civil society.

Научную эволюцию военно-гражданских отношений как особой сферы исследования можно представить в виде диалога российских и зарубежных концепций. Современная дискуссия в этой области сводится к обсуждению эффективности гражданского контроля, реформирования вооруженных сил и политики национальной безопасности, а также возрастания роли гражданского общества в регулировании военно-гражданских отношений. Под военно-гражданскими отношениями сегодня чаще всего понимают систему взглядов, отношений и функциональных связей, выстраиваемых между обществом и военными структурами по поводу обеспечения военной безопасности, которые направлены на создание, подготовку и применение военной силы.

¹ Ломовская Ольга Евгеньевна – аспирант кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: martishka.07@mail.ru

В связи с традицией открытого демократического обсуждения вопросов безопасности и обороны развитие данной проблематики началось в западно-европейской и североамериканской науке. Работа профессора С. Хантингтона «Солдат и государство. Теория и политика военно-гражданских отношений» (1957 г.), претерпевшая много критики и противоречивых оценок, сегодня считается одной из классических концептуальных работ по проблематике военно-гражданских отношений. Основной задачей своего исследования Хантингтон видел определение причин несбалансированного характера военно-гражданских отношений в американском обществе, а также пути трансформации таких отношений как фактора защиты от современных угроз.

Помещая военно-гражданские отношения в контекст политики национальной безопасности, Хантингтон характеризовал их как важный институциональный компонент. Порядок военно-гражданских отношений профессор видит в балансе двух императивов:

- функциональный императив предполагает реагирование на различные виды угроз безопасности общества;
- социоэталный императив указывает на подчинение идеологии, социальным силам или институтам, преобладающим в обществе [10, с. 63].

С точки зрения Хантингтона, абсолютное подчинение армии функциональному императиву способствует угрозе её для общества в связи со спецификой военной этики. Полное подчинение армии требованиям социоэталного императива превращает её в «зеркало политики» и «игрушку» в руках политических сил. Таким образом, только баланс двух сил составляет основу военно-гражданских отношений.

Модель военно-гражданских отношений Хантингтона отталкивается от идеи военного профессионализма (а именно от статусности офицерского корпуса как основного носителя военной этики), а также от проблемы гражданского контроля над военными.

Репрезентантом основного конфликта между функциональным и социоэталным императивами является статусная позиция офицерского корпуса. По Хантингтону, социальные, экономические отношения армии и общества могут быть рассмотрены через призму отношений между офицерским корпусом и государством. Это связано с ответственностью офицерского корпуса за обеспечение безопасности общества как основного действующего элемента армии и легитимацией государства как актора и защитника интересов общества. При этом ученый военно-гражданские отношения рассматривает как отношения между военными и гражданским обществом в широком понимании [2, с. 17]: к военным он относит действующих и бывших военных, военную элиту, к гражданскому миру — государство в целом, представителей правительства, социальных групп, институтов, СМИ, общественных организаций и т.д.

Базируясь на определении военного профессионализма, С. Хантингтон в разнообразии способов гражданского контроля видит основную проблему теории военно-гражданских отношений. Он предлагает систему, дающую возможность установить баланс между компетенцией военных и преобладающим верховенством государства, а также предполагающую максимум военного профессионализма. Такую систему ученый определил понятием «объективный гражданский контроль». Сущность объективного контроля заключается в значительной автономии военного профессионализма, что обеспечивает минимизацию власти военных, максимальную изолированность их профессиональной деятельности от внешних влияний, прежде всего от политики [4]. Хантингтон выделил следующие элементы объективного контроля:

- высокий уровень военного профессионализма, признание военными своей профессиональной компетенции;
- результативную систему подчинения армии гражданским лидерам, которые принимают решения, касающиеся международной и военной политики;
- минимизацию вмешательства армии в политику и ограничение вмешательства политиков в дела армии.

Антитезой объективного выступает субъективный гражданский контроль. По словам С. Хантингтона, «гражданский контроль уменьшается по мере того, как увеличивается участие армии в институциональной, классовой и конституционной политике. Субъективный контроль, наоборот, предполагает такое вмешательство. Суть объективного гражданского контроля предполагает признание автономности военного профессионализма; суть субъективного гражданского контроля состоит в отрицании независимости военной сферы. Субъективный гражданский контроль достигает своих целей путем навязывания военным гражданских ценностей, превращая армию в «зеркало политики». Объективный гражданский контроль добивается своих целей путем милитаризации армии, превращая ее в инструмент государства» [2, с. 21].

Таким образом, субъективный контроль подчиняет армию различным политическим силам, тем самым разрушая её боеспособность и угрожая демократическим принципам общества. Кроме того, при субъективном контроле представители гражданской сферы, такие как правительство, президент, стараются максимизировать свое влияние на вооруженные силы. Объективный контроль делает армию нейтральной и аполитичной, при этом подчиненной государству, но вместе с тем автономной.

Ещё одним классиком теории военно-гражданских отношений является социолог М. Яновиц. Его идея базируется на процессе постепенного разрушения конфликта между военной и гражданской сферой и формировании нового типа военного профессионализма: не воин-герой, а воин-менеджер и технический специалист. Научный взгляд Яновица, подкрепленный эмпирикой, позволил

прийти ему к выводу, что между гражданским и военным миром очень много взаимосвязей и точек соприкосновения. Взаимопроникновение военных и гражданских ценностей постепенно приводит к формированию нового вида взаимоотношений между армией и обществом. Эта идея стала противопоставлением теории Хантингтона о разделении сфер и труда между гражданским и военным, она предполагала не только расширение возможностей гражданского контроля и гражданского участия в армейской среде, но и участие военных в жизни общества. Процесс конвергенции мы наблюдаем сегодня: военные участвуют в политике, кроме того, их потребности и ценности не слишком отличаются от ценностей общества.

Д. Блэнд высказал идею взаимной ответственности и кооперации между гражданской и военной сферами. В связи с тем что контроль над военными структурами осуществляется со стороны именно гражданского лица, в условиях демократических стран это имеет определенный смысл. Военные должны быть законопослушными по отношению к правительству, которое создано обществом и состоит из представителей гражданской, а не военной сферы. При этом гражданские представители сталкиваются с практическими трудностями, связанными с отсутствием опыта и знаний в военной сфере. В этой связи Блэнд задается вопросом: «Каким образом министры могут контролировать вооруженные силы, если им (зачастую) недостает необходимых знаний и опыта для того, чтобы эффективно осуществлять этот контроль? И о каком реальном контроле может идти речь, если министры зависят от советов и консультаций со стороны «профсоюза» генералов?» [8, с. 13].

В рамках своего подхода, Д. Блэнд выделяет два основных момента. Гражданский контроль предлагается рассматривать с точки зрения взаимодействия военных с легитимно избранными и действующими государственными органами или лицами, контроль и управление извне осуществляют только гражданские представители. Армия должна быть лишена легитимного права действовать независимо от военно-гражданской структуры (например, министерства обороны), руководитель которой будет гражданская и по сути, и по представительству власть. Второй момент состоит в том, что гражданский контроль рассматривается как динамический процесс, зависящий от «появления новых идей, ценностей, институциональных условий функционирования общества, объектов и персоналий, политической внутренней и международной ситуации». Концепция разделения ответственности между гражданскими чиновниками и военнослужащими» основной целью предполагает достижение общего блага и главенства демократических ценностей, которые должны разделять и защищать как военные, так и гражданские власти.

Приведем цитату: «Способность посткоммунистических элит обеспечить демократический контроль над вооруженными силами или, по крайней мере, согласие армии на переход к демократии оказывает значительное влияние на

процесс становления демократии в целом» [9, с. 14]. Именно неготовность армии, государства и общества компетентно и слаженно участвовать в осуществлении демократического гражданского контроля и разработке политики безопасности является основной трудностью военно-гражданских отношений в России и посткоммунистических странах. Низкое правовое сознание военнослужащих, отсутствие опыта взаимодействия их с гражданскими властями, которые обладают недостатком знаний в области проведения и разработки политики безопасности и обороны, абсолютизация гражданского контроля над армией — все это серьезно препятствует демократизации не только вооруженных сил, но и общества в целом.

В российском дискурсе в полной мере описаны сложности военно-гражданских отношений вследствие подобной некомпетентности разных сторон этих отношений, а также положение гражданского контроля.

В.В. Серебряников, один из классиков военной социологии, определяет две социальные группы — военные и гражданские, при этом взаимодействие и отношение военных к гражданским и гражданских к военным составляют основу военно-гражданских отношений. Применяя объективные критерии к описанию каждой из социальных групп, ученый характеризует военных как особую группу вооруженных людей, призванных защищать жизненно важные интересы страны, осуществлять миротворческие акции, уметь вести вооруженную борьбу. При этом военные придерживаются специфических принципов и четкой структурированности, различаются по статусу и роли, подвержены жесткой субординации, а представители гражданских обеспечивают своей деятельностью воспроизводство жизни как таковой, удовлетворяют потребностям государства, в том числе и военных, служат двигателем прогресса общества и составляют большинство населения. Два блока военно-гражданских отношений — отношение гражданских к военным и отношение военных к гражданским — по своему характеру подразделяются на когнитивные (познавательные), чувственно-эмоциональные, поведенческие действия по отношению друг к другу. По своей направленности, силе взаимодействия, влиянию на общественную жизнь военно-гражданские отношения бывают спокойно-гармоничными, стабилизирующими, взаимодовверительными, напряженно-противоречивыми, враждебно-конфликтными [5, с. 87-95]. Военно-гражданские отношения классифицируются по следующим признакам:

- 1) социальному содержанию — по интересам и целям взаимоотношений армии и общества (совпадающие, различающиеся, противоположные, правовые, и неправовые, нравственные и аморальные, гуманные и антигуманные);
- 2) сферам (в политике, экономике, социальной и духовной жизни, в быту);
- 3) субъектам (индивиды, органы гражданской и военной власти, общественные организации и учреждения);

4) объективному положению военных и гражданских (приоритетное положение, диктат одних над другими, лишение каких-либо прав и свобод, контроль гражданских за военными);

5) способам и формам (тоталитарно-милитаристские или демократические, свободные или ограниченные, подцензурные, непосредственные или опосредованные, стихийные или регулируемые и т.д.).

Таким образом, на военно-гражданские отношения влияет поведение и сущность государства, его политика, социальные взаимодействия, географическое положение, история, национально- психологические особенности народа и т.д.

Категория «гражданский контроль» в работе В.В. Серебряникова и Ю.И. Дерюгина «Социология армии» определяется как «деятельность граждан ... через государство ... и через свои свободные объединения, направленная на то, чтобы состояние и применение армии отвечало потребностям и интересам общества, Конституции и другим законам» [6, с. 184]. Гражданский контроль в узком смысле сводится к определению поведения военных в соответствии с правовыми и нравственными нормами. В широком смысле он направлен на правильность использования армией соответствующих расходов, подразумевает порядок принятия решений по использованию армии и служит обеспечению достойного положения военного человека.

Следует отметить, что в российской литературе значение гражданского контроля по сути отличается от определений западных аналитиков. Отечественные авторы видят цель демократического гражданского контроля в обеспечении успешного функционирования армии, в то время как западные ученые акцентируют внимание на роли гражданского контроля для осуществления безопасности и интересов общества. Так, В.М. Анисимов выделяет два важных принципа демократического гражданского контроля. Первый предусматривает гуманистический подход к военным людям, гарантированное соблюдение прав и свобод личности военнослужащих любого уровня при выполнении ими своих служебных обязанностей, когда ограничение прав допускается в исключительных условиях, вызванных создавшейся ситуацией в стране (угроза нападения, агрессия и т.п.), но в любом случае ситуацией, обоснованной законодательно. Второй принцип предполагает, что гражданский контроль над военной политикой должен строиться на основе профессиональной компетентности и исходить прежде всего из интересов обеспечения национальной безопасности, а не из партийных и тем более чьих-то субъективных (корыстных или узковедомственных) соображений, не из сиюминутных обстоятельств [1, с. 153].

Важным направлением обсуждения качества гражданского контроля в российском дискурсе является определение субъектов гражданского контроля и их назначения. Субъекты можно подразделить на три вида: контроль граждан-

ских (невоенных) людей и институтов над военными; контролирующая деятельность государства в оборонной сфере; контроль над армией гражданского общества (эксперты, общественные организации, объединения и движения). При этом данным субъектам отводится роль связующего звена гражданского общества с военной организацией государства в установленном законодательством порядке с целью обеспечения политического и военного руководства информацией.

Еще одним достаточно актуальным сегодня и принципиально важным фактором для осуществления гражданского контроля остается проблема состава руководства вооруженных сил. Часть политиков выдвигают в качестве первоочередного требование о назначении гражданского лица главой военного ведомства, ссылаясь при этом на практику демократических стран Запада. Мнения ученых на этот счет разделилось. Так, В. М. Анисимов считает, что существенные результаты такая практика сама по себе принести не может, поскольку необходимо комплексное реформирование военного ведомства, развитие кадрового потенциала вооруженных сил и обновление нормативных основ этого развития [1, с. 153-154]. Другая точка зрения заключается в том, что гражданское руководство вооруженными силами обеспечивает утверждение гражданского начала в строительстве армии и служит более тесной и широкой увязке жизни армии и общества, исключая ненужную закрытость вооруженных сил [6, с. 186]. На данном этапе одна из важных проблем общества — военная социализация гражданских, т. е. процесс формирования военных из гражданских и, наоборот, гражданской социализации военных.

По мнению ряда ученых, гражданский контроль находится на начальной стадии становления вследствие несформированности самого гражданского общества в России [3]. При этом, рассматривая перспективы развития демократии в России, гражданскому обществу отводят решающую роль в формировании власти и политики, контроле над всеми главными сферами жизни, в том числе и военной.

Предполагается, что демократический гражданский контроль в сфере военно-гражданских отношений невозможен без развитых в полной мере, действующих и включенных в эту сферу институтов гражданского общества (НКО, международных организаций, СМИ, военно-патриотических объединений, движений и т.д.). Возникновение таких структур, выступающих за рациональное преобразование армии, грамотное реформирование и улучшение имиджа вооруженных сил, избирательное комплектование самой армии и её руководства, указывает на состоятельность гражданского общества как инструмента альтернативного демократического контроля иерархической системы избранных или назначенных лиц. Можно обозначить функции институтов гражданского общества как участников военно-гражданских отношений:

- выяснение, распространение и оценка информации о политике безопасности и обороны;
- формирование общественного мнения;
- подготовка экспертных материалов, проведение мониторинга ситуации в вооруженных силах;
- анализ механизма принятия решений в этой сфере;
- защита прав военнослужащих;
- участие в общественных дискуссиях и парламентских слушаниях по вопросам военного строительства и, как следствие, выступление с инициативами и предложениями по вопросам обороноспособности страны;
- популяризация военно-патриотического воспитания, усовершенствование деятельности военно-патриотических организаций и т.д.

Раздробленность гражданского общества позволяет классифицировать институты гражданского общества, задействованные в военно-гражданских отношениях. Кроме того, можно представить разделение задач между институтами гражданского общества в целях позитивного развития военно-гражданских отношений.

1. Первоначальной задачей можно считать возрождение механизма подготовки допризывной молодежи к защите Родины, системной военно-шефской работы как одной из традиционных форм военно-патриотического воспитания граждан России, активизацию деятельности таких общественных организаций, как РОСТО (ДОСААФ), советы ветеранов Вооруженных Сил России, комитеты солдатских матерей, военно-спортивные клубы, военно-патриотические организации и движения и т.д.

2. Создание действенного механизма контроля со стороны гражданского общества над системой и процессом призыва на срочную службу, реформирования вооруженных сил, открытостью принимаемых публично-властных решений в этой сфере и т.д. Сегодня влияние общественных организаций на решение подобных вопросов в рассматриваемой области во многих случаях сводится к нулю, что приводит к субъективизму, значительным финансовым, материально-техническим и кадровым потерям, наносит ущерб боеспособности армии [7, с. 140].

3. Повышение престижности военной службы, улучшение имиджа армии в глазах общества и, в частности, молодежи. В современных условиях создание положительного образа армии России становится составной частью деятельности по поддержанию и повышению безопасности государства, а также развитию профессиональной армии. Вместе с тем значительная часть российской молодежи выражает явное недоверие и негативное отношение к армии.

Таким образом, несмотря на территориальную и национальную разницу, и в западном, и в российском дискурсе военно-гражданские отношения рассматриваются как связь общества и военных структур, неотъемлемый субъект политики национальной безопасности. В идеале военно-гражданские отношения представляют собой баланс гражданского контроля, работы военного руководства и участия институтов гражданского общества, и от того, насколько сбалансированно такое взаимодействие зависит процесс развития военных структур и демократического общества.

Библиографический список

1. *Анисимов В. М.* Гражданский контроль за военными структурами // Полис. 1995. №4.
2. *Данилова Н. Ю.* Армия и общество: принципы взаимодействия. СПб.: Норма, 2007.
3. *Киршин Ю. Я.* Армия XXI века и гражданский контроль. URL: http://nvo.ng.ru/science/?PAGEN_1=202
4. *Полтораков А. Ю.* Современные контексты военно-гражданских отношений (концепция С. Хантингтона применительно к реалиям XXI столетия). URL: http://www.experts.in.ua/baza/analitic/index.php?ELEMENT_ID=67100
5. *Серебрянников В. В.* Военные в «гражданском» обществе // Социологические исследования. 1995. № 6.
6. *Серебрянников В. В., Дерюгин Ю. И.* Социология армии. М.: ИСПИ РАН, 1996.
7. *Хмелевский С. В.* Роль гражданского общества в обеспечении военной безопасности Российской Федерации // Социально-политические науки. 2011. № 1.
8. *Bland D.* A Unified Theory of Civil-Military Relations // *Armed Forces and Society*. 1999. Vol. 26, № 1.
9. *Cottey A., Edmunds T., Forster A.* Democratic Control of Armed Forces in Postcommunist Europe // *Guarding the Guards*. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2002.
10. *Huntington S.* The Soldier and the State // Cambridge: The Belknap Press of Harvard Univ. Press, 1957.

References

1. *Anisimov V.M.* Grazhdanskij kontrol' za voennymi strukturami // Poliss. 1995. #4.
2. *Danilova N.Ju.* Armija i obshhestvo: principy vzaimodejstvija. SPb.: Norma, 2007.
3. *Kirshin Ju.Ja.* Armija XXI veka i grazhdanskij kontrol'. URL: http://nvo.ng.ru/science/?PAGEN_1=202
4. *Poltorakov A.Ju.* Sovremennye konteksty voenno-grazhdanskih otnoshenij (konceptcija S. Huntingtona primenitel'no k realijam 21 stoletija). URL: http://www.experts.in.ua/baza/analitic/index.php?ELEMENT_ID=67100
5. *Serebrjannikov V.V.* Voennye v «grazhdanskom» obshhestve // Sociologicheskie issledovanija. 1995. # 6.
6. *Serebrjannikov V.V., Derjugin Ju.I.* Sociologija armii. M.: ISPI RAN, 1996.

7. *Hmelevskij S.V.* Rol' grazhdanskogo obshhestva v obespechenii voennoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii // Social'no-politicheskie nauki. 2011. # 1.
8. *Bland D.* A Unified Theory of Civil-Military Relations // *Armed Forces and Society*. 1999. Vol. 26, № 1.
9. *Cottey A., Edmunds T., Forster A.* Democratic Control of Armed Forces in Postcommunist Europe // *Guarding the Guards*. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2002.
10. *Huntington S.* The Soldier and the State // Cambridge: The Belknap Press of Harvard Univ. Press, 1957.

ОТ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ОЗДОРОВЛЕНИЯ РЫНОЧНОЙ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ К ЦИВИЛИЗОВАННОЙ ДЕЛОВОЙ КУЛЬТУРЕ

.....

С. С. Власов¹

В статье рассматриваются институциональные трудности и ограничения развития современной рыночной экономики в постсоветской России. Делается акцент на роли государства в становлении цивилизованного рынка. Показывается, что оздоровление институциональной среды деятельности бизнес-сообщества ведет к формированию созидательной основы деловой культуры.

Ключевые слова: экономические преобразования, деловая культура, современное российское предпринимательство, институциональная среда, «приятельский» бизнес.

Vlasov S. S. From the institutional market recovery of modern russia to the civilized business culture

The article discusses the institutional constraints and limitations of a modern market economy in post-Soviet Russia. The emphasis is placed on the role of the state in the development of a civilized market. It is shown that the improvement of the institutional environment of the business community leads to the formation of the creative foundation of business culture.

Key words: economic transformation, business culture, the modern Russian business, institutional environment, «hail-fellow-well-met» business.

Самое фундаментальное противоречие российской экономической политики в настоящее время заключается в выяснении меры и роли государственного вмешательства в экономику. С одной стороны, боязнь перед государственным регулированием продиктована опасностью злоупотреблений со стороны бюрократии, обеспечивающей в личных целях льготы и привилегии представителям государства и «своим» людям в обход и против воли и интересов общества и граждан. Но с другой стороны, для полноценного функционирования реальной экономики (и это признают специалисты в области экономики) и полной реализации прав собственности необходимо полное осуществление принципа правового государства и четкого разделения (по горизонтали и вертикали) властных полномочий. Эту двойственную функцию государства известный американский исследователь Д. Норт назвал «*обоюдоострым оружием*» [5, с. 108-119].

¹ Власов Сергей Сергеевич – аспирант кафедры теории и истории социологии Московского педагогического государственного университета. Эл. почта: serjojo@mail.ru

Для конструктивного воздействия на процессы экономических преобразований необходимо самое простое — *воссоздание работающего института государства, такого, которое из тормоза развития цивилизованного рынка превратилось бы в фактор его развития*. Во-первых, *следует выработать принципы экономической политики*, соответствующие социально-ориентированной рыночной экономике. Для этого необходим публичный дискурс по поводу программ экономических преобразований, которые позволили бы сформировать такие цели и приоритеты, при которых инициатива сверху нашла бы мощную поддержку снизу. Нужен диалог с многочисленными субъектами активных групп общества, которые в лице бизнес-организаций разного уровня и характера, добровольных гражданских инициатив способны придать экономическим преобразованиям массовый и ресурсный потенциал, гибкость и вариативность воплощения, а самое главное, обеспечили бы эффективную обратную связь, что так необходимо для коррекции управленческих воздействий. Другими словами, *следует развивать и укреплять диалоговые, открытые формы взаимодействия, основанные на принципах социального партнерства, социальной ответственности бизнеса*. Лишь углубление реальных процессов демократизации может служить лучшим гарантом оптимизации экономической трансформации и снижения деструктивности становления цивилизованного рынка.

Во-вторых, *государство должно обеспечить правовую основу функционирования экономики*. В условиях непоследовательной, а часто избирательной реализации правовых принципов никакая рыночная экономика работать не будет. Бесспорным фактом является то, что с самого начала российским предпринимателям пришлось бороться за свое существование не только с конкурентами на открытом рынке, но и с государством. Не случайно многие адвокаты говорят, что их главная задача — защищать предпринимателей не столько от рэкета, сколько от государства. Государство в постсоветский период допустило расцвет экономической преступности в таких масштабах, которые сделали развитие нормальной рыночной экономики невозможным. По мнению известного экономического социолога Р.В. Рывкиной, «роль государства в развитии российского рынка оказалась разрушительной» [8, с. 221], именно оно в большинстве случаев оказалось генератором многих деструктивных ситуаций в экономическом пространстве современной России. Разрешительная система бизнеса ставит российских предпринимателей в зависимое положение от чиновничества. Иметь «свою руку» в органах административной власти стало одним из условий ведения предпринимательского дела в России. Роль российского чиновника в обществе особая: формально он призван блюсти закон, а на деле он сам и толкует этот закон, по сути решает, кому дать ссуду и лицензию, а кого направить в налоговую инспекцию. Зависимое положение предпринимателя от бюрократического аппарата создает благоприятную почву для развития коррупции в административных органах власти на всех уровнях.

В еще большей зависимости от государства находится малый и средний бизнес, который страдает от чиновничьего произвола, непоследовательной государственной политики, удушающих налогов, инфляции.

Государству нужно пройти свою часть пути навстречу бизнесу. Тогда и предприниматель, не желающий сегодня иметь дело с государством, которое не может помочь ему и защитить его, а, наоборот, только обирает его, захочет играть по четко определенным и соблюдаемым обеими сторонами правилам.

Следовательно, для *оздоровления* рыночных отношений необходимо создание серьезной институциональной системы формального и неформального свойства: отработанной правовой структуры и культуры бизнеса с соответствующими законами прямого действия, судами, значительным корпусом юристов, системой достаточно справедливых силовых мер, обеспечивающих соблюдение законодательства; унифицированной и понятной каждому системы права собственности (в том числе и на землю); хорошо отработанными торговым, гражданским, налоговым кодексами; разветвленной банковской системы, охватывающей и коммерческие, и инвестиционные банки, обеспечивающие и оборотный, и долгосрочный капитал; отлаженной структуры государственного регулирования; соответствующей разветвленной сети социальной безопасности в качестве составляющей экономического, социального контрактов между партнерами и т.д.

Размытость и несовершенство институциональной структуры рыночной экономики в современной России подкрепляется отсутствием соответствующей ценностно-нормативной основы деловой культуры. Когда радикал-реформаторы в 1992 г. закладывали на долгие десятилетия вперед фундамент российской модели переходной экономики, то за желаемый образец явно или неявно брали американское рыночное хозяйство. Но американская либеральная модель рыночного хозяйства есть наиболее чистое выражение идеологии «протестантской этики» с характерной для нее фигурой «*self-made man*» (в буквальном переводе — «человек, который сделал себя сам») как образца жизнедеятельности и культа «честной наживы». Но в какой степени эти этические нормы совместимы с российской деловой культурой?

Развитие капиталистических отношений в современном российском обществе происходило без соответствующей цивилизованному рынку системы ценностей и определенной духовной мотивации. Более того, специалисты утверждают, что мы наблюдаем сегодня системную деградацию общества в целом, в котором размыты социально-этические нормы, т. е. представление о том, что законно, справедливо и нравственно. Вопрос стоит принципиально: требует ли рыночная экономика этики бизнеса и этических ценностей вообще и совместима ли она с какой-либо этикой, нравственными или другими ценностями?

На Западе развитию капитализма предшествовала «*революция ценностей*», которую блестяще описал Макс Вебер. Он справедливо обосновывал мысль,

что *европейский капитализм* обязан своим происхождением *религиозно-этическому комплексу*, который обеспечивал воспитание таких черт личности, как трудолюбие, бережливость, честность, расчетливость (назвав совокупность таких предписаний «мирским аскетизмом»), без которых практически была невозможна успешная предпринимательская деятельность.

Созданию рыночной экономики в России не предшествовала ценностно-идеологическая работа по продвижению идеи значимости социально ориентированного рынка и свободного, а главное, ответственного труда. До сих пор на практике вместо реального процесса формирования общего культурного фундамента рыночной экономики, национальной идеи, способной сплотить россиян, политиками ведётся примитивная пропаганда чуждых, отторгаемых народом ценностей. Как следствие, социальная атомизация российского общества не преодолена. Причиной развития данной тенденции являются не только материально-экономические трудности, но и, что более важно, отсутствие в обществе общей консолидирующей системы ценностей. Можно сказать, что российское общество до сих пор не смогло оправиться от «травмы» (в терминологии польского учёного П. Штомпки). По мнению П. Штомпки, «конец травмы означает формирование цельной и органичной системы ценностей: норм, правил, символов и убеждений, т.е. новой культуры, в которой будет закодирована новая традиция, предназначенная для передачи новым поколениям. Это означает новую групповую идентичность» [9, с. 488-489]. Но очевидно, что в российском обществе ещё полностью не завершён «реабилитационный период» после «травмы», полученной в 1990-е гг. Новая, объединяющая всех граждан система ценностей до сих пор не создана. Как это отразилось на социальном поведении представителей бизнес-сообщества?

В 1990-е гг. в России большой бизнес активно вмешивался в политику, подчас диктуя свои правила политической игры, используя государство для достижения своих целей. В частности, олигархи с помощью государства перераспределяли активы в свою пользу. Но к концу 1990-х гг., как подчёркивает А. А. Аузан, «когда доходы от промышленных активов стали превышать доходы от возможностей перераспределения, изменилась установка большого бизнеса в области общественного договора. Большой бизнес захотел стабильных правил игры на рынках» [2], тогда как до этого большому бизнесу была важна лишь неприкосновенность его собственности и того общественного порядка, который позволял бы эту собственность реализовывать. Следует отметить, что подобная схема эволюции была описана ещё в 1980-е гг. американскими экономистами МакГиром и Р. Уолсоном. Они создали модель распределительной демократии, в условиях которой группы, возникшие как хищнические, в случае достижения своих целей, начинали менять своё поведение и требовали изменения правил игры, чтобы сохранить достигнутое. В то же время крупные предприниматели научились эффективно использовать рычаги непо-

средственного влияния на государственную власть с целью создания своему бизнесу режима наибольшего благоприятствования. К тому же обычной практикой стало то, что государство и крупный бизнес постоянно перетягивают на себя все сколько-нибудь существенные отношения собственности, отстраняя от дележа все другие заинтересованные и активные группы общества. При этом о необходимости создания благоприятных условий для формирования широкого среднего класса забывают, если это требует вложения значительных ресурсов для его развития.

Кроме того, специфической особенностью бизнеса в современной России, в условиях нестабильности, слабости и уязвимости институционально-правовой матрицы стало появление так называемого «приятельского» бизнеса. Он представляет собой совокупность таких отношений внутри бизнес-сообщества и его взаимодействий с внешним властным полем, при которых, по П. Бурдые, «каждая группа агентов стремится поддерживать своё существование с помощью постоянной работы по установлению привилегированной сети практических связей,...мобилизуемых для ежедневных житейских потребностей» [3, с. 325].

Реализация на практике принципа *равноудалённости* бизнеса от власти, который активно пропагандировал в период своего первого президентства В. В. Путин, по верному замечанию А. В. Алейникова, постепенно трансформировалась в «невозможность реальной управляемости собственными активами без использования административного ресурса, в повышенную рискованность инвестиций при принятии решений вне сложившейся системы реальных отношений по поводу владения и распоряжения собственностью, включающей в себя теневые и силовые компоненты. Таким образом, состояние институтов государственной власти становится главным узким местом развития бизнеса» [1, с. 77]. К тому же декларируемая властью стратегия диверсификации на деле не сопровождалась развитием соответствующей институциональной системы (соответствующих политических и правовых институтов, обеспечивающих эффективность антикоррупционного контроля, способствующих структурированию и признанию обществом ответственного участия бизнеса в экономическом и социально-политическом процессе).

В свою очередь, средний и малый бизнес стал заметным контрагентом во взаимоотношениях с властью уже при президенте В. В. Путине. По мнению ряда исследователей, средний и малый бизнес в России как экономическое явление возник не раньше 1995 г. по причине того, что нестабильная экономическая ситуация в стране не позволяла большинству компаний заглядывать даже на 5-7 лет вперёд и строить долгосрочные планы. К тому же массовое образование отраслевых ассоциаций началось лишь после дефолта 1998 г., в частности, потому, что крайне сложно договариваться в отраслях, где действуют сотни или тысячи участников.

При этом о проблемах развития малого бизнеса в современной России много говорят на разных уровнях. В той или иной форме они практически постоянно поднимаются на многочисленных конференциях представителей малых предприятий и всероссийских съездах предпринимателей, куда приглашаются руководители государственных структур (включая министров и Президента РФ). Однако до сих пор эти вопросы остаются без должного и системного воплощения в жизнь. И это несмотря на то, что в России существуют различные организационные формы государственной поддержки и защиты интересов малого бизнеса. Например, созданы ассоциации, разнообразные фонды развития и поддержки малого предпринимательства. Но сложность в том, что эти многочисленные фонды, как правило, озабочены решением лишь собственных проблем и реальной помощи малым предприятиям не оказывают. Более того, как подчёркивает Г. А. Русинов, начиная «с 1997 г. было принято 5 федеральных комплексных программ государственной поддержки малого предпринимательства в РФ. Аналогичные программы регулярно разрабатываются и принимаются на региональном и муниципальном уровнях. К сожалению, эффективность этих программ оставляет желать лучшего» [7, с. 152]. А последние решения по страховым отчислениям способны и вообще подкосить нормальное развитие этого слоя бизнес-сообщества.

Следует также отметить, что для большинства российских бизнесменов, как констатируют авторы исследовательского проекта ИС РАН, «сугубо *личные*, либо корпоративные интересы в борьбе за ресурсы, фонды и различного рода льготы остаются пока определяющими» [4, с. 131]. Зачастую они не соблюдают никаких правил игры, отбрасывают всё, лишь бы заполучить весь капитал за счёт интересов потребителей или работников. Всё это усиливает социальную напряжённость и углубляет степень недоверия во взаимоотношениях основных субъектов социального партнёрства, тогда как широкая и системная филантропическая деятельность представителей бизнеса в современной России до сих пор является исключением, а не правилом. Как видим, частные интересы российского бизнеса на нынешнем этапе весьма далеки от общественного интереса. В то же время в мире всё более крепнет и «институционально оформляется идея социально-ответственного бизнеса, активно структурирующего социальное пространство в направлении общественного служения» [6, с. 38]. При этом социальная ответственность бизнеса должна пониматься не как средство уменьшения ущерба, наносимого или нанесённого обществу, а как формирование общей системы ценностей общества и бизнеса.

Таким образом, оздоровление институциональной среды деятельности бизнес-сообщества ведет к формированию созидательной основы деловой культуры и наоборот. Поэтому одним из главных направлений развития социальной ответственности бизнеса, на наш взгляд, должно быть разрушение неэквивалентных отношений между ним и властью, сокращение возможностей

для бюрократии по формированию «плавающих ресурсов» (понятие введено Ш. Айзенштадтом), т.е. ресурсов, выведенных из под контроля гражданского общества и мобилизуемых в целях реализации собственных интересов государственного аппарата.

Библиографический список

1. *Алейников А. В.* Генезис бизнеса как социально-политического института в современном российском обществе // *Власть и общество в России: традиции и современность: сб. науч. ст.* Рязань: Академия ФСИН России, 2008. Т. 2.
2. *Аузан А. А.* Общественный договор и гражданское общество // *Мир России.* 2005. Т. 14, № 3.
3. *Бурдые П.* Практический смысл. СПб.; М.: Алетея: Институт эксперимент. социологии, 2001.
4. *Галкин А. А., Красин Ю. А.* Россия на перепутье. Авторитаризм или демократия: варианты развития. М.: Весь мир, 1998.
5. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.
6. *Никовская Л. И., Якимец В. Н.* Роль и место конфликта в развитии межсекторных взаимодействий в России // *Демократия: конфликтность и толерантность.* Воронеж: ВГУ, 2002.
7. *Русинов Г. А.* Власть и малое предпринимательство в России: меж двух законов (1995-2007 гг.) // *Власть и общество в России: традиции и современность: сб. науч. ст.* Рязань: Академия ФСИН России, 2008. Т. 2.
8. *Рывкина Р. В.* Драма перемен. Экономическая социология переходного периода. М.: Дело, 2001.
9. *Штомпка П.* Социология. Анализ современного общества. М.: Логос, 2005.

References

1. *Alejnikov A.V.* Genezis biznesa kak social'no-politicheskogo instituta v sovremennom rossijskom obshhestve // *Vlast' i obshhestvo v Rossii: tradicii i sovremennost': sb. nauch. st.* Rjazan': Akademija FSIN Rossii, 2008. T. 2.
2. *Auzan A.A.* Obshhestvennyj dogovor i grazhdanskoe obshhestvo // *Mir Rossii.* 2005. T. 14, # 3.
3. *Bourdieu P.* Prakticheskij smysl. SPb.; M.: Aletejja: Institut jeksperiment. sociologii, 2001.
4. *Galkin A.A., Krasin Ju.A.* Rossija na pereput'e. Avtoritarizm ili demokratija: varianty razvitija. M.: Ves' mir, 1998.
5. *North D.* Instituty, institucional'nye izmenenija i funkcionirovanie jekonomiki. M.: Fond jekonomicheskoy knigi «Nachala», 1997.
6. *Nikovskaja L.I., Jakimec V.N.* Rol' i mesto konflikta v razvitii mezhsektornyh vzaimodejstvij v Rossii // *Demokratija: konfliktnost' i tolerantnost'.* Voronezh: VGU, 2002.

7. *Rusinov G.A.* Vlast' i maloe predprinimatel'stvo v Rossii: mezh dvuh zakonov (1995–2007 gg.) // Vlast' i obshhestvo v Rossii: tradicii i sovremennost': sb. nauch. st. Rjazan': Akademija FSIN Rossii, 2008. T. 2.
8. *Ryvkina R.V.* Drama peremen. Jekonomicheskaja sociologija perehodnogo perioda. M.: Delo, 2001.
9. *Sztompka P.* Sociologija. Analiz sovremennogo obshhestva. M.: Logos, 2005

ВОЗМОЖНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ СУБЪЕКТНОЙ ПОЗИЦИИ ЛИЧНОСТИ В СВЯЗИ С НАРАСТАЮЩЕЙ ВИРТУАЛИЗАЦИЕЙ ЕЕ БЫТИЯ

З. И. Рябикина, Е. И. Богомолова¹

Проанализированы положительные и отрицательные эффекты изменений личности как субъекта бытия и со-бытия в условиях виртуальной реальности. Рассмотрена направленность активности личности на поддержку собственной идентичности в процессе взаимодействия с Другими в виртуальном пространстве со-бытия, а также типичные способы отношений пользователей с Другими; изучена динамика изменения личности и типы личностей, являющихся пользователями сети Интернет.

Ключевые слова: личность, субъект, бытие, со-бытие, общение, виртуальная реальность, социальная сеть.

Ryabikina Z. I., Bogomolova E. I. The possible changes subject position of the person to the expanding virtualization of its existance

The Internet users were studied — the positive and negative effects of changes of a personality being a subject of existence and co-existence in virtual reality; the activity of a person directed to support its own identity in the process of interaction with the Other one in the virtual space of co-existence as well as the typical ways of relating with the Others; the dynamics of changes of a personality and types personality of the Internet users.

Key words: person, entity, existence, co-existence, communication, virtual reality, social network.

Проблема субъекта в интерпретации личности и ее бытия

Проблема субъекта — одна из краеугольных в гуманитарных науках. Рассуждения об «исчезающем субъекте» только усиливают фундаментальность научных дискуссий о человеке с точки зрения его субъектности, поскольку сама острота прений по вопросу «субъект — не субъект» демонстрирует важность этой проблемы.

В концепции С. А. Рубинштейна человек как субъект введен внутрь, «в состав бытия» и соответственно утверждается, что «с появлением человеческого

¹ Рябикина Зинаида Ивановна — доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии личности и общей психологии Кубанского государственного университета. Эл. почта: ryabikina@manag.kubsu.ru

Богомолова Екатерина Ильинична — аспирант кафедры психологии личности и общей психологии Кубанского государственного университета. Эл. почта: bogomolova_kate@bk.ru

бытия коренным образом преобразуется весь онтологический план». Бытие обретает свое новое качество только «с учетом бытия человека» [13, с. 6-7]. Следуя утверждению А.В. Брушлинского, человек, находясь «на **высшем** ... уровне деятельности, общения, целостности, автономности и т.д.», предстает субъектом бытия [4, с. 21]. В этом качестве личность выступает той силой, которая воплощает в объективной реальности содержание своего внутреннего, субъективного мира, продолжает себя в мир, перестраивая его в соответствии со своими смыслами. Таким образом, в работах А.В. Брушлинского представлена идеология преодоления бессубъектности в рассмотрении бытия. Продолжение себя в мир, переструктурирование личностью пространств своего бытия в соответствии с личностными смыслами и достижение таким образом аутентичного бытия — все эти темы отражают гуманистическую идеологию в психологической интерпретации человека.

Виртуальная реальность — новая реальность бытия современного человека

Сегодня мы говорим о новой реальности, в которой строит свое бытие современный человек. Речь идет о «гиперреальности» (Ж. Бодрийяр), о «киберпространстве» (У. Гибсон), о пространстве симулякров (Ж. Делез, Ж. Бодрийяр), о «виртуализации» общества (Ю.П. Зинченко) и т.д. Новой культуре свойственны технологически новые способы бытия в мире. «Посредством технологий виртуальной реальности человек получает возможность по-новому ощутить бытие», — пишет Ю.П. Зинченко и задается вопросом: «Каким образом такая трансформация может на него повлиять?» [7, с. 246].

В.Е. Лепский и А.Г. Рапуто отмечают, что «с развитием компьютеров и интерактивных сетей Интернет появилось новое измерение человеческого бытия» [11, с. 39]. Пользователи сетей характеризуют свои переживания «как своего рода расширение их интеллекта и индивидуальности, как пространство, которое отражает их вкусы, отношения и пристрастия, которое является расширением психологического внутреннего мира» [11, с. 39].

Как связаны проявления активности личности в online- и offline-пространствах? Есть ли основания опасаться, что online- активность снижает ее субъектную активность в offline? Что происходит и что далее будет происходить с личностью как субъектом бытия? Проблема субъекта в этом ракурсе предстает амбивалентной. В дискуссиях на эту тему, в картинах будущего, о котором мы все грезим, представлены как минусы, так и плюсы.

Возрастание субъектности личности в условиях виртуальной реальности бытия

С одной стороны, выглядит обоснованным утверждение о возрастании субъектности личности. Об этом свидетельствуют: включенность личности

в «цифровую реальность» как энергичного актора, возможность приспособлять технологии интерактивных цифровых сетей к своим нуждам и своей системе ценностей. Конкретный человек, овладев необходимыми для этого знаниями и операциями, создает собственную виртуальную реальность, свой собственный мир, в котором с наибольшей полнотой воплощается картина его внутренней жизни.

Если на предшествовавших исторических этапах бытия человека и человечества внушительная дистанция, которую необходимо было пройти ментальному продукту до его воплощения в реальность, и естественное сопротивление реальности, уже функционирующей по своим законам, обуславливали «затратность» личности, но в результате более органичную итоговую реализацию проекта, то сейчас с меньшими усилиями и в более короткое время доступ к «глобальным воплощениям» своего ментального продукта получили многие. Благодаря технологиям виртуальной реальности ментальная конструкция отдельного человека потенциально более субъектна и отдельный человек — потенциально более активный агент воздействия на структурирование событий. Виртуальная реальность, созданная чьим-то индивидуальным сознанием, может обуславливать бытие многих людей.

Потеря субъектной позиции личности в условиях виртуальной реальности бытия

С другой стороны, в футуристических прогнозах, в художественном изображении будущего преобладают мрачные сцены распада человеческой личности из-за потери субъектной позиции. Именно такого плана художественные проекты («Терминатор», «Матрица», «Нейромант» и т.д.) будоражат сознание зрителей и читателей своей апокалиптичностью. Страх потерять возможность быть субъектом своего бытия угнетает.

М. Маклюэн в своих пророчествах писал о слиянии человека с машиной, о киборге как о существе, наделенном двойственной сущностью, т.е. уже *не* человеку и противопоставленном человеку со свойственной ему интенцией аутентичного *его природе* бытия. Эта интенция определяет вектор субъектности человека и не может быть свойственна *природе* киборга.

Ю.П. Зинченко акцентирует другой аспект «смерти субъекта», связывая его со слиянием субъекта и симулякра. Основываясь на теориях Ж. Делеза и Ж. Бодрийяра, он определяет *симулякр* «как знак, обретающий свое собственное бытие, творящий свою реальность» [7, с. 238]. *Пространство симулякров* предстает той самой *виртуальной реальностью*, которая может быть настолько притягательной для человека, что реальный мир с его проблемами и противоречиями уступает симуляции. При этом «исчезает детерминированность поступков, человек делает не то, что должен, а то, что хочет» [12, с. 51]. Таким образом, растворяется ответственность субъекта за то, причиной чего он яв-

ляется. Человек выстраивает в виртуальном пространстве такие отношения с Миром, «при которых Мир подстраивается под субъекта, становится именно таким, чтобы субъекту в нем было легко и удобно» [10, с. 451]. Но это упоительное торжество субъекта иллюзорно, как сама виртуальная реальность, если достигаемое личностью в online не расширяет возможности его бытия в offline.

Направленность субъектной активности личности на поддержку своей идентичности в со-бытии с Другим

Вопрос о том, что побуждает человека к активности в пространстве виртуальной реальности, как именно выглядят структурные и функциональные особенности системы потребностно-мотивационной регуляции деятельности личности в сети, лег в основу многих исследовательских проектов.

На основании многолетнего исследования (1992-1998 гг.) пользователей Интернета, проведенного О. Н. Арестовой, Л. Н. Бабаниным и А. Е. Войскунским, были классифицированы виды мотивов [1, с. 245-246]. Воспользовавшись этой классификацией, а также полученными нами ранее данными контент-анализа, на основании которого была сформулирована схема удовлетворения потребностей личности в социальных сетях [9], можно определить, какие мотивы движут личностью, вовлеченной в такой вид коммуникации. В контент-анализе учитывались мнения пользователей «ВКонтакте.ru» и «Одноклассники.ru», оставленные на тематическом форуме. Всего было проанализировано 416 ответов пользователей. Среди них 176 мужчин, 208 женщин, пол не определен у 32 ответивших.

Результат систематизации ответов с указанием частоты проявления мотивов у пользователей социальных сетей показывает следующее:

- 1) мотив общения (коммуникативный мотив) — 90,6%;
- 2) мотив аффилиации — 46%;
- 3) мотив самоутверждения (нередко в негативном контексте) — 41,5%;
- 4) познавательный мотив — 39,5%;
- 5) мотив самореализации и развития личности — 27,6%;
- 6) корпоративный мотив — 15%;
- 7) мотив рекреации, игровой мотив — 4%;
- 8) деловой мотив — 0,3%.

Таким образом, три первые позиции в представленном списке занимают (и поэтому могут рассматриваться в качестве основных побудителей активности личности в виртуальном пространстве социальных сетей) *мотивы общения, аффилиации и самоутверждения*. Это свидетельствует о том, что общение в социальных сетях позволяет решить актуальные для личности вопросы коммуникации, причастности к значимым группам и принятия их членами, расширения представлений о мире и становления субъектности личности.

Что обуславливает повышенный интерес личности к общению в виртуальном пространстве бытия?

Опираясь на достижения психологии субъекта (А.В. Брушлинский и др.), психологии человеческого бытия (В.В. Знаков и др.), субъектно-бытийного подхода к личности (З.И. Рябикина и др.), диалогической ориентации в рассмотрении личности, Г.Г. Танасов предложил теоретическую конструкцию *субъектной активности личности, обусловленной ее ориентацией на поддержку своей идентичности в со-бытии с Другим*. Другой человек всегда важен для личности как актер, способный подтвердить ее идентичность и таким образом продолжить ее бытийность в том качестве, в котором личность видит (самопонимает) себя, или «прервать» ее бытийность в этом качестве [16-18].

Можно предположить, что возможность получить необходимое личности *подтверждение своей идентичности* в отношениях с Другим достигается более успешно в условиях виртуального общения. Желаемое личностью продолжение своего бытия в субъективный мир Другого («персонализация» — В.А. Петровский) оказывается легче реализуемым в виртуальном со-бытии интернет-коммуникации.

Динамика изменений личности пользователя Интернета

Остановимся на последовательности событий, характеризующих то, что происходило с возможностями, предлагаемыми Интернетом своим пользователям. Все начиналось с безликого обмена данными, который производился из единственного места хранения на сайты по всему миру. Позже появилась личная электронная почта, которая ярче отражала человека (персону) в сети. Вскоре и эти рамки стали слишком узки — у человека появилась потребность заявлять о себе. Эта потребность привела к созданию личных сайтов, чатов, форумов, блогов. С каждым новым шагом пользователь приближался ко все более полной возможности выразить свое уникальное Я в сети Интернет.

В чатах, программных месенджерах (ICQ), на форумах пользователи применяли в качестве самоидентификации «ники» (вымышленные имена). Появление блогов также началось с весьма осязаемого присутствия страниц, чьи хозяева были анонимны. Параллельно в практику вошла двойная жизнь, когда человек вел два блага: один, где его личность была известна, другой — под маской. Пользователи меняют имена, образы, играют с возрастными и полами, исследуя новые границы своего виртуального Я [3, с. 10-11]. В Интернете люди создают себе некие виртуальные личности, в связи с чем возникает вопрос о том, как соотносится реальное Я с виртуальными прототипами и где границы между самопрезентацией, симуляцией и самоактуализацией в этих играх с идентичностью [6].

Постепенно заигрывание с собственной идентичностью и ведение сразу нескольких жизней в сети становилось все менее распространенным, так как подобное фрагментированное бытие личности с жестким разделением на вымыш-

ленное и реальное (т.е. в online и в offline) для деятельной натуры, активного субъекта своего реального бытия не конструктивно. Активный субъект бытия использует online как инструмент и дополнительный ресурс для решения своих проблем в offline-бытии. Это привело к появлению на виртуальной сцене социальных сетей, идея изначально заключалась в предъявлении реальной личности во всемирной паутине, которая была бы узнаваема для окружения offline и с которой могут познакомиться незнакомые люди. Данная идея была активно поддержана «жителями» мировой сети. Несомненно, остаются те, кто не желает афишировать в сети свои личные данные, но по сравнению с ситуацией десятилетней давности их количество составляет значительное меньшинство.

Тем не менее одним из наиболее привлекательных аспектов бытия личности в виртуальной реальности остается возможность создания личностью желательного впечатления о себе, дозированного самораскрытия и конструирования образа по своему выбору (А. Г. Асмолов, Г. А. Асмолов, Ю. М. Кузнецова и др.), способность манипулировать создаваемой идентичностью [21].

Развитие технических возможностей виртуального (компьютерного) пространства связано с удовлетворением запросов пользователей. По мнению Джона Барлоу, эти интересы прежде всего ориентируют на максимальное приближение процесса общения в социальных сетях к естественному (в реальном пространстве бытия личности): видеть лицо собеседника, отображать партнера в трех измерениях и пр. [20]. Но это только внешняя (техническая) сторона динамики. Она усиливает иллюзию достоверности в том, каким предстает партнер по общению в виртуальной реальности, но не гарантирует эту достоверность, так как партнер может реализовать свою субъектность в коммуникации с нами именно в том мастерстве и усердии, с которыми он создает свой имидж. А его ложная самоидентификация поддерживается в виртуальном общении, поскольку он режиссирует свои контакты, оставаясь главным субъектом в виртуальном отношении с партнером, доступными ему манипуляциями снижает субъектность партнера, уклоняясь от самой возможности понимания его партнером. Называя себя в сетевом общении своим именем, человек не теряет возможности манипулировать в области самоидентификации, прибегая при этом к различным стратегиям и тактикам самопредъявления.

Соотношение субъектности своего и ожидаемого от партнера поведения у пользователей виртуальных социальных сетей

С целью выявления особенностей направлений межличностного поведения пользователей социальных сетей и характера их межличностной ориентации было предпринято исследование, в котором использовалась авторская анкета «Отношение юношей и девушек к общению с помощью виртуальных социальных сетей» (Е. И. Косивченко), а также методика FIRO-B, разработан-

ная У. Шутцем (в адаптации А. А. Рукавишникова «Опросник межличностных отношений») [5].

Данный опросник предназначен для оценки поведения человека в трех основных областях межличностных потребностей:

1) включения (I) — потребность в создании и поддержании удовлетворительных взаимоотношений с другими людьми;

2) контроля (C) — потребность в контролировании характера и особенностей отношений с другими;

3) аффекта (A) — потребность создавать и поддерживать удовлетворительные отношения с другими людьми, опираясь на любовь и близкие эмоциональные контакты.

Внутри каждой области принимают во внимание два направления межличностного поведения:

— *выраженное поведение индивида (e)* — мнение индивида об интенсивности собственного поведения в данной области;

— *поведение, требуемое и ожидание индивидом от окружающих (w)*, с той интенсивностью, которая является оптимальной для него.

Таким образом, ответы оцениваются по шести шкалам:

Ie — выраженное поведение индивида в области включения;

Iw — требуемое поведение в области включения;

Ce — выраженное поведение индивида в области контроля;

Cw — ожидаемое от других поведение в области контроля;

Ae — выраженное поведение личности в области аффекта;

Aw — требуемое поведение в области аффекта.

На основе этих шкал составляется характеристика особенностей межличностного поведения испытуемых.

В исследовании приняли участие 70 чел. в возрасте от 19 до 25 лет, из них 25 юношей и 45 девушек. Для обработки результатов выборка была разделена на две группы в соответствии с полом испытуемых: *мужчины в возрасте 19-25 лет* (средний возраст группы — 20,3 года); *женщины в возрасте 19-24 лет* (средний возраст группы — 19,3 года).

Обе группы дали статистически значимые различия (использовался t-критерий Стьюдента) результатов и высокие средние показатели по шкале выраженности своего поведения в области *включения* (Ie) и низкие по шкале требуемого от партнера поведения в области *включения* (Iw): *юноши* (Ie) — $t = 5,16$, (Iw) — $t = 4,16$; *девушки* (Ie) — $t = 5,13$, (Iw) — $t = 4,13$. Различия значимы как у юношей ($p < 0,005$), так и у девушек ($p < 0,001$). Полученные данные свидетельствуют о том, что девушки и юноши стремятся к вовлеченности

и причастности к чужой жизни, видят себя в этой активности субъектами и снижают встречную субъектность со стороны партнера по общению. Они в меньшей степени ожидают вовлекающей в отношения активности со стороны своего окружения, предпочитая самостоятельно выбирать партнеров для создания и поддержания психологически приемлемых отношений, а также иметь возможность по собственному желанию эти отношения прерывать.

По шкалам выраженности собственного поведения в области *контроля* (Ce) и требуемого от партнера поведения в области *контроля* (Cw) группа юношей дала показатели ниже чем группа девушек: *юноши* (Ce) — $t = 5,12$, *девушки* (Ce) — $t = 5,73$. Это можно интерпретировать как более выраженное желание контроля над отношениями в виртуальном пространстве со стороны девушек.

Сравнение показателей по шкале контроля между тем, к чему в отношениях стремится сам актер (Ce) и каких проявлений ждет от своего виртуального партнера (Cw), основывается на следующих средних данных: *юноши* (Ce) — $t = 5,12$, (Cw) — $t = 3,32$; *девушки* (Ce) — $t = 5,73$, (Cw) — $t = 3,53$. Значимость различий по шкалам Ce — Cw в группе юношей ($p < 0,01$) больше, чем в группе девушек ($p < 0,0005$). Полученные данные свидетельствуют о том, что девушки и юноши стремятся к контролю отношений в общении, видят себя в большей степени субъектами в этой активности, чем предполагают ее у партнера.

В области собственного выраженного (Ae) и требуемого от партнера (Aw) поведения в области *аффекта* исследуемые группы дали следующие результаты: *юноши* (Ae) — $t = 2,96$, (Aw) — $t = 4,48$; *девушки* (Ae) — $t = 3,75$, (Aw) — $t = 4,53$. Как у девушек, так и у юношей обнаружены статистически значимые различия по рассматриваемой паре шкал ($p < 0,05$). При этом у девушек собственная направленность на проявления аффективности в общении выше, чем у юношей, т.е. они в большей мере готовы проявлять в общении симпатию, чувства по отношению к партнеру. То, что отличает результаты по шкале аффекта от результатов двух предшествующих шкал (включение и контроль), — это готовность делегировать большую субъектность партнерам по коммуникации и собственная сниженная субъектность по этому параметру.

Таким образом, и девушки, и юноши высоко ориентированы на проявления субъектности в области *включения* и *контроля* в виртуальной коммуникации и занимают асубъектную позицию в области аффекта, проявлений любви, симпатии, приятия, ожидая субъектной позиции в этом случае от партнера. Именно возможность быть субъектом за двоих (за себя и за партнера по виртуальной коммуникации) в области *включения* и *контроля* делает более достижимой возможность получить необходимое личности *подтверждение своей идентичности* в отношениях с Другим, а также достичь уверенности в том, что удалось продолжить свое бытие в субъективный мир Другого (персонализироваться).

Интернет — это механизм, в котором заложена опасная возможность замены общения и сообщества с диалогической структурой общения сообществом, где такая структура факультативна и произвольно избирательна [8; 12]. В. В. Миронов называет это общением личности со своим зеркальным отображением, «царством мертвой тождественности» [12]. В виртуальных отношениях социальных сетей расширяется псевдокультурное поле общения, диалог в котором осуществляется по принципу совпадающих или почти совпадающих смысловых структур с «Другим как Я». Происходит снятие естественных в общении с другим человеком *противоречий*, которые, возникая и разрешаясь в диалоге с Другим, обеспечивают развитие смысловой сферы личности, ее личностный рост [14]. Таким образом, *виртуализация отношений личности таит опасность симуляции ее субъектности или искажения субъектной ориентированности из-за отсутствия истинного диалога с Другим*.

Тип личности пользователя социальных сетей

Многие авторы неоднократно отмечали *неоднозначность влияния интернет-общения на изменения личности*. Например, нередко в исследованиях фиксируется возникающая у личности зависимость от сети, торможение динамики и затрудненность реального вербального общения, но одновременно исследователи пишут и о том, что интернет-общение дает возможность позитивного развития некоторых особенностей личности и Я-концепции [19]. «Игры с идентичностью», обусловленные уже отмеченным ранее свойством Интернета — анонимностью, а также пространственно-временной неограниченностью коммуникации, предоставляют пользователям новые обширные возможности упрощенного и гибкого формирования и перекраивания образа Я [2].

Ранее ученые выделяли проблемы личности, выступающие предпосылками к общению посредством Интернета:

– *недостаточная насыщенность реального общения* (пользователь с помощью виртуального взаимодействия заполняет некоторое пустующее пространство в общении и наполняет его недостающими возможностями);

– *возможность реализации качеств личности, переживания эмоций и проигрывания ролей, фрустрированных в реальной жизни* (сеть дает для реализации этих потребностей большие возможности: анонимность, ненормативность, слабая ограниченность, безнаказанность).

Исходя из этого, ученые делали вывод: к виртуальному общению чаще склонны люди, не уверенные в себе, испытывающие сложности в близком общении и самораскрытии, неудовлетворенные собой (своей внешностью, физическим Я), склонные к установлению дистанций между собой и другими [19]. Эти выводы в некоторой степени говорят о личностном неблагополучии пользователей интернет-среды. Однако социальная сеть — сфера абсолютно новая и отличная от ранее существовавших способов виртуального общения

Акцентуированные черты личности пользователей и непользователей социальных сетей (методика К. Леонгарда), %

Показатели	Гипертимность	Демонстративность	Эмотивность	Экзальтированность	Циклолидность	Педаантичность	Возбудимость	Неуравновешенность	Тревожность	Дистимность
Пользователи социальных сетей	26	24	18	9	9	9	3	2	0	0
Непользователи социальных сетей	25	8	42	0	0	17	0	0	8	0

(форумы, чаты и т.д.), и есть основания предполагать, что населяет ее *иной тип пользователей*.

С целью выделения психологических особенностей, свойственных активному пользователю социальных сетей и отличающих его от человека, не одобряющего такой способ общения, было проведено исследование среди студенток Кубанского госуниверситета. В исследовании приняли участие 42 девушки и женщины от 19 до 40 лет (средний возраст — 27 лет).

В задачи исследования входил анализ особенностей личности активного пользователя социальной сети. В работе использовался характерологический опросник К. Леонгарда с целью распознавания черт характера пользователя и тест Райдаса, позволяющий измерить степень уверенности в себе у пользователей и непользователей социальных сетей.

На основании анкетного опроса группа респондентов была разделена на пользователей и непользователей социальных сетей. Проведенный анализ типов акцентуаций характеров по итогам методики К. Леонгарда позволил выделить преобладающие отличия психологических особенностей этих групп респондентов (см. таблицу).

Наиболее выраженными отличиями пользователей социальных сетей от непользователей стали демонстративность и эмотивность.

Демонстративность — сложная, многоплановая характеристика, в большей степени свойственная пользователям социальных сетей, чем непользователям. Демонстранты стремятся казаться значительнее, чем есть на самом деле, испытывают жажду восхищения, часто провокационны, эгоцентричны. Их отличает высокий уровень эмоциональной нестабильности, склонности к смене настроения, его неустойчивости. Они в большей степени, чем непользователи

ориентированы на яркое и увлекательное внешнее взаимодействие, активное самопозиционирование в сети, на которое ждут отклик интернет-общественности. В то же время они отстраняются от фактов и живут в мире, где основной валютой являются эмоции и переживания, в чем им активно способствуют социальные сети. Это может говорить о том, что демонстранты хорошо адаптируются в новых социумах, однако часто меняют свои роли, задачи в социуме и оценки других людей. Это в более или менее длительной перспективе может приводить к нарушениям стабильности социальных контактов, к дезадаптации и потере истинной субъектности личности.

В отличие от них, непользователи духовно более чуткие и впечатлительные люди (параметр эмотивности), им в большей степени свойственна склонность к страхам и комплексам, проявляющимся в излишней аккуратности и дотошности, они с большими затруднениями взаимодействуют с окружающими, сложнее находят с ними общий язык, зажатые и соответственно менее общительны.

С помощью теста Райдаса в обеих группах респондентов было проведено исследование уверенности в себе. Исходя из полученных результатов, активных пользователей социальных сетей можно отнести к категории «уверен в себе» (со средним значением 73,2). Респонденты, не являющиеся пользователями социальных сетей, оказались в категории «средней степени уверенности» (со средним значением 60,8). Эти данные подтверждают выводы, полученные нами ранее. Пользователи социальных сетей отличаются сильными проявлениями целеустремленности и напористости, самостоятельности и рискованности принимаемых решений, активным восприятием действительности, принятием себя такими, какие они есть, стремлением быть активным творцом собственной действительности и поиску в ней своего места. С помощью взаимодействия в социальной сети пользователи пытаются самостоятельно конструировать и корректировать свой образ Я как на виртуальном, так и на реальном уровне, перенося его из поля online в offline-бытие, тем самым наращивая свою субъектную позицию.

Результаты проведенной работы в области интернет-общения можно сопоставить с результатами, полученными ранее Н. В. Чудовой, А. Е. Войскунским, и сделать вывод, что сфера виртуального общения неоднородна. Социальные сети — новая ячейка online-общения, и ее составляют *иные пользователи, отличные от пользователей чатов или форумов*. Они не испытывают сложностей с восприятием своего реального и физического Я, открыты и готовы к общению, что в меньшей степени свойственно людям, отвергающим такой тип коммуникации.

Заключение

Итак, в качестве основных побудителей активности личности в виртуальном пространстве социальных сетей выступают мотивы общения, аффилиа-

ции и самоутверждения. Это связано, в частности, с обусловленностью субъектной активности личности ее ориентацией на поддержку своей идентичности в со-бытии с Другим. Возможность быть субъектом за двоих (за себя и за партнера по виртуальной коммуникации) в области включения и контроля делает более достижимым необходимое личности подтверждение своей идентичности в отношениях с партнером по виртуальной коммуникации, а также уверенности в том, что удалось продолжить свое бытие в субъективный мир Другого (персонализироваться). При этом виртуализация отношений личности таит опасность симуляции ее субъектности или искажения субъектной ориентированности из-за отсутствия истинного диалога с Другим.

Социальная сеть как новое пространство виртуального бытия личности, отличающееся от ранее существовавших способов виртуального общения (форумы, чаты и т.д.), населяется новым типом пользователей. Наиболее выраженными отличиями пользователей социальных сетей от непользователей являются демонстративность, экзальтированность, циклотимия.

Таким образом, осуществленные нами исследования, а также анализ исследований, выполненных другими авторами, показывают, что интернет-общение, или так называемая жизнь личности в виртуальном пространстве, влияет на ее статус субъекта бытия. Эта жизнь может органично сочетаться с жизнью в offline, создавая дополнительную ресурсность, предлагая информацию, способы и операции, совершенствующие бытие личности, повышающие возможность ее самореализации и достижения аутентичности. Но возникают и опасности «зависания» личности в виртуальном пространстве online, сегрегация отдельного аспекта бытия (виртуальное бытие), когда общение в виртуальном пространстве из инструмента, средства, расширяющего возможности реальной жизни личности, превращается в ненасыщаемую (у Шутца — «extensial») самодовлеющую потребность, подчиняющую человека, делающую его зависимым от новых гаджетов, компьютерных программ, сформированных им в виртуальном пространстве фальшивых самоидентификаций, поддерживаемых виртуальными партнерами компьютерной коммуникации. Таким образом, в первом случае субъектная, а во втором случае *ложно-субъектная* позиция личности в виртуальном пространстве бытия обуславливают ее реальное бытие, его полноценность или выхолощенность (вторичность в сравнении с online-бытием).

Библиографический список

1. Арестова О. Н., Бабанин Л. Н., Войскунский А. Е. Психологическое исследование мотивации пользователей интернета // Вторая Российская конференция по экологической психологии: тезисы. М.: Экопсицентр РОСС, 2000.
2. Арестова О. Н., Бабанин Л. Н., Войскунский А. Е. Коммуникация в компьютерных сетях: психологические детерминанты и последствия // Вестник МГУ. Сер. 14. 1996. Вып. 4.

3. *Асмолов А. Г., Асмолов Г. А.* От Мы-медиа к Я-медиа: трансформация идентичности в виртуальном мире // Вопросы психологии. 2009. №3.
4. *Брушлинский А. В.* Психология субъекта. СПб.: Алетейя, 2003.
5. Диагностика межличностных отношений (А. А. Рукавишников) // Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Изд-во Института психотерапии, 2002.
6. *Жичкина А. Е.* Социально-психологические аспекты общения в Интернете. URL: <http://flogiston.ru/articles/netpsy/refinf>
7. *Зинченко Ю. П.* Виртуализация реальности: от психологического инструментария к новой субкультуре // Человек как субъект и объект медиапсихологии. М.: Изд-во МГУ, 2011.
8. *Кнабе Г.* Принцип индивидуальности, постмодерн и альтернативный ему образ философии. URL: www.russ.ru/edu/99-05-24/knabe.html
9. *Косивченко Е. И.* Реализация человеческих потребностей в сфере виртуальных социальных сетей (на основе контент-анализа мнений пользователей Рунета) // Человек. Сообщество. Управление: взгляд молодого исследователя. Психология: материалы XI Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар: КубГУ, 2011.
10. *Кузнецова Ю. М.* Картина мира и современные технологии: «легкость бытия» в Интернете // Человек как субъект и объект медиапсихологии. М.: Изд-во МГУ, 2011.
11. *Ленский В. Е., Рапуто А. Г.* Моделирование и поддержка сообществ в Интернете. М.: ИП РАН, 1999.
12. *Мионов В. В.* Глобальное коммуникационное пространство как фактор трансформации культуры // Человек как субъект и объект медиапсихологии. М.: Изд-во МГУ, 2011.
13. *Рубинштейн С. А.* Человек и мир. М.: Наука, 1997.
14. *Рябикина З. И.* Субъектно-бытийный подход к изучению развивающих личность противоречий // Психологический журнал. 2008. Т. 29, № 2.
15. *Рябикина З. И., Сомова Е. Г.* Личность и ее самоактуализация в общении // Мир психологии. 2001. № 3.
16. *Рябикина З. И., Танасов Г. Г.* Субъектно-бытийный подход к личности и анализу ее со-бытия с Другими (конструктивная версия постмодернистских «настроений») // Человек. Сообщество. Управление. 2010. № 2.
17. *Танасов Г. Г.* Личность в переговорах: субъектно-бытийный подход: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Краснодар, 2012.
18. *Танасов Г. Г.* Личность в переговорном процессе: дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2002.
19. *Чудова Н. В.* Особенности образа «Я» жителя Интернета // Психологический журнал. 2002. № 1.
20. *Barlow J.P.* Is there a there in cyberspase? URL: <http://www.utne.com/lens/cs/11csbarlow.html>
21. *Foster D.* Can We Have Communities in (Cyber) Space? Carleton University Working Papers in Communication Technology and Culture, 1995.

References

1. *Arestova O.N., Babanin L.N., Vojskunskij A.E.* Psihologicheskoe issledovanie motivacii pol'zovatelej interneta // Vtoraja Rossijskaja konferencija po jekologicheskoi psihologii: tezisy. M.: Jekopsicentr ROSS, 2000.
2. *Arestova O.N., Babanin L.N., Vojskunskij A.E.* Kommunikacija v komp'juternyh setjah: psihologicheskie determinanty i posledstvija // Vestnik MGU. Ser. 14. 1996. Vyp. 4.
3. *Asmolov A.G., Asmolov G.A.* Ot My-media k Ja-media: transformacija identichnosti v virtual'nom mire // Voprosy psihologii. 2009. #3.
4. *Brushlinskij A.V.* Psihologija sub»ekta. SPb.: Aletejja, 2003.
5. Diagnostika mezhlíčnostnyh otnoshenij (A.A. Rukavishnikov) // Social'no-psihologicheskaja diagnostika razvitija lichnosti i malyh grupp. M.: Izd-vo Instituta psihoterapii, 2002.
6. *Zhichkina A.E.* Social'no-psihologicheskie aspekty obshhenija v Internete. URL: <http://flogiston.ru/articles/netpsy/refinf>
7. *Zinchenko Ju.P.* Virtualizacija real'nosti: ot psihologicheskogo instrumentarija k novoi subkul'ture // Chelovek kak sub»ekt i ob»ekt mediapsihologii. M.: Izd-vo MGU, 2011.
8. *Knabe G.* Princip individual'nosti, postmodern i al'ternativnyj emu obraz filosofii. URL: www.russ.ru/edu/99-05-24/knabe.html
9. *Kosivchenko E.I.* Realizacija chelovecheskih potrebnostej v sfere virtual'nyh social'nyh setej (na osnove kontent-analiza mnenij pol'zovatelej Runeta) // Chelovek. Soobshhestvo. Upravlenie: vzgljad molodogo issledovatelja. Psihologija: materialy HI Vseros. nauch.-prakt. konf. Krasnodar: KubGU, 2011.
10. *Kuznecova Ju.M.* Kartina mira i sovremennye tehnologii: «legkost' bytija» v Internete // Chelovek kak sub»ekt i ob»ekt mediapsihologii. M.: Izd-vo MGU, 2011.
11. *Lepskij V.E., Raputo A.G.* Modelirovanie i podderzhka soobshhestv v Internete. M.: IP RAN, 1999.
12. *Mironov V.V.* Global'noe kommunikacionnoe prostranstvo kak faktor transformacii kul'tury // Chelovek kak sub»ekt i ob»ekt mediapsihologii. M.: Izd-vo MGU, 2011.
13. *Rubinshtejn S.L.* Chelovek i mir. M.: Nauka, 1997.
14. *Rjabikina Z.I.* Sub»ektno-bytijnyj podhod k izucheniju razvivajushhijh lichnost' protivorechij // Psihologicheskij zhurnal. 2008. T. 29, # 2.
15. *Rjabikina Z.I., Somova E.G.* Lichnost' i ee samoaktualizacija v obshhenii // Mir psihologii. 2001. # 3.
16. *Rjabikina Z.I., Tanasov G.G.* Sub»ektno-bytijnyj podhod k lichnosti i analizu ee so-bytija s Drugimi (konstruktivnaja versija postmodernistskih «nastroenij») // Chelovek. Soobshhestvo. Upravlenie. 2010. # 2.
17. *Tanasov G.G.* Lichnost' v peregovorah: sub»ektno-bytijnyj podhod: avtoref. dis. ... d-ra psihol. nauk. Krasnodar, 2012.
18. *Tanasov G.G.* Lichnost' v peregovornom processe: dis. ... kand. psihol. nauk. Krasnodar, 2002.
19. *Chudova N.V.* Osobennosti obraza «Ja» zhitelja Interneta // Psihologicheskij zhurnal. 2002. # 1.

20. *Barlow J.P.*, Is there a there in cyberspace? URL: <http://www.utne.com/lens/cs/11csbarlow.html>
21. *Foster D.* Can We Have Communities in (Cyber) Space? Carleton University Working Papers in Communication Technology and Culture, 1995.

ВЗАИМОСВЯЗЬ СМЫСЛОЖИЗНЕННЫХ ОРИЕНТАЦИЙ И ПЕРФЕКЦИОНИЗМА В СТРУКТУРЕ ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ СУБЪЕКТА ПОМОГАЮЩИХ ПРОФЕССИЙ

.....

В. А. Бордовский¹

В статье рассматриваются результаты исследования смысложизненных ориентаций и уровня перфекционизма в группах врачей, социальных работников и медицинских сестер. Обосновывается возможность выявления общих феноменологических проявлений личностных качеств субъектов помогающих профессий, их возможного влияния на образ значимого другого как компонента психических регуляторов труда.

Ключевые слова: смысложизненные ориентации; перфекционизм; значимый другой; помогающие профессии; модель личности специалиста.

Bordovskiy V.A. The relationship the meaning of life orientations and perfection at the personal features structure of subject in help-professions

In the article the results of research life orientations and level of perfectionism in the groups doctors, social workers and nurses. The possibility identifying general phenomenological expressions personal qualities of subjects helping professions, their possible impact on the image of the «significant other» as a part of psychic work controls.

Key words: the purpose in life, perfectionism, significant other, helping professions, professional model of personality.

Проблема состояния социальной сферы общества является одной из приоритетных в стратегии развития страны [13]. Улучшение качества предоставляемых услуг требует комплексного подхода с позиций, предполагающих не только изменения внешних показателей, но и существенные содержательные сдвиги. В череде изменений, происходящих в последнее время в сфере социальных услуг, нередко из виду уходит сам человек, выступающий субъектом данных видов профессионального труда. За последнее время в работах отечественных психологов исследованы различные субъектно-деятельностные аспекты социономических профессий. В трудах А.К. Марковой, Л.М. Митиной, Т.В. Форманюк и др. рассматриваются внутренние (психологические) и внеш-

¹ Бордовский Владимир Александрович – аспирант кафедры управления персоналом и организационной психологии Кубанского государственного университета. Эл. почта: vbordovsky@gmail.com

ние (деятельностные) условия профессиональной успешности педагога, риски развития профессиональных деформаций и дезадаптаций [10; 11; 14].

В работах М.М. Абдуллаевой, Т.В. Большаковой, А.А. Чазовой, Б.А. Ясько прослежены психологические закономерности включенности личности в медицинскую деятельность, введено понятие психологической модели личности врача-клинициста, рассмотрены деятельностные, социальные, личностные детерминанты и организационные факторы профессиональной адаптации и риски формирования психического выгорания у медицинских работников [1; 3; 15; 16].

В исследованиях Т.С. Базаровой, Е.Н. Касаркиной, Е.К. Кардовской, Г.Д. Кузнецова, О.В. Плешаковой изучены различные социально-психологические, психолого-педагогические, деятельностные детерминации становления личности социального работника в современной России [2; 6; 7; 8; 12].

Вместе с тем анализ научных источников показывает, что в психологии еще недостаточно раскрыт вопрос о личностных качествах, формирующих у субъекта внутреннюю потребность быть профессионалом в помогающих видах труда, иными словами, *быть значимым для других*. Феномен «значимый другой» давно получил признание в возрастной и педагогической психологии. Он рассматривается как реализуемая социальная потребность личности иметь в ближайшем кругу человека, выступающего в образе объекта идентификации. Для человека значимый другой — это тот, кто поддержит в трудную минуту, на кого можно всегда положиться, советам которого можно доверять. Он — сочувствующий, сопереживающий, содействующий. Этими качествами мы наделяем профессионалов помогающих видов труда, считаем их профессионально важными, безусловными психологическими свойствами педагога, врача, социального работника, священнослужителя и других представителей социэкономической сферы. Однако до сих пор нет ответа на вопросы, какими психологическими составляющими структурируется личностное психическое образование «значимый другой», является ли обладание этим психическим образованием внутренней потребностью человека, выбирающего социэкономическую профессию, какова его содержательная психологическая детерминация.

Цель нашего исследования является — анализ специфики взаимосвязей смысложизненных ориентаций и перфекционизма в структуре личностных особенностей субъекта помогающих профессий.

В ходе исследования решались следующие задачи:

- 1) установить специфику смысложизненных ориентаций личности, занятой в сфере помогающих профессий;
- 2) выявить особенности проявления перфекционизма у представителей данных профессиональных сообществ;
- 3) проанализировать особенности взаимосвязей подвидов перфекционизма и факторов, определяющих конфигурацию и структуру смысложизненных ориентаций субъекта.

Организация и методы исследования

Эмпирическое исследование проведено в группах медицинских сестер (35 чел.), врачей (18 чел.) и социальных работников (21 чел.) г. Краснодара (всего 74 чел.). Средний возраст по выборке составил 39 лет. В группах медицинских сестер и социальных работников все респонденты — женщины, что отражает половую специфику данной профессиональной среды, а в группу врачей вошли преимущественно мужчины (16 чел., или 88,8%).

В исследовании были использованы Тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева [9] и методика выявления уровня перфекционизма П. Хьюитта и Г. Флетта [5].

Тест СЖО позволяет выявить степень выраженности следующих ориентаций: 1) цели в жизни; 2) процесс жизни или интерес и эмоциональная насыщенность жизни; 3) удовлетворенность самореализацией; 4) локус контроля-Я; 5) локус контроля-жизнь или управляемость жизни; 6) осмысленность жизни. Автор методики предлагает нормативные показатели уровней выраженности показателей каждой из субшкал для мужской и женской выборок [9]. Они использовались в дальнейшем для сравнения с полученными в процессе исследования показателями.

Методика выявления уровня перфекционизма позволяет определить 4 показателя: 1) перфекционизм, ориентированный на себя (ПОС); 2) перфекционизм, ориентированный на других (ПОД); 3) социально предписанный перфекционизм (СПП); 4) общий уровень перфекционизма (ОУП). Также в методике предусмотрены три уровня выраженности с интервалом баллов по всем субшкалам. Полученные среднегрупповые результаты сравнивались со значениями, представленными авторами методики, и распределялись по соответствующим уровням.

Результаты и их обсуждение

Анализ смысложизненных ориентаций (табл. 1) показал, что средние значения, полученные в группе врачей, выше нормативных показателей по четырем из пяти субшкал. В частности, врачи прекрасно осознают цели жизни ($M = 39,83$), ориентированы не только на результат ($M = 31,83$), но и на процесс ($M = 39$). Личностной характеристикой врачей являются высокий локус контроля «Я», что свидетельствует о преобладании в самосознании личности уверенности в умении влиять на ход собственной жизни ($M = 24,67$), а также убежденность в том, что человеку дано контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и воплощать их в жизнь ($M = 32,5$).

Результаты, полученные в группе медицинских сестер, можно охарактеризовать как среднепопуляционные, поскольку по четырем из пяти субшкал их показатели не отличаются от нормативных, приводимых автором мето-

Таблица 1

Показатели смысложизненных ориентаций ($M \pm \sigma$) и различия между группами испытуемых (t-критерий Стьюдента)

Выборки	Шкалы СЖО				
	Цели в жизни	Процесс жизни	Удовлетворённость само-реализацией	Локус контроля — Я	Локус контроля — жизнь
Мед. сестры	27,74±8,03	27,6±6,78	21,94±6,15	18,14±4,29	24,71±7,94
Врачи	39,83±3,49	39±2,3	31,83±2,26	24,67±2,77	32,5±5,37
Соц. работники	34,29±8,37	25,43±8,93	25,29±7,26	19,29±7,22	28,71±10,63
Различия с нормативными показателями (t-критерий Стьюдента)					
Мед. сестры	1,163	0,979	1,240	0,585	2,830**
Врачи	7,508***	12,655***	3,393**	5,004***	1,774
Соц. работники	2,602**	-1,688	1,227	0,430	0,004
Различия между группами (t-критерий Стьюдента)					
Мед. сестры ↔ врачи	7,618***	8,992***	8,467***	6,692***	4,223***
Врачи ↔ соц. работники	2,766**	6,709***	3,913***	3,155**	1,434
Соц. работники ↔ мед. сестры	2,878**	-0,960	1,768	0,663	1,493

Примечание: * — $p < 0,05$; ** — $p < 0,01$; *** — $p < 0,001$.

дики. Исключение составляет шкала «Локус контроля — жизнь»: у медицинских сестер преобладает убежденность в том, что жизнь человека неподвластна сознательному контролю, что человеку мало дано контролировать свою жизнь. Отражающие такую жизненную позицию диагностические данные ($M = 24,71 \pm 7,94$) достоверно ниже популяционных для женской выборки (t-критерий Стьюдента равен 2,830).

Социальные работники хорошо осознают свои жизненные цели, нацелены на результат, ощущают свободу в своем выборе и чувствуют свою значимость в жизни. Наиболее выраженным компонентом смысложизненных ориентаций для них оказались хорошо осознаваемые жизненные цели, которые придают жизни осмысленность, направленность и временную перспективу ($M = 34,29$, что при $t = 2,602$ достоверно выше нормативных показателей, см. табл. 1).

При выявлении степени различий между группами испытуемых выяснилось, что врачи в сравнении с медицинскими сестрами и социальными работниками имеют более высокие показатели по всем анализируемым компонентам СЖО. Исключение составляет показатель «локус контроля — жизнь», который имеет одинаковую выраженность в среде врачей и социальных работников (см. табл. 1).

Социальные работники в сравнении с медицинскими сестрами значительно более существенное значение придают жизненному целеполаганию, что и отражено в достоверно более высоком среднегрупповом показателе по шкале «Цели» ($M = 34,29$ против $27,74$, $p < 0,01$ при $t = 2,89$).

Полученные результаты подтверждают отмечаемую в научной литературе точку зрения о деятельностной детерминации субъектных качеств медицинских работников [16].

При выявлении уровня перфекционизма установлено, что все респонденты показали высокие баллы по шкале «Перфекционизм, направленный на себя». Данный феномен мы рассматриваем как инвариантный компонент психического образования «Значимый другой» в структуре субъекта помогающих профессий. Наряду с этим требования к окружающим, в частности, к объектам деятельности, и у медицинских сестер, и у врачей значительно ниже, чем к себе. Средне-низкие значения по шкале «Перфекционизм, направленный на других» обнаружили 83,3% врачей (15 чел.) и 23 медицинские сестры (65,7%). Полученные данные свидетельствуют о выраженном сочувствии к людям, оказавшимся в сфере их профессиональной деятельности.

У социальных работников требования и ожидания от объектов своей деятельности завышены: по шкале «Перфекционизм, направленный на других» все респонденты обнаружили высокие (71,4%; 15 чел.) и средние (28,6%; 6 чел.) результаты. Эти данные соответствуют сделанным нами ранее наблюдениям о том, что социальные работники в своей готовности помогать другому ожидают и от него (другого) ответных усилий. Это можно охарактеризовать как «я пытаюсь тебе помочь, я стараюсь, но и ты должен идти мне навстречу, а для этого тебе необходимо сделать кое-что...» [4, с. 130].

Социально предписанный перфекционизм достоверно преобладает в среде медицинских сестер (табл. 2). Врачи значительно более выражено, чем социальные работники, предъявляют требования к себе, а медицинские сестры более выражено, чем врачи, предъявляют завышенные требования к другим. Совокупность этих данных обуславливает превышение показателя общего перфекционизма у медицинских сестер (табл. 3). Большая часть респондентов (71,6%) обнаружила высокий общий уровень перфекционизма. Среди них: 82,9% (29 чел.) медицинских сестер; 66,7% (12 чел.) врачей; 57,1% (12 чел.) социальных работников.

Корреляционный анализ показал наличие взаимосвязей показателей перфекционизма и смысловых ориентаций в разных группах респондентов (табл. 3).

Для медицинских сестер требования к другим, в частности к объекту своей деятельности, тесно связаны с личностной ориентацией на ценность процесса жизни ($r = 0,950$), а социально предписанный перфекционизм связан с цен-

Таблица 2

Показатели перфекционизма ($M \pm \sigma$) в группах испытуемых

Выборки	Субшкалы перфекционизма			
	Перфекционизм, ориентированный на себя	Перфекционизм, ориентированный на других	Социально предписанный перфекционизм	Общий уровень перфекционизма
Медицинские сестры	72,56±13,64	56,32±10,88	58,36±9,70	189,00±24,54
Врачи	73,17±8,58	51,5±9,78	52,5±10,77	177,17±19,87
Соц. работники	66,57±12,86	55,71±3,36	54,29±9,13	176,57±20,96
Различия (t-критерий Стьюдента)				
Мед. сестры ↔ врачи	-0,225	1,912*	2,319**	1,878*
Врачи ↔ соц. работники	1,908*	-0,740	-0,555	0,092
Соц. работники ↔ мед. сестры	1,587	0,722	2,024**	1,999*

Примечание: * — $p < 0,1$; ** — $p < 0,05$.

ностью результата жизненной, профессиональной активности (удовлетворённость самореализацией, $r = 0,840$).

Учитывая, что социальные работники в большей степени нуждаются в обратной связи и одобрении со стороны [4], стоит отметить, что в данной группе «Перфекционизм, ориентированный на себя» имеет положительную связь с «Целями в жизни» и «Локус контролем — жизнь» ($r = 0,350$ и $r = 0,358$ соответственно). «Перфекционизм? ориентированный на других» (ПОД) также имеет положительную связь с «Локус контролем — жизнь» ($r = 0,530$). В группе социальных работников был выявлен специфический «пучок» взаимосвязей, образуемых социальнопредписанным перфекционизмом. Он образован отрицательными корреляциями с такими образующими смысложизненных ориентаций, как «Цели в жизни» ($r = -0,382$), «Процесс жизни» ($r = -0,379$), «Удовлетворённость самореализацией» ($r = -0,395$) и «Локус контроля — Я» ($r = -0,539$). Данное явление можно рассматривать как эффект отрицательного взаимовлияния основных компонентов ценностных, смысловых образований и высоких социальных требований, предъявляемых к социальному работнику. Это находит отражение в профессиональном самосознании человека, занятого в данном виде профессиональной деятельности, влияя на психологическое содержание основных психических регуляторов труда — образов субъекта, объекта и субъект-объектных отношений в процессе труда.

В группе врачей было обнаружено наибольшее количество связей между показателями. Явно видны два «пучка» связей, образованных «Перфекционизмом, ориентированным на себя» (ПОС) и «Социально предписанным перфекцио-

Таблица 3

Корреляционная матрица (r) субшкал СЖО и перфекционизма в разных группах респондентов

Показатели	Цели в жизни	Процесс жизни	Удовлетворённость само-реализацией	Локус контроля — Я	Локус контроля — жизнь
Медицинские сестры					
Перфекционизм, ориентированный на себя	0,242	0,215	0,235	0,254	-0,024
Перфекционизм, ориентированный на других	0,090	0,950***	0,093	0,023	0,247
Социально предписанный перфекционизм	0,023	-0,002	0,840***	0,002	-0,103
Врачи					
Перфекционизм, ориентированный на себя	-0,707***	-0,304	-0,655***	-0,578**	-0,925***
Перфекционизм, ориентированный на других	-0,381	-0,675***	-0,065	-0,196	-0,240
Социально предписанный перфекционизм	-0,820***	0,328*	-0,606***	0,053	-0,474**
Социальные работники					
Перфекционизм, ориентированный на себя	0,350*	0,049	0,246	0,039	0,358*
Перфекционизм, ориентированный на других	0,301	0,214	0,280	0,109	0,530**
Социально предписанный перфекционизм	-0,382*	-0,379*	-0,395*	-0,539**	-0,131

Примечание: * — $p < 0,1$; ** — $p < 0,05$; *** — $p < 0,01$.

низмом» (СПП). При рассмотрении первого «пучка» связей видно, что все они имеют отрицательный характер. Высокие требования, предъявляемые врачом к себе как профессионалу и личности, отрицательно коррелируют с:

— осмысленностью, личностной направленностью и временной перспективой жизни (шкала «Цели в жизни» $r = -0,707$);

- удовлетворенностью самореализацией ($r = -0,655$);
- управляемостью жизни («Локус контроля — жизнь» $r = -0,578$):
- представлением о себе как о сильной личности, обладающей достаточной свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями и представлениями о ее смысле («Локус контроля — Я» $r = -0,925$).

Второй «пучок» связей, образованный шкалой «СПП», включает в себя три отрицательных и одну положительную корреляции. «Социально предписанный перфекционизм» отрицательно связан с такими компонентами смысло-жизненных ориентаций, как «Цели в жизни» ($r = -0,820$), «Удовлетворенность самореализацией» ($r = -0,606$), и «Локус контроля — жизнь» ($r = -0,474$). Вместе с тем социально предписанный перфекционизм находится в тесной положительной связи с восприятием процесса жизни как интересного, эмоционально насыщенного и наполненного смыслом («Процесс жизни» $r = 0,328$). Однако высокая ориентация на требования к другим (ПОД) может снижать значимость процесса жизни, что и подтверждается корреляциями между «Перфекционизмом, ориентированным на других» и «Процессом жизни» ($r = -0,675$).

В целом полученные результаты дают основание для определения перспективы дальнейших исследований. Очевидно, что структуру образа значимого другого в системе психических регуляторов труда субъекта помогающих профессий можно рассмотреть с применением концепции психологического моделирования личности профессионала, которая предусматривает выделение инвариантных, специфических и вариативных психологических качеств, презентующих личность на различных уровнях её интегральной индивидуальности.

Библиографический список

1. *Абдуллаева М.М.* Семантические характеристики профессиональной направленности медиков: автореф. дис... канд. психол. наук. М., 1993.
2. *Базарова Т.С.* К вопросу о психологических особенностях личности социального работника // Вестник Бурятского государственного университета. Сер.: Психология. Соц. работа. 2009. № 5.
3. *Большакова Т.В.* Личностные детерминанты и организационные факторы возникновения психического выгорания у медицинских работников: дис... канд. психол. наук. Ярославль, 2004.
4. *Бордовский В.А.* Смысло-жизненные ориентации и эмоциональный интеллект в структуре личности социального работника // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Педагогика и психология. 2012. Вып. 4.
5. *Грачева И.И.* Адаптация методики «Многомерная шкала перфекционизма» П. Хьюитта и Г. Фетта // Психологический журнал. 2006. Т. 27, № 6.

6. *Кардовская Е. К.* Развитие профессионального самосознания студентов в процессе учебной и производственной практик: дис... канд. психол. наук. Краснодар, 2011.
7. *Касаркина Е. Н.* Показатели профессиональной компетентности личности и деятельности социальных работников // Теория и практика образования в современном мире (II): материалы Междунар. заоч. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, ноябрь 2012 г.). СПб.: Реноме, 2012.
8. *Кузнецова Г. Д.* Формирование профессиональной деятельности и личности социального работника: дис... канд. пед. наук. М., 1996.
9. *Леонтьев Д. А.* Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). 2-е изд. М.: Смысл, 2000.
10. *Маркова А. К.* Психология профессионализма. М.: Международный гуманитарный фонд «Знание», 1996.
11. *Митина Л. М.* Психология профессионального развития учителя. М.: Флинта, МПСИ, 1998.
12. *Плешакова О. В.* Теоретические аспекты психологической готовности к профессиональной деятельности социальных работников // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. 2006. № 6.
13. Реформирование социальной сферы России: проблемы, поиски решения. URL: http://www.socpolitika.ru/rus/social_policy_research/discussion/document372.shtml#header².
14. *Форманюк Т. В.* Синдром «эмоционального сгорания» как показатель профессиональной дезадаптации учителя // Вопросы психологии. 1994. № 6.
15. *Чазова А. А.* Копинг-поведение врача и больного в процессе преодоления болезни: дис... д-ра психол. наук. Бишкек, 1998.
16. *Ясько Б. А.* Психология личности и труда врача. Ростов н/Д: Феникс, 2005.

References

1. *Abdullaeva M. M.* Semanticheskie harakteristiki professional'noj napravlenosti medikov: avtoref. dis. kand. psihol. nauk. M., 1993.
2. *Bazarova T. S.* K voprosu o psihologicheskikh osobennostjah lichnosti social'nogo rabotnika // Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Psihologija. Soc. rabota. 2009. # 5.
3. *Bol'shakova T. V.* Lichnostnye determinanty i organizacionnye faktory vozniknovenija psihicheskogo vygoranija u medicinskih rabotnikov: dis... kand. psihol. nauk. Jaroslavl', 2004.
4. *Bordovskij V. A.* Smyslozhiznennye orientacii i jemocional'nyj intellekt v strukture lichnosti social'nogo rabotnika // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Pedagogika i psihologija. 2012. Vyp. 4.
5. *Gracheva I. I.* Adaptacija metodiki «Mnogomernaja shkala perfekcionizma» P. H'juitta i G. Fetta // Psihologicheskij zhurnal. 2006. T. 27, # 6.
6. *Kardovskaja E. K.* Razvitie professional'nogo samosoznaniija studentov v processe uchebnoj i proizvodstvennoj praktik: dis... kand. psihol. nauk. Krasnodar, 2011.

7. *Kasarkina E.N.* Pokazateli professional'noj kompetentnosti lichnosti i dejatel'nosti social'nyh rabotnikov // Teorija i praktika obrazovanija v sovremennom mire (II): materialy Mezhdunar. zaoch. nauch. konf. (g. Sankt-Peterburg, nojabr' 2012 g.). SPb.: Renome, 2012.
8. *Kuznecova G.D.* Formirovanie professional'noj dejatel'nosti i lichnosti social'nogo rabotnika: dis... kand. ped. nauk. M.,1996.
9. *Leont'ev D.A.* Test smyslozhiznennyh orientacij (SZhO). 2-e izd. M.: Smysl, 2000.
10. *Markova A.K.* Psihologija professionalizma. M.: Mezhdunarodnyj gumanitarnyj fond «Znanie», 1996.
11. *Mitina L.M.* Psihologija professional'nogo razvitija uchitelja. M.: Flinta, MPSI, 1998.
12. *Pleshakova O.V.* Teoreticheskie aspekty psihologicheskoj gotovnosti k professional'noj dejatel'nosti social'nyh rabotnikov // Izvestija Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.G. Belinskogo. 2006. # 6.
13. Reformirovanie social'noj sfery Rossii: problemy, poiski reshenija. URL: http://www.socpolitika.ru/rus/social_policy_research/discussion/document372.shtml#header2.
14. *Formanjuk T.V.* Sindrom «jemocional'nogo sgoranija» kak pokazatel' professional'noj dezadaptacii uchitelja // Voprosy psihologii. 1994. # 6.
15. *Chazova A.A.* Koping-povedenie vracha i bol'nogo v processe preodolenija bolezni: dis... d-ra psihol. nauk. Bishkek, 1998.
16. *Jas'ko B.A.* Psihologija lichnosti i truda vracha. Rostov n/D: Feniks, 2005.

МИССИЯ НЕВЫПОЛНИМА? ПРОДОЛЖЕНИЕ ДИСКУССИИ О РОЛИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Рецензия на монографию Л. А. Фадеевой
«Кто мы? Интеллигенция в борьбе за идентичность»
(М.: Новый хронограф, 2012)

Е. В. Морозова¹

Morozova E. V. Is the mission impossible? The continuous discussion about the role of intelligence

Новая книга известного ученого, представителя (и в значительной мере создателя) пермской школы политических исследований Любви Александровны Фадеевой является событием. Думаю, в скором времени интерес профессионального сообщества приобретёт количественное выражение в виде столь популярного ныне в академической среде индекса цитирования. Прибегнув к показателям качества, обратим внимание на черты авторского научного стиля, совокупность которых позволяет с первых страниц идентифицировать тексты Л. А. Фадеевой, о чём бы она ни писала.

Рецензируемая монография имеет несколько ключевых сюжетов, рассматриваемых в кросс-культурной и кросс-темпоральной перспективах: проблемы самоидентификации интеллигенции и интеллектуалов; противостояние профессионализма и некомпетентности; отношения интеллигенции и правящего режима; интеллектуалы как конструкторы идентичности сообществ.

Удивительным образом Л. А. Фадеева создала гармоничный синтез исследовательских линий, которые раньше оказывались в фокусе её научных интересов, а теперь не только получили развитие, но и приобрели новое синергичное качество. Не впервые автор обращается к проблемам формирования европейской идентичности, но в рецензируемом издании появился сюжетный поворот, связанный со «скрытой Европой» (Восточной и отчасти Центральной) и «мучительным путём» незападных интеллектуалов. Особая актуальность

¹ Морозова Елена Васильевна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета. E-mail: morozova_e@inbox.ru

книги связана и с тем, что она содержит попытки научного осмысления фактов социально-политической реальности, которые только состоялись и ещё не «остыли»: дело Брейвика, события на Болотной площади и т.д. Зафиксированы и раскрыты новые противоречия, например, между профессиональной идентичностью и необходимостью образования в течение всей жизни, что является требованием экономики знаний.

Текст имеет глубоко фундированный характер, библиографический список насчитывает около 400 названий на русском и иностранном языках. Бережное отношение к трудам предшественников сочетается с объективным анализом и четкой манифестацией собственной позиции. Научная школа проявляется и в неукоснительном следовании нормам научной этики (авторы идей, появившихся во взаимодействии с коллегами, названы с благодарностью). Высокий теоретический уровень монографии сочетается с читабельностью текста, заставляя вспомнить о том, что все жанры хороши, кроме скучного.

Вступая в полемику с восприятием интеллигенции исключительно как научной абстракции, Л. А. Фадеева пишет: «Речь идёт и живых или живших когда-то людях с их страстями, взлётами и заблуждениями, открытиями и ошибками, о людях, переживших свою историческую эпоху вместе с другими...» [3, с. 10]. И ведь правда, книга «густо населена» героями — будь то выдающиеся ученые Ю. Хабермас и С. Хантингтон или современные антагонисты С. Говорухин и Д. Быков, М. Гельман и А. Иванов. Полемическая нить всегда была сильной стороной научного творчества автора, и в данной монографии Л. А. Фадеева не изменяет себе. Наиболее сильный полемический заряд несут, на наш взгляд, два раздела: о возможности выбора интеллигенцией статуса носителя экспертной власти (реальной или иллюзорной) и о борьбе (нет, даже битве!) за идентичность в Пермском крае. Последнее было особо интересным для рецензента, потому что битва через короткое время была повторена в Краснодаре, правда, в форме блицкрига, где поле битвы осталось за казаками. Но вопрос остался открытым: «Возможно ли создать региональную идентичность шумными дорогостоящими шоу, создающими иллюзию столичности, либо культурный проект должен опираться на значимые для сообщества ценности, превращая их в коллективные смыслы?» [3, с. 387].

Текст очень плотный, идей россыпь. С одной стороны, радует креативный потенциал автора, с другой — часто хочется более детальных остановок, развёрнутости текста. Возникает впечатление некоей торопливости. Интересен ведь не только вывод, но и цепь рассуждений, приведших к нему.

Дизайн книги сочетает облака тегов в начале каждой главы и традиционный стиль оформления обложки. Наверное, это в какой-то мере получилось символическим и отражающим противоречивость объекта исследования.

Эмиль Фаге назвал свою книгу, посвященную современной демократии, «Культ некомпетентности» [2]. Интерпретаторы политического процесса в со-

временной России всё чаще представляют его не как противостояние власти и оппозиции, а как противоречие между профессионализмом и примитивизмом. Александр Рубцов, руководитель Центра исследований идеологических процессов Института философии РАН, считает, что агрессивный примитивизм стал основным политическим стилем [1]. Л. А. Фадеева — оптимист, и в научном, и в человеческом плане, поэтому монография пронизана верой в конструктивный потенциал современной интеллигенции, в её миссию — развивать мир мысли, духа, идей, гражданское самосознание.

Библиографический список

1. *Рубцов А.* Замазать всех: как примитивизм стал основным политическим стилем. URL: <http://www.forbes.ru/person/79546-rubtsov-aleksandr>
2. *Фаге Э.* Культ некомпетентности. М.: Evidentis, 2005.
3. *Фадеева Л. А.* Кто мы? Интеллигенция в борьбе за идентичность. М.: Новый хронограф, 2012.

References

1. *Rubcov A.* Zamazat' vseh: kak primitivizm stal osnovnym politicheskim stilem. URL: <http://www.forbes.ru/person/79546-rubtsov-aleksandr>
2. *Faget É.* Kul't nekompetentnosti. M.: Evidentis, 2005.
3. *Fadeeva L.A.* Kto my? Intelligencija v bor'be za identichnost'. M.: Novyj hronograf, 2012.

ЦИКЛЫ И ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Рецензия на монографию В. В. Лапкина
«Политическая модернизация России
в контексте глобальных изменений»
(М.: ИМЭМО РАН, 2012)

А. И. Кольба¹

Kolba A. I. The cycles and the peculiarities of russian modernization

Политическая модернизация — феномен, привлекающий неослабевающее внимание исследователей разных стран. Актуализация интереса к данному концепту в российском научном сообществе во многом связана с очередной попыткой модернизировать Россию не только в технологическом, но и в социально-политическом плане. Осмысление особенностей и подводных камней модернизационных процессов возможно только в результате совокупных усилий философов, социологов, политологов, историков и представителей других социально-гуманитарных дисциплин. Рецензируемая книга Владимира Валентиновича Лапкина позволяет рассматривать российский проект модернизации в широком историческом и социокультурном контексте.

В этом исследовании можно выделить ряд сюжетов, но к числу основных, на наш взгляд, относятся два из них — о концептуализации представлений о характере модернизационных процессов и о формировании субъектов модернизации. Первый из них решается в русле методологии исследования циклов общественногоразвития. Как отмечает автор, предпринята попытка формализации модели циклов автохтонного российского развития с акцентом на фиксацию особых (бифуркационных) точек эволюционной траектории системы [2, с. 99]. Структурно-циклическое моделирование используется в этой сфере исследований как один из основных подходов (к примеру, несколько лет назад вышла книга П. П. Яковлева «Перед вызовами времени (циклы модернизации

¹ Кольба Алексей Иванович – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета. Эл.почта: alivka2000@mail.ru

и кризисы в Аргентине)» [3]). На его основе В. В. Лапкину удалось не только создать работающую концепцию исследования, но и представить в новом ракурсе ряд основополагающих проблем исторического развития и современной политической системы России. К их числу относятся противоречия между системой государственного управления и определёнными сегментами российского общества, которые в данном контексте предстают как основания борьбы не за модернизацию как таковую, а за пути и методы её осуществления. По-новому раскрывается проблема воспроизводства авторитарных средств и методов управления. В сопоставлении с этапами модернизационных процессов яснее становится картина развертывания и свертывания публично-политического пространства. Таким образом, через призму политической модернизации во многом реконструируется политический процесс последних столетий российской истории, создается её объяснительная модель, обладающая прогнозным потенциалом.

Из этого сюжета логично развивается второй, связанный с поиском движущих сил социального развития. Характеризуя российскую модернизацию как безбуржуазную, где главным субъектом выступает государство, автор острояет внимание на проблеме, в связи с которой российский проект модернизации все ещё остается незавершённым. Феномен государствоцентричности непосредственно воздействует на характер модернизации, направляя её преимущественно в хозяйственно-практическое русло. Вместе с тем, несмотря на воспроизводство механизмов и целей модернизации, в ходе каждого её цикла накапливаются и в какой-то степени институционально закрепляются предпосылки для возникновения новых субъектов, стремящихся корректировать цели общественного развития в своих интересах. Появляются и численно растут социальные группы, остро чувствующие разрыв между декларируемыми гражданскими правами и их реальным обеспечением, о котором когда-то писал Р. Дарендорф [1]. В связи с этим конфликты модернизации на современном этапе имеют определённую специфику.

Основным вопросом в них является сохранение доктрины властесобственности или же переход социально-политических отношений в новое качество; сохранение жесткой зависимости от пройденного пути или становление новой традиции. Эта дилемма характеризует не столько конфликт власти и оппозиции (она в равной степени пересекает каждого из этих субъектов), сколько показывают события последних лет и накапливающееся в определённых кругах правящей бюрократии недовольство существующим положением дел, которое лежит в плоскости недостаточной демократичности сложившегося политического режима. Равно и идеологические разногласия оппозиции концентрируются вокруг необходимости преобразования контрэлиты в элиту правящую с последующим «косметическим ремонтом» политической системы или её глубокого преобразования. Впрочем, подобный характер противоречий дает шан-

сы на появление более дробного публично-политического пространства, что объективно способствует достижению компромисса.

Эти аспекты исследуемой темы косвенно затрагиваются автором в последней главе монографии при исследовании кризиса традиционной для России стратегии «нерыночной индустриализации». На наш взгляд, она могла содержательно выиграть, если бы проблемы современного этапа политической модернизации были представлены более развернуто. Также интересно понять представления автора о сущности новой парадигмы развития, складывание которой согласно его модели модернизационного цикла должно начаться в обозримом будущем. Однако любой научный труд, даже фундаментальный, не может дать ответа на все вопросы, интересующие читателей. Это оставляет пространство для дальнейшего научного поиска, успехов в котором хотелось бы пожелать уважаемому автору рецензируемой книги.

Библиографический список

1. *Дарендорф Р.* Современный социальный конфликт. Очерки политики свободы. М.: РОССПЭН, 2002.
2. *Лапкин В. В.* Политическая модернизация России в контексте глобальных изменений. М.: ИМЭМО РАН, 2012.
3. *Яковлев П. П.* Перед вызовами времени (циклы модернизации и кризисы в Аргентине). М.: Прогресс-Традиция, 2010.

References

1. *Dahrendorf R.* Sovremennyy social'nyj konflikt. Ocherki politiki svobody. M.: ROSSPJeN, 2002.
2. *Lapkin V.V.* Politicheskaja modernizacija Rossii v kontekste global'nyh izmenenij. M.: IMJeMO RAN, 2012.
3. *Jakovlev P.P.* Pered vyzovami vremeni (cikly modernizacii i krizisy v Argentine). M.: Progress-Tradicija, 2010.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ СТАТЕЙ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ЧЕЛОВЕК. СООБЩЕСТВО. УПРАВЛЕНИЕ»

.....

Журнал публикует работы в области политологии и политического управления, государственного и муниципального управления, местного хозяйства, менеджмента и управленческого консультирования, социологии управления, общей психологии и психологии личности, социальной и экономической психологии, психологии развития, психологии труда, педагогики и др. областях.

Порядок приема и рецензирования рукописей. Принимаются научные статьи, рецензии и обзоры объемом до 32 тыс. знаков с пробелами (до 0,8 п.л.) в электронном виде формата Word for Windows приложением («прищепкой») по электронным адресам редакции chsu1999@yandex.ru , journal@manag.kubsu.ru (просьба дублировать отсылку материалов). Рассматриваются для публикации материалы, имеющие высокую степень оригинальности, не публиковавшиеся ранее. Рукопись должна сопровождаться рецензией, написанной специалистом в той области научных исследований, которая затрагивается автором. В течение 5 дней автор получает уведомление о получении статьи и включении ее в цикл рецензирования. Для проведения рецензирования и экспертизы работ в качестве рецензентов и экспертов могут привлекаться как члены редакционной коллегии и редакционного совета, так и другие высококвалифицированные ученые и специалисты, обладающие глубокими профессиональными знаниями и опытом работы по конкретному научному направлению, как правило, доктора наук, профессора. Рецензентом не может быть автор или соавтор рецензируемой работы.

В течение последующих 30 рабочих дней автору высылается ответ с вариантом мотивированного решения: (1) статья рекомендуется к печати, (2) статья рекомендуется к печати после доработки, (3) статья не рекомендуется к печати.

Авторская справка. Рукопись должна включать сведения об авторе(-ах): ФИО полностью, ученую степень, ученое звание, место работы и занимаемую должность, номера телефона, электронный и почтовый адрес.

Оформление ссылок. Автор обязан оформлять ссылки на источники, из которых он заимствует цитаты, статистические данные и другую информацию. В конце статьи формируется *Библиографический список*, в котором цитируемые (упомянутые) источники группируются в алфавитном порядке. Каждому источнику присваивается порядковый номер. В библиографическом описании источника обязательно указывается место издания и название издательства (кроме периодических изданий), год издания. Вначале указываются источники, изданные на русском языке, затем – на иностранных.

Внутритекстовая ссылка обозначается квадратными скобками. Она должна содержать номер источника и страница (или страницы), на которую(-ые) делается ссылка. Пример ссылки: [3, с. 67] означает, что цитируется страница 67 источника под номером 3 Библиографического списка.

Резюме. Рукопись должна включать резюме статьи объемом не более 800 знаков, содержащее описание сути научного сообщения (основная идея и цель, методы, результаты исследования) на русском и английском языках, а также ключевые слова (не более десяти). К рукописи должны прилагаться: название статьи на английском языке, транслитерированная фамилия автора, транслитерированный библиографический список. Плата за публикацию с авторов журнала, в т.ч. с аспирантов, не взимается.

Редакция журнала располагается по адресу: Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, к. 412Н.

Распространение журнала. Журнал распространяется по подписке. С отдельными номерами нашего журнала можно ознакомиться и приобрести их в библиотеке факультета управления и психологии КубГУ – 4-й этаж Нового корпуса, к. 414Н. Библиотека открыта в рабочие дни с понедельника по пятницу с 10 до 17 часов.

Editorial Committee

The journal publishes works in the field of political science and political management, public and municipal administration, local economy, management and managerial consulting, managerial sociology, general psychology and personality psychology, social and economic psychology, psychology of development, labour psychology, methods of teaching and other.

How to send papers and be reviewed. Scientific papers, critical reviews and reviews are accepted up to 32 000 characters with spaces (up to 0.8 publication based sheet) in e-format of MS Word for Windows as an attachment at chsu1999@yandex.ru and journal@manag.kubsu.ru. Attn: Please send the works on both accounts! Highly original and not published earlier materials are considered. The manuscript must be accompanied by a review by an expert in the field touched by the manuscript's author.

The author is notified in 5 days about his/her article acceptance and launching the review procedure. In the process of peer-reviewing and expertise both the members of the editorial committee and editorial council can be invited and the other highly qualified experts with deep knowledge in a specific scientific field, usually Drs. Sci. and Profs. Neither the author nor co-author can be a reviewer.

The author is answered in 30 workdays with the following motivated decisions: (1) the article is recommended for publication, (2) the article is recommended for publication after being revised, (3) the article is not recommended for publication.

Author's data. The manuscript must contain the author's data: full name/s, patronymic (if any), scientific degree, scientific title, place of work and position, telephone number, address and e-mail.

References. The author must give references to the sources from which he/she cites, takes statistical data and other information. *Bibliography* chapter must be presented at the end of the manuscript where all the cited/mentioned sources must be grouped alphabetically, each item under its own number. Bibliographical description of a source must also have the place of issue and the name of publishers' (besides periodicals), and the year of publishing, Russian-language sources mentioned first followed by foreign ones.

In-text reference must be marked by square brackets and contain the number of the source and the page/s to which the reference is given, e.g. [3, p. 67] means that page 67 of source 3 of the Bibliography is referenced.

Summary. The manuscript must contain the article's summary in Russian and in English not more than 800 characters, containing description of the essence of the scientific message (main idea and goal, methods and results of the research), and keywords (not more than 10). A manuscript must be accompanied with the following information: title in English, the author's/ rs' name/s in Latin characters and the reference/s also transliterated in Latin characters.

Publication is free including for post-graduate students.

The editor's office address: 149 Stavropolskaya St., Kuban State University, room 412N, Krasnodar 350040, Russia.

Distribution. The journal is distributed by subscription. Some of the issues are available at the library of the Dept. for Management and Psychology N building, 4th floor, room 414N, open on workdays from 10 am to 5 pm.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ

В течение 5 дней после отсылки статьи автор получает уведомление о получении и включении ее в цикл рецензирования. Для проведения рецензирования и экспертизы работ в качестве рецензентов и экспертов могут привлекаться как члены редакционной коллегии и редакционного совета, так и другие высококвалифицированные ученые и специалисты, обладающие глубокими профессиональными знаниями и опытом работы по конкретному научному направлению, как правило, доктора наук, профессора. Аспиранты, представляющие свои статьи в журнал, должны также переслать в редакцию внешнюю рецензию с заверенной в установленном порядке подписью рецензента. Рецензентом не может быть автор или соавтор рецензируемой работы.

В течение последующих 30 рабочих дней автору высылается ответ с вариантом мотивированного решения: (1) статья рекомендуется к печати, (2) статья рекомендуется к печати после доработки, (3) статья не рекомендуется к печати.

Образец оформления рецензии:

Рецензия

на рукопись статьи

Иванова Ивана Ивановича, к. пол. н., доц. кафедры политологии НГУ

Текст рецензии, в которой в свободной форме излагается мнение рецензента относительно: 1) научной проблемы, решаемой автором, и ее новизны; 2) актуальности проблемы; 3) теоретической и практической значимости статьи; 4) соответствия или несоответствия положений и выводов автора современным научным концепциям, существующим в данной области исследования; 5) личного вклада автора статьи в решение рассматриваемой проблемы; 6) оценки статьи с точки зрения языка, логики и стиля изложения материала, обоснованности и достоверности выводов и заключений.

Рецензентом дается заключение о целесообразности публикации конкретного материала.

Рецензент

ФИО, научное звание, должность

«___» _____ 20___ г.

_____ Подпись, заверенная печатью

How the manuscripts are reviewed

The author is notified in 5 days about his/her article acceptance and launching the review procedure. In the process of peer-reviewing and expertise both the members of the editorial committee and editorial council can be invited and the other highly qualified experts with deep knowledge in a specific scientific field, usually Drs. Sci. and Profs.

Post-graduate students presenting their articles in the journal must also send to the editor»s external peer-review with the peer-reviewer»s signature duly confirmed. Neither the author nor co-author can be a reviewer.

The author is answered in 30 workdays with the following motivated decisions: (1) the article is recommended for publication, (2) the article is recommended for publication after being revised, (3) the article is not recommended for publication.

Sample of a peer-review

Review

Of the article by

Name/s Patronymic (if any) Family name, Cand. Sci. (Scientia), Assist. Prof.,
Chair for Scientia, Aliqua University

Here the review text goes in which the peer-reviewer expresses his/her opinion on the following: 1) what is the scientific problem and how it is solved by the author, and if it is novel; 2) if the problem is topical; 3) if the article is theoretically and/or practically valuable; 4) do the sentences and conclusions by the author correspond with existing contemporary scientific concepts of the research field; 5) personal author»s contribution to the solution of the problem considered; 6) evaluation of the article from the point of view of language, logic and style of the narration, foundation and reliability of conclusions.

The reviewer provides recommendations on whether to publish or not the material.

Reviewer: Name/s Patronymic (if any) Family name, scientific title, position

Date

Signature

Seal

HUMAN COMMUNITY MANAGEMENT

Science & Informational
Journal

2-2013

Published since March 1999 quarterly
Registered under certificate № P2829 of March
16, 1999 issued by the North-Caucasus Regional
Board on Registration and Monitoring of the
Law on Mass Media and Press of the Russian
Federation Committee for Press. Distributed
by subscription. Free price. Subscription index
in Rospechat catalogue 46483. By decision
of the Ministry for Higher Education Higher
Attestation Committee Presidium of February
19, 2010 года № 6/6 Human. Community.
Management Journal published at the
Department for Management and Psychology
of Kuban State University is included in the list
of leading peer-reviewed journals and editions,
in which main scientific results of dissertations
on completion for Doctor's and Candidate's
degrees should be published.

Founder:

Kuban State University

Editor's office address:

149 Stavropolskaya St., room k. 404N,
Krasnodar 350040, Russian Federation
tel. +7(861)2199563

Founder's Address:

149 Stavropolskaya St., Kuban State University
Contributions for publication are accepted at
chsu1999@yandex.ru.
Web-site: <http://chsu.kubsu.ru>

Editors:

Prof. **A.A. Ostapenko**, Dr. Sci. (Pedagogy);
Assist. Prof. **A.A. Louzakov**, Dr. Sci.
(Psychology); Assist. Prof. **A.I. Kolba**, Cand.
Sci. (Political Science), Deputy Editor-in-chief;
Prof. **A.M. Zhdanovsky**, Cand. Sci. (History);
Prof. **A. N. Demin**, Dr. Sci. (Psychology), Deputy
Editor-in-chief; Assist. Prof. **A. N. Kimberg**,
Cand. Sci. (Psychology); **G.S. Kourbatova**,
Executive Editor; Prof. **G.V. Fomenko**, Dr. Sci.
(Psychology); Prof. **L.N. Ozhigova**, Dr. Sci.
(Psychology); **N.A. Riabchenko**, Cand. Sci.
(Political Science), Technical Officer; Prof. **T.A.
Avdeeva**, Dr. Sci. (Economics), Deputy Editor-in-
chief; Assist. Prof. **T.A. Miasnikova**, Cand. Sci.
(Economics); Assist. Prof. **T.G. Lavrova**, Cand.
Sci. (Economics); Prof. **V.M. Yurchenko**, Dr.
Sci. (Philosophy), Deputy Editor-in-chief; Assist.
Prof. **V.V. Yermolenko**, Dr. Sci. (Economics);
Assist. Prof. **Ye.V. Savva**, Cand. Sci. (Philosophy);
Prof. **Yu.V. Filippov**, Cand. Sci. (Economics)

Editor-in-chief:

Prof. **Yelena V. Morozova**, Dr. Sci. (Philosophy)

Editorial board:

Prof. **A.A. Bodalev**, Dr. Sci. (Psychology), Member of
Rus. Acad. of Education; Prof. **A.G. Ivanov**, Dr. Sci.
(History), Kuban State University; Prof. **A.N. Shvetsov**,
Dr. Sci. (Economics), Rus. Acad. Sci. Institute of Systemic
Analysis; Prof. **A.P. Romanova**, Dr. Sci. (Philosophy),
Astrakhan State University; Prof. **A.V. Dmitriev**, Dr. Sci.
(Philosophy), Associate Member of Rus. Acad. Sci. (Rus.
Acad. Sci. Institute of Philosophy); Prof. **I.S. Semenenko**,
Dr. Sci. (Political Science), Rus. Acad. Sci. Institute of
International Economics and International Relations;
Prof. Dr. **Jürgen Keffler**, Hochschule für Technik
und Wirtschaft Berlin – University of Applied
Sciences Berlin, Germany; Prof. **L.A. Fadeeva**, Dr. Sci.
(History), Perm State National Research University;
Prof. **L.I. Nikovskaya**, Dr. Sci. (Sociology), Rus. Acad.
Sci. Institute of Sociology; Prof. **L.V. Smorgunov**,
Dr. Sci. (Philosophy), St. Petersburg State University;
Prof. **N.V. Kuzmina**, Dr. Sci. (Psychology), Rus. Acad.
of Education; Prof. **O. L. Januškevičienė**, Dr. Sci.
(Pedagogy), Dr. of Mathematics, Lietuvos edukologijos
universitetas – Lithuanian University of Educational
Sciences. Prof. **O.F. Shabrov**, Dr. Sci. (Political Science),
Russian Academy of Economy and Public Service
under the President of the Russian Federation; Prof.
S.P. Potzeluyev, Dr. Sci. (Political Science), South Federal
University; Prof. **T.A. Alekseeva**, Dr. Sci. (Philosophy),
Moscow State Institute of International Relations –
University of the Ministry of Foreign Affairs of the
Russian Federation; Prof. **V.I. Podshivalkina**, Dr. Sci.
(Sociology), Mechnikov Odessa National University,
Ukraine; Prof. **V.P. Bederkhanova**, Dr. Sci. (Pedagogy),
Kuban State University; Prof. **V.V. Znakov**, Dr. Sci.
(Psychology), Rus. Acad. Sci. Institute of Psychology;
Prof. **Yu.P. Zinchenko**, Dr. Sci., (Lomonosov Moscow
State University); Prof. **Z.A. Jadé**, Dr. Sci. (Political
Science), Adyghee State University; Prof. **Z.I. Ryabikina**,
Dr. Sci. (Psychology), Kuban State University

2-2013

CONTENTS

PROBLEMS OF SOCIAL THEORY

Yakushenkov S.N., Yakushenkova O.S. Abundance resources as one of the peculiarities of frontier territories 4

COMPARATIVE POLITICAL STUDIE

Myronenko P.V. The formation regularities forms of government in the post-soviet space policy 16

SECURITY PROBLEMS

Usmanov R.H. Ethnopolitical security in the border areas of the South Russia and prospects of frontier migration 29

SOCIOLOGY OF YOUTH

Volovik E.P., Plotichkina N.V. The game practices in the everyday life of Kuban youth . 41

POLITICAL ANALYSIS

Goloushkin S.A. The indicators for monitoring evaluation and development of small business: the problems of choice. 49

POLITICAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

Lomovskaya O.E. The development of civil-military relations in the context of national security: The theoretical aspects 58

Vlasov S.S. From the institutional market recovery of modern russia to the civilized business culture 68

PERSONALITY PSYCHOLOGY

Ryabikina Z.I., Bogomolova E.I. The possible changes subject position of the person to the expanding virtualization of its existance 76

LABOUR PSYCHOLOGY

Bordovskiy V.A. The relationship the meaning of life orientations and perfection at the personal features structure of subject in help-professions 91

REVIEWS

Morozova E.V. Is the mission impossible? The continious discussion about the role of intellegence 101

Kolba A.I. The cycles and the peculiarites of russian modernization 104

INFORMATION FOR AUTHORS 107

PROCEDURE FOR RECEIVING AND REVIEWING MANUSCRIPTS 110